

Жетысуский университет имени И. Жансугурова

УДК 340.143:004

На правах рукописи

ДИГАЙ ДАМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

**Правовое регулирование обеспечения доступа к информации
(национальное законодательство и международный опыт)**

8D04201 – Юриспруденция

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
асс. профессор, PhD
Нұрмуханқызы Дания,

Daniel Wojtczak доктор
юридических наук,
профессор кафедры права и
администрации,
Катовице Бизнес университета

Республика Казахстан
Талдыкорган, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

	НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ.....	3
	ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	4
	ВВЕДЕНИЕ.....	5
1	ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ.....	18
1.1	Понятие и сущность права на доступ к информации.....	18
1.2	Историческое развитие и эволюция правового регулирования доступа к информации.....	27
1.3	Принципы правового регулирования доступа к информации.....	42
1.4	Международные стандарты и ключевые документы в области доступа к информации.....	54
2	ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ.....	61
2.1	Конституционные основы права на доступ к информации в РК.....	61
2.2	Практика реализации права на доступ к информации в РК: достижения и проблемы.....	79
2.3	Практика зарубежных государств в сфере обеспечения доступа к информации.....	90
3	ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ	102
3.1	Проблемные аспекты реализации права на доступ к информации.....	102
3.2	Роль цифровых технологий в обеспечении прозрачности и доступности информации.....	116
3.3	Право на доступ к информации и цифровизация правовой системы: вызовы и направления развития.....	127
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
	СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	139
	ПРИЛОЖЕНИЕ А. Проект сравнительной таблицы.....	158
	ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Результаты социологического опроса	165

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие нормативные акты:

Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.)

Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 401-V «О доступе к информации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.)

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2025 г.)

Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.01.2025 г.)

Закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 93-VIII «О масс-медиа»

Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-II «О связи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.01.2025 г.)

Закон Республики Казахстан от 28 января 2025 года № 161-VIII «О ратификации Марракешского договора об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям»

Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 404-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации»

Закон Республики Казахстан от 13 января 2025 года № 157-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации, общественного участия, государственных наград и исключения излишней законодательной регламентации»

Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.09.2024 г.)

Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года № 95-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.12.2024 г.)

Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года № 106-VIII «О государственных закупках» (с изменениями от 31.12.2024 г.)

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- РК – Республика Казахстан
ЕС – Европейский союз
ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ИИ – Искусственный интеллект
СССР – Союз советских социалистических республик
СМИ – Средства массовой информации
НПО – Неправительственные организации
НПА – Нормативные правовые акты
ЦГО – Центральные государственные органы
МИО – Местные исполнительные органы
КПИ – Конвенции о правах инвалидов
ООН – Организация объединенных наций
США – Соединенные штаты Америки
СРП – Соглашения о разделе продукции
КГД – Комитет государственных доходов
МФ РК – Министерство финансов Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационной работы:

В первой главе диссертационного исследования раскрываются понятие и сущность права на доступ к информации, а также прослеживается его историческая эволюция с учётом формирования международных стандартов в данной сфере. Особое внимание уделяется анализу ключевых международных документов, в которых данное право получило нормативное закрепление, и их значению для становления демократических институтов. Подчёркивается, что право на доступ к информации является не вспомогательным, а базовым элементом демократического и правового государства, поскольку напрямую связано с обеспечением прозрачности публичной власти, подотчётности государственных органов и возможностью участия граждан в управлении государственными делами. В рамках главы также рассматриваются международные подходы к реализации данного права, в том числе в контексте противодействия коррупции, что позволяет обосновать необходимость интеграции принципов открытости и прозрачности в национальные правовые системы.

Во второй главе исследуются правовые и институциональные основы регулирования доступа к информации в Республике Казахстан. Основной акцент сделан на анализе конституционных положений и действующих законодательных актов, регулирующих реализацию данного права. В ходе исследования выявляются ключевые проблемы правоприменительной практики, включая ограниченный доступ к социально значимой информации, сложность и формализованность процедур подачи запросов, а также недостаточную определённость отдельных норм законодательства. Сопоставление национального регулирования с международными стандартами позволяет выявить существенные пробелы и противоречия, снижающие эффективность реализации права на доступ к информации. Отдельное внимание уделяется роли государственных органов в обеспечении информационной открытости, а также анализу ограничений, связанных с институтом государственной тайны и иными видами охраняемой законом конфиденциальной информации.

Третья глава посвящена анализу проблем и перспектив совершенствования правового регулирования доступа к информации в Республике Казахстан. В ней рассматриваются административные, технические и правовые барьеры, которые на практике препятствуют полноценной реализации данного права. В частности, анализируются недостатки цифровизации государственных услуг, фрагментарность информационных систем и слабая координация между государственными органами. На основе проведённого анализа предлагаются конкретные рекомендации, направленные на модернизацию законодательства, расширение использования цифровых технологий и создание независимых механизмов контроля за соблюдением права на доступ к информации. Обосновывается, что реализация указанных мер способна повысить уровень

прозрачности государственного управления и укрепить доверие граждан к институтам власти.

В целом диссертация представляет собой комплексное исследование права на доступ к информации, охватывающее его теоретические, институциональные и практические аспекты. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования правового регулирования с учётом международного опыта и национальных особенностей правовой системы Республики Казахстан.

Актуальность темы исследования обусловлена значением права на доступ к информации как одного из ключевых элементов формирования демократического и правового государства. Реализация данного права выступает необходимым условием обеспечения прозрачности деятельности государственных органов, их подотчётности обществу и реального участия граждан в процессе принятия публичных решений, что приобретает особую значимость в условиях цифровизации и роста объёма социально значимой информации. Право на получение информации признано на международном уровне и закреплено в таких актах, как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, а также нашло отражение в правовых системах большинства демократических государств. Его эффективная реализация способствует развитию гражданского общества, снижению коррупционных рисков и укреплению доверия населения к органам публичной власти.

Для Республики Казахстан актуальность выбранной темы усиливается задачами модернизации государственного управления и повышения открытости деятельности органов власти. Конституция Республики Казахстан[1] (статья 18) закрепляет право каждого на доступ к информации, однако его практическая реализация сталкивается с рядом устойчивых проблем. К числу таких проблем относятся административные барьеры, недостаточный уровень цифровизации, сложность процедур обращения за информацией, а также неоднородность правоприменительной практики. Указанные обстоятельства объективно ограничивают возможности граждан по получению социально значимой информации и снижают уровень подотчётности государственных органов.

Актуальность исследования подтверждается также положениями Послания Президента Республики Казахстан К. Токаева народу Казахстана от 01 сентября 2021 г.[2], в котором подчёркивается необходимость повышения прозрачности и дальнейшего развития цифровых государственных сервисов. Аналогичные ориентиры закреплены в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года[3], где обращается внимание на необходимость совершенствования законодательства в сфере доступа к информации и укрепления доверия общества к государству. Указанные стратегические документы определяют общее направление правовых реформ и подтверждают значимость выбранной темы для современного этапа развития Казахстана.

Дополнительную актуальность исследованию придаёт международный опыт, свидетельствующий о том, что эффективное обеспечение права на доступ к информации является важным фактором снижения уровня коррупции и повышения качества государственного управления. Практика таких государств, как Швеция, Финляндия и Индия, показывает, что сочетание развитого законодательства, независимых надзорных механизмов и цифровых инструментов способствует реальной открытости власти. Для Казахстана, находящегося в процессе трансформации правовой системы, данный опыт представляет практический интерес с точки зрения его адаптации к национальным условиям.

Значимость темы усиливается и ратификацией Республикой Казахстан Марракешского договора[4], направленного на обеспечение доступа к опубликованным произведениям для лиц с нарушениями зрения. Присоединение к данному договору подтверждает приверженность государства принципам инклюзивности и равного доступа к информации, одновременно возлагая на национальные органы обязанность по созданию эффективных механизмов его реализации, включая совершенствование законодательства и развитие цифровых платформ.

Особое внимание в диссертации уделяется анализу административных, технических и правовых препятствий, затрудняющих реализацию права на доступ к информации в Казахстане. Недостаточная межведомственная координация, устаревшие процедуры документооборота и отсутствие единого комплексного подхода к информационной открытости формируют системные проблемы, требующие комплексного правового решения. В этой связи обосновывается целесообразность создания независимых надзорных институтов, способных эффективно контролировать соблюдение законодательства и обеспечивать защиту прав граждан.

Таким образом, диссертационное исследование направлено на выявление ключевых проблем правового регулирования доступа к информации в Республике Казахстан и разработку научно обоснованных рекомендаций по его совершенствованию. Полученные выводы и предложения ориентированы на достижение стратегических целей государства, включая укрепление демократических институтов, повышение качества государственного управления и развитие правового государства.

Степень разработанности темы исследования характеризуется значительным объёмом международных и национальных исследований, при этом в казахстанском контексте данная проблематика остаётся недостаточно разработанной, особенно в части анализа правоприменительной практики. На международном уровне право на доступ к информации закреплено в ключевых актах, включая Всеобщую декларацию прав человека(статья 19) [5] и Международный пакт о гражданских и политических правах(статья 19) [6], которые заложили основу для формирования универсальных стандартов прозрачности и подотчётности власти.

Существенный вклад в развитие доктрины права на доступ к информации внесли работы Тоби Менделя, в частности исследование

«Свобода информации: сравнительное правовое исследование», в котором подчёркивается необходимость наличия чётких процедур, независимых надзорных органов и эффективных механизмов обжалования[7]. Аналогичные подходы развиваются в трудах Дэвида Банисара[8] и Хелен Дарбишир[9], где особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий на реализацию данного права и возникающим при этом новым правовым вызовам.

В Республике Казахстан основой правового регулирования в данной сфере является Закон «О доступе к информации» от 16 ноября 2015 г.[10], который, несмотря на свою значимость, на практике сталкивается с проблемами реализации и требует дальнейшего совершенствования с учётом международных стандартов.

Среди научных исследований казахстанских авторов данная тема получила определённое отражение, однако комплексный анализ эффективности действующего регулирования и его соответствия международным подходам по-прежнему остаётся актуальной научной задачей. Елена Викторовна Нестерова, кандидат юридических наук, подготовила исследование, в котором анализируются правовые аспекты регулирования информации в Казахстане. Она подчёркивает необходимость совершенствования нормативной базы в условиях цифровизации, что особенно актуально для обеспечения эффективного доступа к информации[11]. Гульнар Эркеблановна Абдрасулова в своей работе «Актуальные вопросы международного сотрудничества Республики Казахстан в сфере гражданско-правового оборота информации» рассматривает правовые аспекты доступа к информации через призму международного сотрудничества и акцентирует внимание на значении интеграции международных стандартов в национальное законодательство[12, с.79].

К.Ж. Әміржан в своей статье «Доступ к информации как ключевой элемент проведения административной реформы в Казахстане» исследует роль доступа к информации в контексте административных преобразований. Автор акцентирует внимание на важности прозрачности и открытости государственных органов для повышения их подотчётности перед обществом. Эти работы подчёркивают значимость доступа к информации как важнейшего элемента правового государства, однако отмечают существующие пробелы в законодательной и институциональной основе [13, с.155].

Ережепқызы Р. в своем диссертационном исследовании на тему «Правовое регулирование доступа общественности к информации в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов (сравнительный анализ национального и международного законодательства)» провела комплексный анализ правовых механизмов, обеспечивающих доступ общественности к экологической информации, сравнив национальное законодательство Казахстана с международными стандартами. Она рассмотрела понятие и содержание экологической информации, принципы ее

предоставления, а также роль общественности в реализации экологических прав. Особое внимание было уделено анализу Орхусской конвенции и ее имплементации в национальное законодательство [14].

В диссертационном исследовании Жумабаевой Г.А. на тему «Конституционные гарантии свободы слова и права на доступ к информации в сети Интернет», проведён комплексный анализ конституционно-правовых аспектов свободы слова и права на доступ к информации, их взаимосвязи и особенностей реализации в условиях цифровизации. Особое внимание уделено конституционным гарантиям данных прав, закреплённым в законодательстве Казахстана, и специфике их реализации в интернет-пространстве [15].

Диссертационное исследование Жексембаевой Н.Е. на тему «Проблемы реализации информационных прав человека в условиях цифровизации в Республике Казахстан» [16] является наиболее современным исследованием, которая посвящена комплексному анализу влияния цифровизации на трансформацию информационных и других прав человека, а также разработке теоретических положений и научно-практических рекомендаций по совершенствованию законодательства с учетом этих изменений. Особенностью исследования является его ориентация на выявление новых вызовов, которые цифровая среда создает для прав человека, а также на поиск решений для их правового регулирования. Важным аспектом исследования является акцент на адаптации законодательства к цифровым реалиям, что предполагает разработку новых норм и механизмов правоприменения. Таким образом, диссертация направлена на формирование целостного понимания трансформации прав человека в условиях цифровизации и выработку научно обоснованных рекомендаций по их защите и регулированию.

Диссертационные исследования, направленные на регулирование общественных отношений, связанных с доступом и распространением информации, сыграли важную роль в развитии казахстанской юридической науки. В этой связи особого внимания заслуживают работы, посвященные различным аспектам правового регулирования информационных отношений.

Так, диссертация Шарафутдинова Д.Ф. [17] на тему «Правовое регулирование участия общественных организаций в получении и распространении экологической информации» внесла значительный вклад в развитие правовых механизмов обеспечения доступа к экологически значимой информации. В своем исследовании автор обосновал важность участия общественных организаций в процессах информирования населения о состоянии окружающей среды и экологических рисках, а также выявил законодательные пробелы, препятствующие эффективному осуществлению данного права.

Еще одним важным вкладом в изучение правового регулирования информационного пространства стала диссертация Шакенова М.А. [18] на тему «Правовое регулирование информационного пространства». В ней исследованы правовые основы функционирования информационного

пространства Республики Казахстан, проанализированы механизмы защиты от дезинформации, киберугроз и ограничений свободы слова, а также предложены правовые меры по повышению уровня информационной безопасности государства.

Вопросу свободы информации и доступа к сведениям о деятельности государственных органов посвящена диссертация Ибрагимова А.Т. [19] «Конституционно-правовые основы обеспечения свободы доступа к информации о деятельности органов государственного управления Республики Казахстан». В данной работе автор детально изучил механизмы обеспечения открытости государственной информации, проанализировал существующие ограничения и барьеры, препятствующие реализации этого права, а также предложил конкретные правовые инструменты для повышения прозрачности государственного управления.

Особое значение в развитии правовых основ информационной безопасности сыграло исследование Жатканбаевой А.Е. [20] на тему «Теоретические проблемы конституционно-правового обеспечения информационной безопасности в Республике Казахстан». В нем рассмотрены угрозы и риски, связанные с информационной безопасностью, вопросы правового регулирования защиты данных, роль государства в обеспечении безопасности цифрового пространства, а также соотношение информационной безопасности и свободы информации.

Все вышеназванные исследования внесли большой вклад в развитие конституционного права граждан на доступ к информации, стали важной основой для совершенствования законодательной базы в этой сфере и оказали влияние на принятие Закона Республики Казахстан «О доступе к информации». Однако, несмотря на значимость данных исследований, следует отметить, что они были проведены более 10 лет назад и, соответственно, не охватывают современные вызовы, связанные с цифровизацией, развитием искусственного интеллекта, киберугрозами и необходимостью усиления правовых механизмов защиты данных.

С учетом стремительного развития информационного общества, изменений в международном правовом регулировании, а также новых проблем, связанных с конфиденциальностью, прозрачностью и правами граждан в цифровом пространстве, возникает объективная необходимость в проведении актуальных исследований, направленных на анализ современных тенденций в сфере доступа к информации и совершенствование законодательства Республики Казахстан в соответствии с международными стандартами.

Центр исследования правовой политики (LPRC) провел экспертную оценку проекта Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» на предмет его соответствия международным правовым стандартам. В материалах центра, таких как «Анализ проекта Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» по критериям глобального индекса свободы информации (RTI)», отмечается необходимость внесения изменений в законодательство. В частности, подчеркивается важность создания

независимого органа, который будет рассматривать обращения и жалобы, связанные с нарушением права на получение информации[21].

Международные организации, включая Европейский Союз и ЮНЕСКО, внесли значительный вклад в развитие вопросов, связанных с доступом к информации. В рамках финансируемого Европейским союзом проекта «Казахстан без цензуры» было проведено специальное исследование, направленное на оценку уровня информационной открытости и состояния свободы выражения мнений в стране. Итоговый отчёт по результатам исследования содержит ряд практических рекомендаций, ориентированных на совершенствование механизмов реализации права на доступ к информации и преодоление существующих правовых и институциональных барьеров. Наряду с этим государственные органы, в частности Министерство информации и общественного развития, на регулярной основе публикуют аналитические материалы и отчёты о состоянии доступа к информации, которые могут использоваться в качестве инструмента мониторинга и оценки динамики развития данной сферы[22].

Вместе с тем, несмотря на наличие нормативной базы и определённого массива научных исследований, в Республике Казахстан сохраняется ряд проблем, связанных с практической реализацией права на доступ к информации. На практике граждане нередко сталкиваются с недостаточной прозрачностью деятельности государственных органов, формальным подходом к рассмотрению информационных запросов и отсутствием действенных механизмов обжалования отказов в предоставлении информации. Существенным ограничивающим фактором остаётся и институциональная слабость данной сферы, выражающаяся, в частности, в отсутствии независимого органа, наделённого полномочиями по защите и обеспечению реализации права на доступ к информации.

Исходя из этого, проблематика правового регулирования доступа к информации в Республике Казахстан сохраняет высокий научный и практический потенциал для дальнейших исследований. Очевидной является потребность в разработке предложений, направленных на совершенствование законодательных механизмов, повышение уровня прозрачности деятельности государственных органов и формирование институциональных структур, соответствующих международным стандартам. Последовательная работа в данном направлении способна внести вклад в укрепление демократических институтов, повышение подотчётности публичной власти и обеспечение реального осуществления права граждан на доступ к информации.

Цель и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является анализ правового регулирования и практики реализации права на доступ к информации в Республике Казахстан, изучение международных стандартов и зарубежного опыта в данной сфере, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели в диссертации предполагается решение следующих задач:

- исследовать понятие и сущность права на получение информации, а также его значение для формирования правового государства и демократического общества;

- проанализировать эволюцию законодательства Республики Казахстан, регулирующего вопросы доступа к информации;

- рассмотреть конституционные и законодательные нормы, направленные на обеспечение реализации права граждан на доступ к информации;

- выявить ключевые достижения и существующие проблемы практического применения норм о доступе к информации;

- изучить основные международные правовые акты, регулирующие вопросы информационной открытости;

- провести сравнительный анализ законодательства и практики реализации права на получение информации в Республике Казахстан и зарубежных государствах.

- Выявить основные барьеры, с которыми сталкиваются граждане и организации при попытке получить доступ к информации.- Исследовать роль цифровых технологий в обеспечении прозрачности и доступности информации;

- Разработать рекомендации по улучшению национального законодательства с учётом международных стандартов и успешного зарубежного опыта;

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования и практической реализации права на доступ к информации. Эти отношения охватывают взаимодействие между гражданами, юридическими лицами, государственными органами и международными организациями, а также регламентируются национальными и международными нормативно-правовыми актами, направленными на обеспечение прозрачности, подотчетности и доступности информации.

Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие вопросы обеспечения доступа к информации, механизмы их реализации, а также концепции, принципы и инструменты, предусмотренные как в национальном законодательстве Республики Казахстан, так и в международных правовых стандартах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке новых теоретических и практических подходов к пониманию и совершенствованию механизмов правового регулирования доступа к информации. В частности, в диссертационном исследовании предлагается комплексный анализ действующего национального законодательства в сфере доступа к информации, в рамках которого выявляются как его сильные стороны, так и существующие проблемные аспекты. Анализ направлен не только на констатацию пробелов и противоречий, но и на выработку

конкретных рекомендаций по их устранению. В этой связи особое внимание уделяется последним изменениям в нормативно-правовой базе, а также оценке их реального влияния на практику реализации права граждан на доступ к информации и степень их эффективности.

Научная новизна исследования также проявляется в проведении сравнительно-правового анализа международного опыта правового регулирования доступа к информации. Такой подход позволяет выявить наиболее устойчивые и результативные модели обеспечения информационной открытости, а также определить возможности их адаптации к национальным условиям. В рамках исследования рассматривается опыт государств с развитыми демократическими институтами, включая страны Европейского союза, США и Канаду, а также отдельных постсоветских государств, что даёт возможность выявить как общие тенденции развития правового регулирования, так и специфические особенности, обусловленные различиями в правовых системах и институциональной среде.

Отдельным элементом научной новизны является разработка подходов к обеспечению баланса интересов государства, общества и частных лиц в сфере доступа к информации. Данный аспект приобретает особую актуальность в условиях цифровизации государственного управления и постоянного увеличения объёма обрабатываемых и хранимых данных, когда необходимость обеспечения открытости должна сочетаться с защитой законных интересов и конфиденциальной информации.

Кроме того, научная новизна исследования связана с формулированием конкретных механизмов повышения прозрачности и подотчётности государственных органов, а также с предложением изменений и дополнений в действующее законодательство о доступе к информации. В совокупности это позволяет рассматривать диссертационное исследование как попытку внести вклад в развитие теории и практики правового регулирования доступа к информации, предлагая прикладные решения актуальных проблем данной сферы.

Методологическая основа диссертационного исследования включает совокупность общенаучных и специальных методов, применение которых обеспечивает всестороннее изучение объекта и предмета исследования и позволяет последовательно достигать поставленных целей и задач. В основе методологии лежит сочетание различных подходов, ориентированных на комплексный анализ рассматриваемой проблематики.

Прежде всего, в исследовании используется формально-юридический метод, предполагающий анализ нормативно-правовых актов и правовых институтов, регулирующих право на доступ к информации. Применение данного метода направлено на выявление пробелов, коллизий и внутренних несогласованностей законодательства, а также на формирование предложений по их устранению с целью повышения эффективности и целостности правового регулирования.

Наряду с этим применяется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить национальные подходы к обеспечению доступа к

информации с зарубежной практикой и международными стандартами. Использование данного метода даёт возможность оценить применимость отдельных зарубежных решений в казахстанских условиях и определить направления возможной рецепции международного опыта.

В исследовании также использовались эмпирические методы, включая анализ судебной практики, изучение статистических данных и экспертных оценок, что позволило оценить практическую реализацию норм о доступе к информации и выявить проблемы, с которыми сталкиваются граждане, государственные органы и иные участники информационных правоотношений.

Дополнительно применялись социологические методы, в том числе анкетирование и интервьюирование, направленные на изучение уровня осведомлённости граждан о своих правах в сфере доступа к информации и их восприятия эффективности действующих механизмов реализации данного права.

В экспертном опросе приняли участие 49 экспертов. Критериями отбора было наличие не менее 10 лет опыта в области информационной безопасности, что обеспечило участие респондентов с обширными практическими знаниями в данной сфере.

Электронное письмо содержало следующие вопросы, подразумевающие множественный выбор ответов:

1. Какие компоненты входят в систему обеспечения доступа к информации?

2. Какие типы информации с ограниченным доступом необходимо определить для обеспечения информационной безопасности и защиты общественных интересов? Экспертный опрос проводился посредством электронной почты. Каждый эксперт получил письмо с анкетой и приглашением к участию. Опрос проводился в течение 10 календарных дней. Участникам была предоставлена информация о целях опроса, а также указано, что результаты будут опубликованы без раскрытия их личных данных.

Также был проведен социологический опрос с участием 179 респондентов (государственные служащие, студенты, научные работники, работники НПО, предприниматели, СМИ, блогеры и школьники), направленный на выявление препятствий, возникающих при реализации гражданами своих прав на доступ к информации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дефиниция «информации» не может быть универсальной, поскольку ее содержание, свойства и правовое регулирование существенно зависят от конкретной отрасли, в которой она используется. В научной и правовой литературе существует множество определений информации, отражающих ее различные аспекты. Однако универсальность такого определения ставится под сомнение при рассмотрении информации в различных правовых отраслях. Таким образом, универсальное определение информации невозможно, поскольку ее свойства, правовой статус и значение изменяются

в зависимости от контекста применения. Это требует отраслевого подхода к правовому регулированию информации, адаптированного к специфике каждой сферы.

2. Необходимость признания охраняемой и коммерчески значимой информации объектом гражданских прав обусловлена ее экономической ценностью, участием в имущественном обороте и потребностью в эффективной правовой защите. В условиях цифровой экономики информация приобретает статус стратегического ресурса, который может быть объектом сделок, лицензирования и иных гражданско-правовых отношений. К таким видам информации, прежде всего, относятся коммерческая тайна, ноу-хау, персональные данные, конфиденциальные сведения хозяйствующих субъектов, а также иные данные, обладающие самостоятельной ценностью для их обладателей и не предназначенные для свободного распространения. Общей особенностью указанной информации является то, что её экономическое и правовое значение напрямую связано с ограниченным доступом и установленным режимом охраны.

Признание информации объектом гражданских прав позволяет более чётко выстроить баланс между свободой распространения информации и необходимостью её правовой защиты, что приобретает особую актуальность в условиях цифровизации экономики и расширения оборота данных. Включение охраняемой и коммерчески значимой информации в систему объектов гражданских прав представляется необходимым условием для формирования устойчивого механизма её правового регулирования и защиты. Такой подход, с одной стороны, способствует устранению существующих пробелов и неопределённости в законодательстве, а с другой - создаёт предпосылки для развития информационных правоотношений в рамках гражданского оборота, включая договорные и внедоговорные формы использования информации.

3. Анализ положений Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» показывает, что обязанность обеспечивать доступ к достоверным и полным сведениям возлагается на юридические лица, являющиеся получателями бюджетных средств, но только в части, касающейся их использования. Однако такой подход не полностью согласуется с нормами Бюджетного кодекса Республики Казахстан, который определяет получателями бюджетных средств как юридических, так и физических лиц, получающих финансирование через администраторов бюджетных программ и использующих его в рамках реализации соответствующих мероприятий. В связи с этим перечень субъектов, обязанных предоставлять информацию, должен быть расширен и включать физических лиц, получающих бюджетное финансирование.

Во-вторых, все субъекты, обладающие информацией и получающие финансирование из бюджета в рамках исполнения Закона Республики Казахстан «О доступе к информации», обязаны раскрывать сведения о целевом использовании этих средств. Однако на практике нередко наблюдается, что организации, выигравшие тендеры, не публикуют данные о

расходовании бюджетных средств, которые не подпадают под ограничения доступа. Более того, значительная часть таких организаций не располагает официальными интернет-ресурсами или страницами в социальных сетях, где могла бы размещаться соответствующая информация.

4. Совершенствование правового регулирования доступа к информации требует комплексного подхода к обеспечению прозрачности государственных расходов. Одной из ключевых инициатив в этом направлении должно стать создание единой цифровой платформы для государственных закупок и закупок квазигосударственного сектора, а также автоматизация процессов закупок с применением искусственного интеллекта. В настоящее время процессы государственных закупок и закупок организаций квазигосударственного сектора в Казахстане осуществляются через разрозненные информационные системы, что затрудняет их мониторинг, анализ эффективности и общественный контроль. Это приводит к непрозрачности расходования бюджетных средств, дублированию закупок, снижению эффективности их проведения, а также создает благоприятные условия для коррупционных схем, связанных с ограниченным доступом к информации о тендерах. Отсутствие единой базы данных не позволяет проводить системный анализ закупочных процедур и выявлять нарушения на ранних стадиях.

Создание единой цифровой платформы для государственных закупок и закупок квазигосектора позволит устранить указанные проблемы, обеспечив полную прозрачность закупочных процедур за счет консолидации данных о тендерах, победителях и стоимости контрактов. Это позволит минимизировать коррупционные риски, облегчить общественный контроль и расширить участие бизнеса в государственных закупках. Кроме того, централизованная система закупок приведет к сокращению затрат государства за счет унификации процедур, исключения дублирования и оптимизации расходования бюджетных средств.

5. На основе проведенного исследования международного опыта и анализа нормативных актов Республики Казахстан, установлено что, Закон «О доступе к информации» [10] регулирует общественные отношения, возникающие в результате реализации конституционного права каждого свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом. В частности, статья 6 закона определяет категории информации, доступ к которой не подлежит ограничению, включая сведения о расходовании бюджетных средств, использовании государственного имущества и экологической обстановке. Таким образом, условия соглашений о разделе продукции, заключаемых с иностранными инвесторами должны быть доступны общественности, поскольку они затрагивают национальные ресурсы и интересы государства. Таким образом, обязательное раскрытие информации о соглашениях с иностранными инвесторами соответствует законодательству Республики Казахстан и отвечает интересам общества в обеспечении прозрачности и подотчетности использования национальных

ресурсов. Полагаем, что с учетом вышеуказанного, подлежит корректировке пункт 9) статьи 6 Закона «О доступе к информации» должен быть дополнен

6. Для эффективной реализации права граждан на получение информации, повышения прозрачности работы государственных структур и устранения пробелов в правоприменении норм Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» необходимо внедрение института уполномоченного по вопросам доступа к информации (информационного комиссара).

Институт информационного комиссара можно реализовать как подразделение при Уполномоченном по правам человека Республики Казахстан.

На практике граждане и организации сталкиваются с трудностями, связанными с отказами в предоставлении информации, задержками в ответах и недостаточной прозрачностью государственных органов. Отсутствие единого независимого органа, уполномоченного контролировать соблюдение законодательства в данной сфере, ограничивает реализацию права на доступ к информации.

7. Ограничение доступа к сетям связи и интернет-ресурсам правоохранительными органами без судебного контроля создает риски для государственного суверенитета, прав граждан и общественной стабильности. Подобные меры могут привести к дестабилизации, ограничению права на доступ к информации, экономическим потерям и снижению доверия к государственным институтам.

Для минимизации рисков злоупотреблений и обеспечения баланса между обеспечением национальной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан, представляется целесообразным пересмотреть статью 41-1 Закона «О связи» [23].

Диссертационное исследование обладает как теоретической, так и практической значимостью, поскольку способствует развитию правовой науки и решению актуальных проблем, связанных с нормативным регулированием права на доступ к информации.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в углублении представлений о праве на доступ к информации как об одном из ключевых элементов системы прав и свобод человека. В работе раскрываются сущность и правовая природа данного права, а также показывается его связь с иными конституционными правами и базовыми принципами правового государства. Проведённый анализ позволяет уточнить место права на доступ к информации в системе публично-правовых и частноправовых гарантий, а также расширяет теоретическую базу знаний о механизмах его правового регулирования с учётом как национальных, так и международных подходов. Сформулированные в исследовании концептуальные положения могут быть использованы в дальнейшем научном осмыслении проблем доступа к информации и развитии соответствующей доктрины.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные выводы и предложения ориентированы на их возможное использование в процессе совершенствования законодательства Республики Казахстан в сфере обеспечения права на доступ к информации, а также при формировании и корректировке правоприменительной практики. Результаты исследования могут быть востребованы в деятельности государственных органов, при разработке нормативных правовых актов, а также в учебном процессе при изучении конституционного и информационного права. Предложенные рекомендации по улучшению правовых механизмов доступа к информации, устранению пробелов в нормативно-правовых актах и повышению эффективности административных процедур имеют непосредственную ценность для государственных органов, неправительственных организаций и гражданского общества. Материалы работы также могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов в области юриспруденции, а также для разработки программ повышения квалификации государственных служащих, работающих в сфере предоставления информации. Таким образом, проведенное диссертационное исследование обладает как теоретической, так и практической значимостью, внося вклад в развитие механизмов обеспечения права на доступ к информации в соответствии с международными нормами. Сформулированные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы при реализации реформ, направленных на повышение прозрачности и подотчетности государственных органов, а также на совершенствование системы информационной открытости в рамках международных стандартов.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были опробованы в рамках участия автора в научных конференциях, семинарах и круглых столах, посвященных вопросам правового регулирования доступа к информации. Ключевые идеи и выводы работы отражены в четырех научных статьях, включая публикации в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере образования и науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

В рамках диссертационного исследования опубликованы следующие научные статьи:

1. Finding a balance between personal data protection and public safety in the age of digitalization: International approaches and their adaptation. Journal of «Revista Relações Internacionais do Mundo Atual» Vol. 4, no. 50 pp. 124–142 2025. DOI: <http://dx.doi.org/10.21902/Revrima.v4i50.7787>

2. Ensuring the Right of Access to Information Due to the Need to Increase the Level of Information Security and Protect Public Interests. Journal of Lifestyle and SDGs Review. <https://doi.org/10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n02.pe04036>

3. Comparative analysis of international legal regulation and practice of foreign countries in providing access to information: integration of regulatory and

practical approaches // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева Серия Право. –2024. - №1(146). – С. 223 -232.

4. International experience and national peculiarities of protection of the right to access to information: comparative legal analysis // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева Серия Право. –2024. - №1 (149). – С. 216 -234.

5. Legal regulation of information on internet resources in the Republic of Kazakhstan // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. 2024. – 111(3) – С. 24–32.

6. Problems of compliance with constitutional guarantees of the right of access to information on the Internet as a mechanism for the development of civil society // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан. - №2 (79) 2024. – С. 183 – 190.

7. The legal framework for the advancement of civil society within Kazakhstan’s information environment. Zeszyty Naukowe Akademii Górnośląskiej - №12/2024 (24), s. 68 – 77, DOI: 10.53259/2024.12.06

Структура и объем диссертации. Диссертация структурирована в соответствии с целью и задачами исследования, а также с учетом логики и последовательности изложения материала. Работа состоит из введения, трех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений (приложения А и Б).

Структура диссертации отражает последовательность решения научных задач и позволяет полноценно исследовать как теоретические, так и практические аспекты права на доступ к информации. Общий объем работы включает 175 страниц основного текста, сопровождающихся таблицами, диаграммами и другими иллюстративными материалами, а также обширным списком нормативных и научных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

1.1 Понятие и сущность права на доступ к информации

Право на доступ к информации является ключевым элементом современных правовых систем, отражающим растущее признание информации как общественного блага и важнейшего инструмента демократического управления. Данное понятие воплощает в себе не только основные принципы прозрачности и подотчетности, но и служит основой для реализации других прав человека, таких как право на свободу выражения мнений и участие в общественных делах.

Актуальность данного права особенно возрастает в условиях глобализации, стремительного развития технологий и увеличивающейся зависимости общества, экономики и политики от информации.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению права на доступ к информации, предлагаем обратить внимание на термин «информация».

В Законе РК О Доступе к информации, дано следующее понятие, «информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированных в любой форме» [10].

В разных нормативных актах Республики Казахстан термин «информация» в зависимости от содержания, формы и вида имеет различную формулировку. Так, по мнению Н.Г. Чернавского, ни одно из определений информации не является общепризнанным, так как, по его мнению, «общепризнанные определения в науке появляются лишь тогда, когда сама отрасль науки становится классической и прекращается развитие» [24]. Учитывая, что век информационных и коммуникационных технологий развивается очень быстро, говорить о том, что информационная отрасль прекращает свое развитие не приходится, наоборот, по нашему мнению, век информации находится только на первоначальной стадии.

«Информация - это не энергия и не материя, а обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему» - отмечает американский ученый, математик Н. Винер [25, с.12]. Если следовать теории Винера Н. информация нематериальна, не имеет физической формы, однако существует в виде данных, знаков, символов, идей, знаний или сообщений. Несмотря на нематериальность, информация обладает высокой ценностью и играет ключевую роль в общественной, экономической и политической жизни. Однако информация становится доступной и воспринимаемой благодаря материальным носителям — книгам, цифровым устройствам, документам, устной передаче и другим формам.

«Отцом информационного века» называют выдающегося американского инженера и математика Клода Шенона, который утверждал что, информация – это сообщение, которое передается в виде кодовых посылок по каналу связи, а ценность сообщения измеряется его неожиданностью и необычностью сигнала, а не смыслом [26]. Выражение Шенона не теряет своей актуальности по сей день, так сегодня общество в

поиске неожиданных и необычных новостей. Все это также подтверждается легкой фразой «Кто владеет информацией, тот владеет миром» - знаменитая фраза Ротшильдов и повторенная позже Уинстоном Черчиллем.

С точки зрения права, Д.Б. Новиков определяет правовую информацию «как массив правовых актов и тесно связанных с ним справочных, нормативных и иных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности» [27, с.52]. Полагаем, что такое определение не совсем подходит, так как правовая информация это не только правовые акты. Для нас более неприятным кажется, определение А.А. Шмелева, «правовая информация - сведения о фактах, событиях, предметах, лицах, явлениях, протекающих в правовой сфере жизни общества, содержащихся как в нормах права, так и в других источниках, и используемых при решении правовых задач» [27, с.53]. Похожее определение дается С.С. Москвиным, по мнению которого, правовая информация - «это используемые в общественной практике знания, сообщения, сведения о правовой сфере жизни общества, о явлениях и процессах, происходящих в этой сфере» [28, с.30]. Следовательно, правовая информация помимо нормативных правовых актов может включать судебную практику, научно-правовую информацию, административные акты, юридическую статистику и др. При этом ей свойственны такие признаки как общедоступность, официальность, точность и актуальность.

Из приведенных вариаций определения «информация» становится ясно, что прийти к общему знаменателю и определить универсальное определение является не легкой задачей.

Словарь С.И. Ожегова дает следующее понятие информации, «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. Также как сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь» [29].

Согласно Викисловарю информация - сведения, знания, передаваемые, хранимые или получаемые системой, например человеком; то, что кто-либо сообщает или рассказывает; сообщения, новости [30].

Согласно ЮНЕСКО, информация «это универсальная субстанция, пронизывающая все сферы человеческой деятельности, служащая проводником знаний и мнений, инструментом общения, взаимопонимания и сотрудничества, утверждения стереотипов мышления и поведения» [31, с.96]. На сегодняшний день множество международных соглашений упоминается и используется термин «информация», однако не раскрывается его значение.

Во многих действующих нормативных актах Республики Казахстан используется термин «информация» в различных вариациях с учетом отраслевых особенностей, следовательно, обозначить универсальное определение для термина «информация» является проблематичным, хотя все вышеуказанные виды определений несут один смысл.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, о том, что на сегодняшний день дефиниция «информации» не может быть универсальной,

так как в зависимости от свойств, содержания и отрасли она будет иметь специфические особенности присущие конкретной отрасли.

В условиях цифровой экономики и роста значимости нематериальных активов информация приобретает особую правовую ценность, требующую четкого регулирования. Для эффективного правоприменения и защиты прав субъектов необходимо определить место информации в системе объектов гражданских прав, учитывая ее двойственную природу как имущественного и неимущественного блага.

Гражданское законодательство РК [32] предусматривает защиту информации, которая обладает особым правовым статусом и представляет коммерческую или служебную ценность. Такая информация подлежит охране, если она соответствует определенным критериям.

Во-первых, она должна иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность, что означает, что ее обладание может приносить выгоду владельцу или давать ему конкурентные преимущества.

Во-вторых, эта информация должна быть неизвестна третьим лицам, то есть не находиться в открытом доступе и не быть общедоступной.

В-третьих, доступ к такой информации должен быть ограничен на законных основаниях, что исключает возможность ее свободного использования любыми лицами.

В-четвертых, обладатель информации обязан предпринимать разумные меры для обеспечения ее конфиденциальности, такие как введение внутренних регламентов, заключение соглашений о неразглашении, применение технологических средств защиты.

Нарушение режима коммерческой или служебной тайны может повлечь за собой гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность, в зависимости от характера и последствий разглашения информации.

О самостоятельном характере информации как объекте гражданских правоотношений говорят также ученые-цивилисты. Среди них И.Л. Бачило, Т.Л. Левшина, Д.В. Ломакин, С. Тараканов, Г.Д. Отнюкова и другие. В качестве самостоятельного объекта гражданских прав информация указывается в гражданском законодательстве некоторых стран. В частности, в Гражданском кодексе Украины и Гражданском кодексе Литовской Республики информация отнесена к объектам гражданских прав наряду с вещами, результатами интеллектуальной деятельности и иными материальными и нематериальными благами [33].

В гражданском кодексе Украины указано, что объектами гражданских прав являются вещи, деньги, ценные бумаги, цифровые вещи, имущественные права, работы и услуги, результаты интеллектуальной, творческой деятельности, *информация*, а также другие материальные и нематериальные блага [34].

В гражданском кодексе Беларуси, к объектам гражданских прав отнесена, нераскрытая информация [35]

Аналогично Модельный Гражданский кодекс для государств - участников СНГ объектом гражданских прав признает охраняемую информацию [36].

Действительно, любой нематериальный объект можно рассматривать как определенную совокупность информации, однако это вовсе не означает, что сама информация сводится к такому объекту. Она обладает особыми признаками, которые позволяют выделить ее среди других объектов гражданских прав:

1. Информация является непотребляемым благом (не подвергается физической амортизации, может устареть лишь морально и т.д.).

2. Возможно её неограниченное распространение и тиражирование, то есть она может быть использована многократно.

3. Отсутствует монополия на обладание и использование, хотя исключение составляет информация, которая является объектом интеллектуальной собственности.

4. Она физически неотчуждаема (что означает закрепление информации на материальном носителе, так как ее формой являются знаки) и не может существовать сама по себе. При этом значимым аспектом является то, что информация не отождествляется с носителем, она лишь закрепляется на нем, но для ее включения в гражданский оборот должна быть материализована. В данном вопросе проблемой стала невозможность признания некоторых материальных носителей оборотоспособными: например, человеческий мозг также является носителем информации, однако не может быть признан таковым с точки зрения права, ибо является частью человека как биологического существа [37]. Следовательно, информация может быть абстрактной, не связанной с носителем, хотя для введения ее в гражданский оборот необходимо, чтобы она была материализована. При этом О. А. Городов также резонно подчеркивает, что товарными свойствами обладают два элемента: сам носитель и зафиксированные на нем сведения [38, с.99].

Таким образом, информация по своей природе обладает рядом особенностей, которые заметно отличают её от традиционных объектов гражданских прав. В отличие от материальных вещей она не утрачивается в процессе использования, может многократно воспроизводиться и распространяться без каких-либо количественных ограничений и, как правило, не предполагает абсолютной монополии на владение. Именно эти свойства позволяют рассматривать информацию как особое нематериальное благо, для которого требуется самостоятельный, более гибкий и адаптированный к современным условиям правовой режим регулирования.

В то же время информация всегда связана с определённым материальным носителем, однако не совпадает с ним по своей правовой природе, что подчёркивает её абстрактный характер. Именно проблема «материализации» информации остаётся ключевой при её включении в гражданский оборот, поскольку правовое регулирование предполагает чёткое определение объекта соответствующих правоотношений. С учётом этого

представляется обоснованным дифференцированный подход к регулированию информации, который учитывает как её нематериальную сущность, так и особенности фиксации, использования и оборотоспособности в правоприменительной практике. Мнение ученых-правоведов по поводу отнесения информации к объекту гражданских прав, расходятся. Где, Е.А.Суханов утверждает, что самостоятельным объектом гражданских прав может быть только охраноспособная информация, то есть она обязательно должна выступать объектом имущественного права. «Абстрактная информация – это не объект гражданского права, это вообще во многих случаях не объект права. Для того чтобы быть объектом правоотношения, информация должна быть объектом субъективного гражданского права его участника» [39].

Профессор Бевзенко Р.С. поддерживая Суханова Е.А., называет информацию обязательством обязанного лица, которое не в коей мере не может являться объектом гражданского права, поскольку объектом таких информационных правоотношений будут действия лица, на котором лежит бремя установленных для него гражданским законодательством обязанностей [40, с.116].

Иного мнения придерживается Е.В. Богданов, который рассматривает информацию как одну из основ информационного облика человека, который включает в себя признаки, характерные для субъектов гражданского права. Это свидетельствует о том, что информация не является изолированным феноменом, а напрямую связана с правовым статусом личности и её взаимодействием с обществом. Учёный подчёркивает необходимость признания информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, что позволит более точно определить её правовой режим, границы использования и защитные механизмы [41, с.31].

Закрепление информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав представляется необходимым шагом в направлении дальнейшего развития и уточнения правового регулирования информационных отношений. В современных условиях информация фактически занимает центральное место в экономической деятельности, предпринимательстве, функционировании государственных институтов и частной жизни, что объективно требует более чёткого определения её правового режима. Признание информации объектом гражданских прав позволяет выстроить более последовательную систему её правовой охраны, определить допустимые формы оборота и использования, а также восполнить существующие пробелы и неопределённости в законодательстве.

Вместе с тем информация обладает рядом специфических свойств, в числе которых непотребляемость, возможность неограниченного воспроизведения и физическая неотчуждаемость от носителя, что не позволяет механически переносить на неё традиционные гражданско-правовые конструкции, применяемые к вещам или иным объектам. Указанные особенности обуславливают необходимость особого, дифференцированного подхода к правовому регулированию информации,

учитывающего нематериальную природу, так и реальные практики её использования в гражданском обороте.

Оптимальным решением является дифференциация информации в зависимости от ее характера и экономической ценности: охраняемая и коммерчески значимая информация должна быть признана объектом гражданских прав, тогда как общедоступные сведения могут регулироваться нормами публичного права. Такой подход обеспечит баланс между свободным распространением информации, защитой прав ее владельцев и необходимостью регулирования информационных отношений в условиях цифровой экономики.

Республика Казахстан на уровне основного закона страны определила значимость открытости и доступности информации и обязала государственные органы, общественные объединения, должностных лиц и средства массовой информации обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации (статья 18)[1].

Другая норма(статья 20) Конституции наделила каждого гражданина правом свободно получать и распространять информацию любым, не запрещенным законом способом. Перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом[1].

В Научно-практическом комментарии Конституции Республики Казахстан, отмечено что «указанным правом обладают все субъекты конституционно-правовых отношений, что подтверждается в Постановлении Конституционного Совета РК от 1 декабря 2003 года № 12, в соответствии с которым «Конституция дифференцирует правовой статус личности. Употребляя термины «гражданин Республики Казахстан», «каждый», «все», «иностранцы» и «лица без гражданства». При этом, следует понимать, что когда в тексте Конституции говорится о «каждом» и «всех», то имеются в виду как граждане Республики, так и лица, не обладающие гражданством Республики» [42, с.68].

Казахстан, следуя передовой мировой практике, в 2015 году был принят Закон Республики Казахстан «О доступе к информации», согласно которому доступ к информации – гарантированное государством, закрепленное в Конституции и законах Республики Казахстан право каждого свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом [10].

На сегодняшний день отдельные законы регламентирующие доступ к информации приняты в США, Великобритании, Швеции, Японии и других странах.

Так российский юрист, специалист по информационному праву И.Л. Бачило рассматривает право на информацию как комплексное субъективное право гражданина, которое означает возможность свободно производить различного рода действия (манипуляции) с информацией независимо от того, каково ее назначение и что она представляет собой по своему содержанию [43].

Другой российский ученый, доктор юридических наук А.А. Чеботарева определяет право на информацию как совокупность правовых актов и отдельных норм, определяющих порядок реализации прав субъектов информационного права в области производства (создания) информации, поиска и получения (доступа) информации, сбора, хранения, передачи, использования, распространения информации в целях, не противоречащих свободам, правам и интересам человека, государства, общества и обеспечивающих создание информационных ресурсов, необходимых для реализации других прав и обязанностей субъектов права, предусмотренных и гарантированных законодательством РФ и нормами международного права» [44, с.33].

А.И. Савельев дает следующее определение, согласно которого доступ к информации - поддерживает синхронное обеспечение прав на поиск и получение информации, с которыми корреспондирует обязанность другого лица по предоставлению или распространению информации» [45, с.11].

Н.Б. Баранова в подтверждение своих выводов говорит, что право на доступ к информации – есть часть общего права на информацию, так как она обеспечивает возможность ознакомления с официальными документами государственных органов и органов местного самоуправления [46, с.17].

Ряд ученых признают международный рост популярности законов о защите информации.

Как убедительно утверждал Роберто Саба, «свобода выражения мнений заключается не только в защите личной автономии или права индивида на выражение своих мыслей». Эти свободы также гарантируют пользователям информации доступ к «максимально широкому разнообразию точек зрения на конкретный вопрос» [47].

Эрнесто Вильянуэва по-другому излагает ту же мысль. Для Вильянуэвы важнейшее «Право на информацию», которое включает в себя, но выходит за рамки, свобода выражения мнений и доступа к информации состоит из трех элементов: (1) право искать и получать («полную») информацию, (2) право информировать и (3) право быть информированным [48].

Марк Бовенс идет дальше. Он характеризует информационные права, как четвертую большую волну гражданских прав, эквивалентную гражданским, политическим и социальным правам, изложенные в классическом труде Т.Х. Маршалла. С закатом индустриальной эры и появлением «информационного общества» миру необходимо обновить свои конституционные рамки, чтобы учесть новое универсальное право на информацию. М.Бовенс проводит важное различие между прозрачностью как вопросом «общественной гигиены» и правами на информацию как вопросом «гражданства»: действующие правила открытого правительства по большей части касаются общественной гигиены. Данное постановление призвано повысить эффективность прозрачность государственного управления с целью улучшения демократического контроля и социальной подотчетности правительства. Напротив, право на доступ к информации

является, прежде всего, является элементом гражданской позиции. Они касаются, прежде всего, социального функционирования граждан, не только в отношении органов государственной власти, но и в их взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами. Право на доступ к информации должно быть включено в раздел Конституций, посвященный гражданским правам, наряду с другими правами личности [49].

По мере развития административного государства взаимосвязь между свободой выражения мнений, участием граждан в управлении и доступом к информации, находящейся в распоряжении органов власти, приобретает всё более выраженное значение. Гражданин может быть по-настоящему информированным и способным к осознанному участию в общественной жизни лишь при наличии доступа к информации, которой государство располагает о нём и действует от его имени. В условиях сложной административной системы свобода самовыражения и участие в принятии решений утрачивают реальное содержание, если общество не понимает, каким образом функционируют государственные институты и какие решения принимаются «внутри» власти.

Наряду с теоретической связью со свободой слова и правом на участие в управлении, свобода информации и прозрачность имеют и вполне прикладное значение. Законодательство о свободе информации оказывает воздействие как минимум на три ключевые сферы — политику, экономику и систему государственного управления. В политическом измерении такие нормы расширяют возможности граждан получать сведения о деятельности власти и вовлекаться в неё не формально, а содержательно. Это позволяет трансформировать роль граждан из пассивных участников избирательных процедур в активных субъектов демократического процесса, способных требовать подотчётности, контролировать власть и участвовать в формировании государственной политики [49, p.32].

В целом это отражается на качестве публичных дискуссий и делает процесс выработки государственной политики более взвешенным и продуктивным. Когда у общества есть доступ к информации, обсуждение решений власти перестает быть формальным и приобретает содержательный характер.

В экономической сфере прозрачность напрямую связана с эффективностью. Открытость информации повышает предсказуемость и устойчивость инвестиционного климата, позволяя бизнесу и инвесторам точнее оценивать риски и принимать обоснованные решения. Рынок, по сути, существует за счёт информации: устойчивый экономический рост невозможен без регулярного и достоверного информационного обмена. Хотя закрытость и доступ к «инсайдерским» сведениям могут приносить выгоду ограниченному кругу лиц, в долгосрочной перспективе именно прозрачность обеспечивает стабильность и доверие к экономическим процессам [50].

В системе государственного управления прозрачность способствует повышению качества управленческих решений, делает государственных

служащих более ответственными и ориентированными на общественные интересы. Открытость затрудняет сокрытие незаконных действий и неформальных договоренностей, тем самым выступая важным инструментом противодействия коррупции. Одновременно она укрепляет легитимность власти и доверие граждан, что позволяет государству более эффективно реализовывать проводимую политику [51].

Отсутствие прозрачности, напротив, влечёт серьёзные издержки как в политическом, так и в экономическом измерении. С политической точки зрения закрытость ослабляет демократические механизмы контроля, лишая общество возможности своевременно оценивать и корректировать курс государственной политики. Она также создает условия для возникновения необоснованных привилегий, когда доступ к информации используется в частных интересах. Экономические последствия секретности не менее значимы: они затрагивают не только темпы роста, но и распределение выгод и рисков, при этом наиболее разрушительным фактором становится коррупция, снижающая инвестиционную активность и тормозящая развитие экономики.

В этом контексте особую роль приобретают законы о доступе и защите информации, даже в тех государствах, где соответствующие права формально закреплены на конституционном уровне. Конституционные нормы, как правило, не могут быть эффективно реализованы без их конкретизации в текущем законодательстве. Практика показывает, что многие социальные и политические права — на труд, образование, охрану здоровья — остаются декларативными до тех пор, пока законодатель не наполняет их реальным содержанием через специальные законы и процедуры. Лишь при таком подходе конституционные принципы трансформируются в реально действующие права, исполнение которых становится обязанностью государства [52]. Право на получение информации сыграло ключевую роль в формировании осознанной потребности человека в доступе к знаниям, способствовало переосмыслению значения самой категории «информация» и вывело её на новый уровень в общественном сознании и системе ценностей. Этот процесс также способствовал осознанию того, что распространение информации не имеет жёстких границ и является важной составляющей современного общества [53].

В более чем 90 государствах мира действуют законы, регулирующие право граждан на получение информации о деятельности органов государственной власти, а также доступ к нормативно-правовым актам [54].

Суть права на доступ к информации заключается не в том, что государственные органы сами выбирают и распространяют сведения, которые считают нужными для общества, а в том, что граждане получают возможность запрашивать и получать информацию, имеющую значение для защиты их прав и законных интересов. Распространение официальных нормативных и иных сведений является неотъемлемым элементом государственного управления, обеспечивающим его эффективность. Однако в данном случае заинтересованной стороной выступает само государство,

поскольку его цель – повышение уровня управления в интересах общества в целом, а не отдельных граждан.

Право на доступ к информации способствует усилению прозрачности государственного управления. Доступ к данным о деятельности государственных органов может осуществляться в нескольких формах. Во-первых, граждане имеют возможность направлять запросы в соответствующие структуры для получения необходимой информации. Во-вторых, предусмотрено участие общественности в открытых заседаниях, где обсуждаются вопросы государственного управления. В-третьих, доступ к официальным архивным материалам, содержащим открытые данные, позволяет ознакомиться с ранее опубликованными сведениями о деятельности органов власти [55, с.223].

Реализация права на доступ к информации имеет важное значение для государства, поскольку она раскрывает основную характеристику демократического государства — возможность прямого взаимодействия граждан с органами власти, при этом выбор момента и темы обращения остается за самим гражданином.

1.2 Историческое развитие и эволюция правового регулирования доступа к информации

Право на доступ к информации представляет собой одно из ключевых достижений современного демократического общества. Однако его становление является результатом длительного исторического процесса, который отражает изменение представлений о роли государства, гражданского общества и прав человека.

Правовое регулирование доступа к информации в Казахстане прошло сложный путь эволюции, от полного контроля над информацией в советский период до принятия национальных законов, направленных на обеспечение прозрачности в постсоветский период. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет анализ того, каким образом социально-политические реформы влияли на формирование современных подходов к обеспечению доступа к информации. Именно в ходе таких трансформаций складывались базовые представления о допустимых пределах открытости власти и роли информации в общественной жизни.

На протяжении значительной части своей истории Республика Казахстан находилась в составе СССР, что во многом предопределило специфику регулирования доступа к информации на территории республики. Советская модель государственного управления основывалась на централизованном и жёстком контроле над информационными потоками, который распространялся практически на все сферы - от деятельности органов власти и экономики до науки и повседневной общественной жизни. Информация в этих условиях рассматривалась прежде всего как инструмент

осуществления власти, а доступ к ней сознательно ограничивался в интересах господствующей идеологии и государственной безопасности.

Одним из ключевых элементов указанной системы выступала цензура, охватывавшая не только средства массовой информации, но и научные исследования, художественное творчество, литературу и иные формы общественной деятельности. Подобный подход формировал закрытую модель обращения информации, последствия которой в той или иной степени ощущаются и в постсоветский период. Цензура обеспечивала контроль над распространением информации, а государство решало, какие данные могли быть доступны населению, а какие следовало держать в секрете. Центральным органом, ответственным за эту деятельность, был Главлит — Главное управление по охране государственных тайн в печати СССР, деятельность которого распространялась и на Казахстан.

Правовое регулирование в тот период было направлено не на обеспечение прозрачности, а на создание барьеров для свободного распространения информации. Законы, постановления и иные нормативные акты регламентировали вопросы государственной тайны, защиты секретной информации и противодействия «идеологическим угрозам».

Для казахстанского общества это означало минимальные возможности для получения объективной информации о деятельности государственных органов, состоянии экономики, экологии или социальных проблемах. Любая информация, которая могла быть интерпретирована как угроза политической стабильности или идеологическому доминированию, подвергалась жесткой цензуре.

Началом распада советской цензуры принято считать 8 февраля 1986 г., когда лидер СССР М. С. Горбачёв в интервью французской коммунистической газете «Юманите» утверждал, что «Теперь насчет политзаключенных. У нас их нет. Как нет и преследования граждан за их убеждения. За убеждения у нас не судят». И публично признал необходимость цензуры только в таких сферах, как охрана государственной и военной тайны, запрет на пропаганду войны, жестокости и насилия, охрана неприкосновенности личности [56]. То есть речь не шла об идеологических запретах и о возможном преследовании инакомыслия в средствах информации. 25 октября 1991 года в связи с выходом «Закона о печати и других средствах массовой информации» был ликвидирован руководящий цензурный орган - Главлит СССР [56]. В 1993 г. Конституция Российской Федерации официально запретила цензуру: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» [57].

13 апреля 1991 года Главлит упразднён постановлением Кабинета Министров СССР с передачей его функций Министерству информации и печати СССР [58]. В этой связи, хотелось бы обратить внимание, на тот факт, что по словам Фридрих фон Хайека - мы едва начинаем уяснять, сколь тонко функционирует в развитом индустриальном обществе система коммуникаций, которая именуется рынком и которая не может быть

заменена любым более эффективным механизмом, произвольно создаваемым человеком для усвоения рассредоточенной информации.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что условная цензура в СССР осуществляла не только функции контроля за распространением информации, а также занималась наблюдением за общим литературным и художественным содержанием печатных изданий, ограждая население от потока неграмотных и/или бессмысленных текстов.

Цензура, однако, обычно, выполняет не просто охранительную функцию, и в этом смысле мы согласны с мнением А.М. Некрича в том, что цель советской цензуры в исторической науке заключалась в том числе, «чтобы создать новую коллективную память народа, начисто выбросить воспоминания о том, что происходило в действительности, исключить из истории всё, что не соответствует или прямо опровергает исторические претензии» [59].

25 октября 1990 года Верховный Совет Казахской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР [60], ставшую важной вехой в процессе выхода республики из состава Советского Союза и формирования основ независимого государства. Этот документ заложил правовые и политические основы государственного суверенитета Казахстана, провозгласив приоритет Конституции и законов Казахской ССР над союзным законодательством, а также утвердив право республики самостоятельно решать вопросы внутренней и внешней политики.

Одним из ключевых принципов, закрепленных в Декларации, стало утверждение демократических основ государственного управления, что включало идеи прозрачности, подотчетности власти и вовлеченности граждан в процесс принятия решений. Эти положения предполагали начало формирования правового механизма, способствующего реализации доступа к информации как одного из базовых прав граждан.

Политолог Кенжеболат Жолдыбай в своей статье «О свободе слова» поделился своими размышлениями о понятии «свобода» в целом, и о «свободе слова» в частности. В отличие от царской России и Советской власти, где тотальная цензура была возведена в ранг государственной политики, у нас в стране статьей 20 Конституции Республики Казахстан цензура запрещается, каждый имеет полное право получать и распространять информацию, любым не запрещенным законом способом. Казахстан всецело разделяет положения статей 9.1 и 24 Документа Копенгагенского совещания по человеческому измерению. В них, в частности, говорится: «Право на свободное выражение убеждений включает свободу придерживаться своих убеждений, а также свободу получать и распространять информацию и идеи...» и «Государства-участники будут обеспечивать, чтобы осуществление всех прав человека и основных свобод... не могло быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и соответствуют их обязательствам по международному праву». Государством приложено немало усилий для создания благоприятных условий деятельности СМИ, которые, как известно, не только информируют

о происходящих событиях, отражают общественное мнение, но способны сами в значительной степени влиять на формирование этого мнения. Не случайно в числе первых законов суверенного Казахстана был Закон «О печати и других средствах массовой информации» от 28 июня 1991 года. По мнению многих экспертов, новизна и демократичность этого закона стали фактором бурного развития казахстанской прессы. 23 июля 1999 года был принят концептуально новый закон, способствовавший дальнейшему развитию отечественных медиа-ресурсов, появлению доминирующего сегмента негосударственных СМИ, становлению и развитию крупных медиа-структур. В разработке этого закона участвовали представители международных организаций, средств массовой информации, НПО. В 2001, 2007 и 2009 годах в него был внесен ряд изменений и дополнений. Что в итоге существенно повлияло на кардинальное изменение всей структуры информационного пространства. Надо сказать, становление казахстанских средств массовой информации сопровождалось болезненной структурной ломкой: с информационной сцены сходили традиционные коммунистические СМИ, а на смену пришли новые теле- и радиоконпании, крупные издания, формируя демократическую философию информационной деятельности [61].

Одним из первых актов направленных на защиту СМИ стал Указ Президента Республики Казахстан от 15 апреля 1992 г. № 717 «О неотложных мерах по защите средств массовой информации органов государственной власти и управления, государственного книгоиздания в период перехода к рыночным отношениям», для обеспечения права граждан на получение разносторонней информации, укрепления финансовой и материально-технической базы периодической печати и других средств массовой информации, книгоиздания и книгораспространения, создания надлежащих условий для выпуска социально значимых изданий, и учитывая специфику отрасли, ее культурно-воспитательную направленность [62]. Именно этот Указ стал началом формирования независимых средств массовой информации в Республике Казахстан. Так именно период 1992 по 1996 год характеризуется уменьшением доли участия государства в СМИ и появлением новых частных изданий.

Конституция Республики Казахстан 1995 года закрепила право граждан на доступ к информации, вытекающее из общего принципа свободы слова и права на получение и распространение информации, установленного в статье 20 [1]. Указанная норма гарантирует свободу выражения мнений, включая возможность свободно получать и распространять сведения, тем самым формируя базовую конституционную основу для последующего развития правового регулирования доступа к информации.

Следующим НПА закрепляющим свободу слова стал Закон РК «О средствах массовой информации» от 23 июля 1999 года [63], который стал важным шагом в становлении правового регулирования деятельности СМИ в независимом Казахстане. Закон был принят в условиях трансформации общественного и политического устройства страны после распада СССР. Принятие закона о СМИ было необходимо для выполнения реализации

конституционного принципа «свободы слова» и международных стандартов и рекомендаций, таких как положения Всеобщей декларации прав человека (статья 19) [5] и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 19) [6].

Закон РК «О средствах массовой информации» [63] был вызван потребностью в систематизации медийной сферы, обеспечении свободы слова и защите общественных интересов в условиях стремительных политических, экономических и социальных изменений.

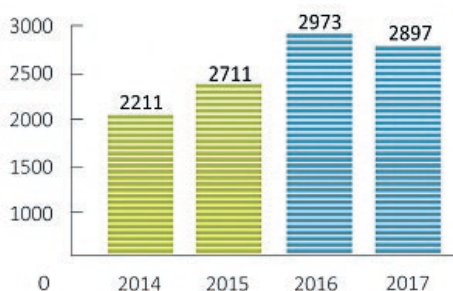
Динамично развивающиеся общественные отношения в сфере защиты и доступности информации стали причиной внесения 55 изменений и дополнений в Закон за период 1999 года по 2024 год. Они обусловлены стремлением сбалансировать свободу слова, права граждан, ответственность СМИ и интересы государства в условиях быстро меняющегося информационного ландшафта.

В период 2014–2017 годов в Республике Казахстан наблюдался значительный рост количества средств массовой информации (СМИ) (Рисунок №1). Это было связано с развитием цифровых технологий, расширением доступа к интернету и ростом популярности социальных медиа. По данным Министерства информации и коммуникаций РК, количество зарегистрированных СМИ увеличилось, включая печатные издания, телевидение, радио и онлайн-платформы.

Особое внимание уделялось развитию независимых интернет-ресурсов, что привело к изменению структуры медиа-ландшафта. Вместе с тем, усилилось регулирование информационной деятельности, направленное на обеспечение безопасности и противодействие распространению недостоверной информации.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рост средств массовой информации в Республике Казахстан

Структура средств массовой информации в Казахстане

Подавляющее большинство в общей структуре составляют печатные СМИ, малую часть составляют электронные СМИ

Печатные СМИ Казахстана

Рисунок 1 – Рост средств массовой информации в РК [64]

Рост количества электронных СМИ и цифровых источников информации стали новой вехой доступности информации. Принимая во внимание новые способы распространения информации, в 2003 году был принят Закон РК «Об информатизации» [65]. Однако позже в 2015 году был принят новый закон «Об информатизации» [66].

Закон Республики Казахстан «Об информатизации» 2003 года и его обновленная версия 2015 года отражают значительную эволюцию подхода к правовому регулированию процессов цифровизации в стране. Если в 2003 году основной целью было создание базовой правовой и организационной инфраструктуры для внедрения информационных технологий и автоматизации деятельности государственных органов, то Закон 2015 года

был принят уже в условиях более высоких требований к цифровизации общества и государства. Его задачи стали более масштабными, направленными на интеграцию передовых технологий, развитие электронного правительства, обеспечение открытости государственных данных и повышение прозрачности деятельности госорганов.

В отличие от закона 2003 года, который практически не затрагивал тему открытых данных, версия 2015 года, ввела положения об их предоставлении в рамках инициативы «Открытое правительство». Принятие нового законодательного регулирования стало заметным шагом в направлении повышения доступности социально значимой информации для граждан. Если в первоначальной редакции закона вопросы кибербезопасности лишь обозначались фрагментарно, то к 2015 году они получили самостоятельное развитие, что было обусловлено ростом информационных угроз на фоне активного расширения цифровой инфраструктуры и электронных сервисов.

Закон 2015 года в значительно большей степени ориентировался на формирование целостной системы электронного правительства, интеграцию её отдельных компонентов и создание удобных каналов доступа граждан и бизнеса к государственным услугам посредством цифровых платформ. В отличие от закона 2003 года, который был сосредоточен преимущественно на автоматизации внутреннего документооборота и отдельных управленческих процессов, новая редакция предусматривала развитие широкого перечня электронных услуг, доступных в онлайн-формате. Это, по сути, означало переход от внутренней информатизации государства к выстраиванию постоянного цифрового взаимодействия между государством и обществом. Одновременно был сделан акцент на защите персональных данных, развитии международного сотрудничества в сфере информатизации и внедрении современных IT-решений, в том числе с участием частного сектора.

В этом смысле Закон 2003 года заложил базовые основы информатизации, тогда как Закон 2015 года стал реакцией на новые вызовы цифровой эпохи. Его положения ориентированы не только на техническое развитие, но и на формирование цифровой экономики, повышение прозрачности государственного управления и улучшение качества жизни граждан за счёт использования современных технологий.

Одним из ключевых направлений закона является повышение доступности информации для различных категорий граждан, что имеет принципиальное значение для процессов демократизации. Закон стимулирует развитие электронных государственных услуг, повышение открытости деятельности государственных органов и упрощение процедур взаимодействия граждан с государственными структурами, хотя на практике данные цели реализуются неравномерно.

Связь закона «Об информатизации» с обеспечением доступности информации проявляется прежде всего в создании условий для открытого доступа граждан и организаций к государственным информационным ресурсам и данным. Указанный закон фактически выступает одним из

механизмов реализации конституционного права на доступ к информации, закреплённого в Конституции Республики Казахстан. Внедрение цифровых технологий, предусмотренных данным законодательством, в целом способствует повышению прозрачности деятельности органов государственной власти, упрощает процедуры получения информации и делает их более оперативными и удобными для граждан. В этом контексте закон «Об информатизации» можно рассматривать как важный инструмент укрепления прав граждан на доступ к информации, повышения доверия к государственным институтам и формирования основ цифрового общества.

В 2015 году была принята программа «План нации – 100 конкретных шагов» [67] как стратегический документ, направленный на реализацию пяти институциональных реформ, озвученных Президентом Республики Казахстан. Эти реформы охватывают ключевые сферы общественной, экономической и политической жизни страны и направлены на модернизацию Казахстана для достижения целей устойчивого развития, конкурентоспособности и укрепления международного положения.

В рамках пятой институциональной реформы планировалось сформировать подотчетное государство, согласно которой началось внедрение «Открытого правительства», разработка закона «О доступе к информации», онлайн-доступность статистических баз данных центральных государственных органов и создание государственной корпорации «Правительство для граждан».

Концепция открытого правительства включает в себя ряд цифровых платформ, таких как портал открытых данных, система публикации нормативно-правовых актов, платформа для общественного диалога, ресурс прозрачности бюджетных расходов, а также механизм оценки результативности работы государственных учреждений.

Портал «Открытые данные» - это площадка, где размещаются общедоступные данные государственных органов в машиночитаемом виде, что позволяет обществу получать достоверные открытые данные от обладателей информации в удобном виде, в том числе для повторного использования.

Портал «Открытые НПА» - это единая площадка для обсуждения разрабатываемых законопроектов, проектов НПА. Каждый может высказать свое мнение и принять участие в разработке НПА.

Портал «Открытый диалог» - это площадка для установления эффективной обратной связи между ГО и обществом.

Данный портал включает в себя:

- блог-платформу руководителей организаций квазигосударственного сектора;
- интернет-конференцию;
- систему «Опросов».

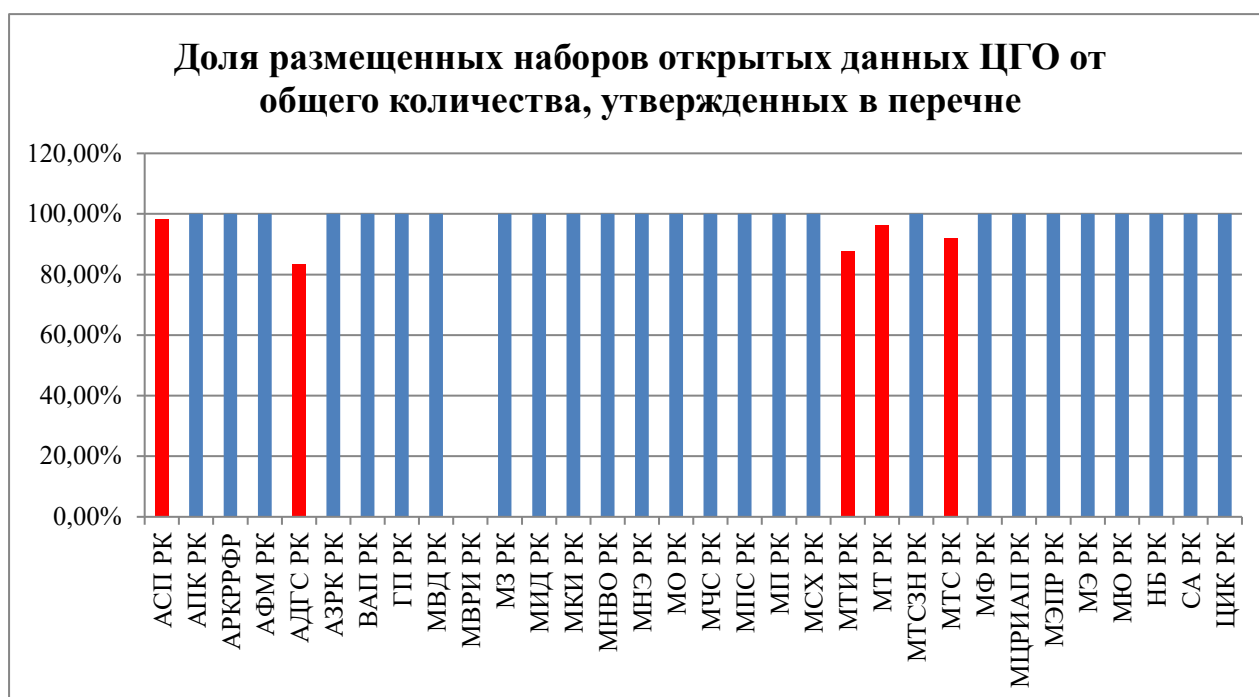
Портал «Открытые бюджеты» - создан для облегчения представления гражданами понимания «бюджета» в государстве и

способствованию развития активной гражданской позиции через общественный контроль за расходованием бюджетных средств.

Портал «Оценка результативности работы государственных органов» создан для усиления взаимодействия между гражданами и органами власти. На этой платформе публикуются сведения о степени эффективности деятельности государственных структур, а также отчеты, отражающие выполнение целевых показателей стратегических планов и программ территориального развития [68].

На портале «Открытые данные» размещена информация, публикуемая государственными органами, организациями или другими структурами, доступная для свободного использования, распространения и повторного применения без ограничений, кроме технических (например, формат данных) или минимальных юридических ограничений (например, необходимость указания источника).

На портале размещены данные центральных государственных органов, местных исполнительных органов и организации квазигосударственного сектора по 18 отраслям и направлениям, таким как здравоохранение, экономика, образование и наука, строительство, культура, промышленность

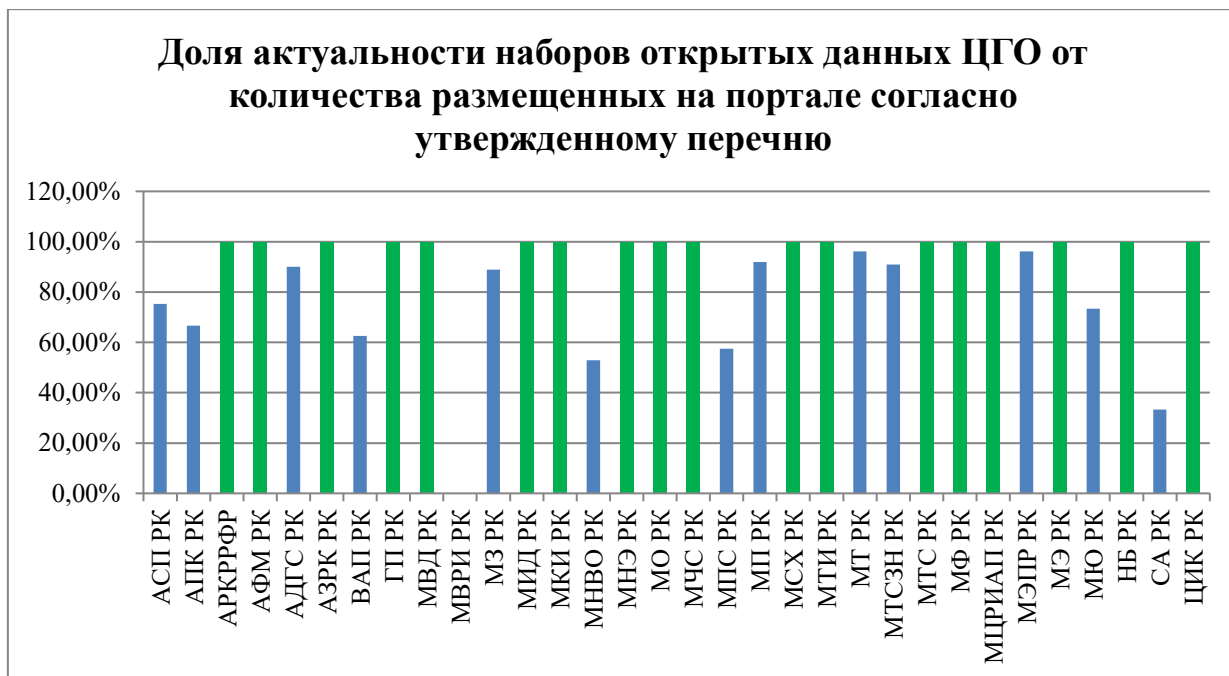
и другое (3859 наборов данных).

Из 32 Централных государственных органов, только 25 смогли обеспечить размещение 100% данных. На сегодняшний день полностью отсутствуют данные Министерства водных ресурсов и ирригации, причиной тому является то что, министерство является новым, было создано Указом Президента Республики Казахстан № 318 от 01 сентября 2023 года. В целом картина предоставленных данных показывает открытость и прозрачность деятельности государственных органов.

Примечание – Составлено автором на основе данных data.gov.kz.

Рисунок 2 – Доля размещенных наборов, открытых данных ЦГО от общего количества, утвержденных в перечне

Другим вопросом является актуальность предоставляемых данных, так всего 17 ЦГО обеспечивают обновление и актуальность данных на портале.

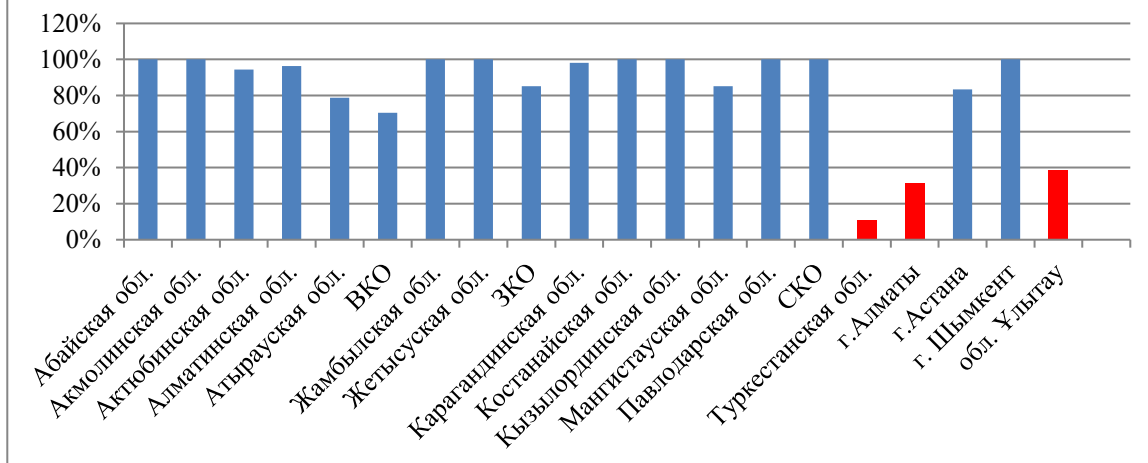

Примечание - Составлено автором на основе данных data.gov.kz.

Рисунок 3 – Доля актуальности наборов открытых данных ЦГО от количества размещенных на портале согласно утвержденному перечню

В разрезе регионов аутсайдерами по размещению актуальных наборов открытых данных являются Туркестанская область, город Алматы и область Ұлытау, 10,64%, 31,48% и 38,46% соответственно.

**Доля актуальности наборов открытых данных МИО
от количества размещенных на портале согласно
утвержденному перечню**

Примечание - Составлено автором на основе данных data.gov.kz.

Рисунок 4 – Доля актуальности наборов открытых данных МИО от количества размещенных на портале согласно утвержденному перечню

В этом же 2015 году в рамках реализации пятой институциональной реформы был принят Закон Республики Казахстан «О доступе к информации», это стало важным шагом в развитии принципов демократии, гражданского общества и верховенства права в стране.

Как отмечает Диденко О. Закон принимался в целях продвижения и реализации в Казахстане реформ: прежде всего, институциональной реформы, направленной на повышение транспарентности и подотчетности государства, а также антикоррупционной реформы [69].

В этой же статье О. Диденко отмечает положительные и негативные стороны принятого нормативного правового акта [69]:

С положительной стороны, закон соответствует передовой законодательной практике, особенно в части определения понятия «информация». Оно сформулировано достаточно широко и включает сведения о лицах, событиях, процессах и явлениях, зафиксированные на любом носителе. Также важно, что закон охватывает широкий круг обладателей информации – помимо государственных органов, в него включены государственные учреждения, субъекты квазигосударственного сектора, компании-монополисты и другие юридические лица, владеющие социально значимой информацией. Это позволяет расширить границы прозрачности и публичного контроля.

К числу безусловных достижений закона следует отнести создание правовых условий для обеспечения доступа к информации лицам со специальными потребностями, что в целом повышает инклюзивность действующей системы. Кроме того, закон достаточно подробно

регламентирует отдельные способы распространения информации, включая обязанность размещения социально значимых сведений на интернет-ресурсах, а также предоставление информации по запросам граждан и организаций. Прогрессивным шагом стало внедрение онлайн-трансляций заседаний маслихатов и палат Парламента, что в определённой мере усилило реализацию принципа гласности в деятельности публичной власти. Заслуживает внимания и усиление административной ответственности за незаконное ограничение права на доступ к информации, что, по замыслу законодателя, должно способствовать соблюдению установленных процедур.

Вместе с тем, несмотря на наличие указанных позитивных положений, закон содержит ряд существенных недостатков, которые осложняют его практическую реализацию. В первую очередь обращает на себя внимание значительное количество исключений из сферы его действия, что фактически снижает приоритетность данного нормативного акта. Параллельно продолжают применяться иные законы, в частности Закон РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц», Закон РК «О средствах массовой информации», Закон РК «О национальном архивном фонде и архивах», что на практике приводит к возникновению правоприменительных коллизий и может затруднять получение информации гражданами.

Одним из наиболее дискуссионных положений является отнесение служебной информации с грифом «Для служебного пользования» к информации с ограниченным доступом наряду с государственными секретами. Подобный подход вступает в противоречие с принципом презумпции открытости информации, который лежит в основе международных стандартов свободы информации. Дополнительные сложности создают ограниченные возможности устного запроса, а также запрет анонимных обращений, что объективно затрудняет получение информации, в том числе для социально уязвимых категорий населения.

Существенным недостатком остаётся и отсутствие независимого административного органа, уполномоченного осуществлять контроль за соблюдением законодательства о доступе к информации. В результате защита данного права носит ограниченный характер, поскольку у граждан отсутствует эффективный и независимый механизм обжалования отказов в предоставлении информации. Кроме того, закон не устанавливает обязанности для обладателей информации назначать конкретных ответственных лиц за исполнение его требований, что на практике нередко приводит к затягиванию сроков рассмотрения запросов и формальному подходу к их исполнению.

Таким образом, при наличии прогрессивных положений реализация закона сталкивается с рядом системных проблем. К числу основных из них относятся чрезмерное количество исключений, недостаточная регламентация отдельных процедур, отсутствие независимого надзорного механизма и избыточная закрытость отдельных категорий информации. Устранение данных проблем позволило бы повысить эффективность правового

регулирования и обеспечить более устойчивую и прозрачную систему доступа к информации в Республике Казахстан.

В то же время нельзя не отметить, что принятие Закона Республики Казахстан «О доступе к информации»[10] стало значимым шагом в развитии национальной правовой системы, поскольку данный акт направлен на повышение прозрачности и подотчётности деятельности государственных органов. Его внедрение способствует укреплению доверия граждан к власти и развитию демократических институтов. Право на доступ к информации рассматривается как одно из базовых прав, признанных на международном уровне, а его эффективная реализация имеет ключевое значение для формирования открытого общества.

Закон предоставляет гражданам, организациям и средствам массовой информации возможность получать сведения о принятии государственных решений, расходовании бюджетных средств, деятельности органов власти и влиянии этих решений на общественные процессы. В условиях активного развития цифровых технологий особое значение приобретают нормы, возлагающие на государственные органы обязанность предоставлять актуальную и достоверную информацию, в том числе в формате открытых данных через электронные платформы. Это не только упрощает доступ к информации, но и стимулирует гражданскую активность, способствует развитию инновационных решений и внедрению современных технологий.

Кроме того, закон о доступе к информации усиливает потенциал общественного контроля за деятельностью государственных органов, снижая риски злоупотреблений, коррупции и неэффективного использования публичных ресурсов. Он также содействует реализации концепции «правительство для граждан», делая процессы государственного управления более открытыми и ориентированными на общественные интересы. В этом смысле принятие данного закона можно рассматривать как важный, хотя и не завершённый, шаг на пути к построению современного, подотчётного и ориентированного на граждан государства. Следующим важным документом, принятым в информационно-коммуникационной сфере является Указ Президента РК «Об утверждении информационной доктрины», в которой сказано что, «новая реальность в информационной сфере и возникающие угрозы информационной безопасности требуют переосмысления подходов в проведении государственной информационной политики, изменения общей парадигмы взаимоотношений между государственными институтами и другими субъектами общественных отношений в информационной сфере» [70].

Важное место в системе регулирования информационной сферы занимает обеспечение доступа граждан к достоверной и актуальной информации, а также развитие механизмов открытых данных и повышение прозрачности деятельности государственных органов. Существенный акцент делается на цифровизации и внедрении современных технологий, которые упрощают взаимодействие граждан с государством и одновременно создают условия для инновационного развития. Регулирование информационного

пространства направлено на формирование понятных правил функционирования средств массовой информации и цифровых платформ, противодействие распространению дезинформации и защите прав граждан в информационной среде. В совокупности данные направления ориентированы на формирование безопасной и современной информационной среды, укрепление информационного суверенитета и обеспечение устойчивого развития государства в условиях глобальной цифровизации.

Историческое развитие правового регулирования доступа к информации в Республике Казахстан носило поэтапный характер. Оно прошло путь от советской модели, основанной на жёстких ограничениях информационной открытости, к современным попыткам выстраивания системы прозрачного и открытого управления. После провозглашения независимости в 1991 году Казахстан приступил к формированию собственной правовой системы, в рамках которой одним из приоритетных направлений стало закрепление права граждан на доступ к информации. В Конституции Республики Казахстан 1995 года данное право получило официальное закрепление, однако его практическая реализация длительное время осложнялась фрагментарностью и несогласованностью правовых норм. Существенным шагом вперёд стало принятие в 2015 году Закона «О доступе к информации», который заложил правовые основы обеспечения прозрачности деятельности государственных органов и защиты информационных прав граждан. Вместе с тем и после его принятия сохраняются отдельные проблемы, связанные, в частности, с недостаточной ответственностью за нарушение требований закона и ограниченными возможностями обжалования отказов в предоставлении информации.

В истории становления правового регулирования доступа к информации в Казахстане целесообразно выделить несколько основных этапов:

- *Советский период* (до 1991 года), в рамках которого обращение информации характеризовалось строгим государственным контролем, системой цензуры и ограниченным доступом к социально значимым сведениям.

- *Переходный период* (1991–1995 годы), связанный с обретением государственной независимости и началом формирования национального законодательства. Принятие Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР (1990), а также Закона «О печати и других средствах массовой информации» (1991) способствовало развитию независимых средств массовой информации и расширению свободы слова.

- *Законотворческий этап* (1999–2015 годы), в ходе которого принятие Закона «О средствах массовой информации» (1999) стало важной вехой в развитии информационного права. В этот период активно развивались электронные СМИ, интернет-ресурсы и первые механизмы обеспечения информационной прозрачности. Существенное значение имело принятие Закона «Об информатизации» в 2003 году, а затем его обновлённой редакции

в 2015 году, ориентированной на развитие электронного правительства и расширение доступа к государственным данным.

- *Формирование политики открытости (2015 – настоящее время)* - в 2015 году был принят Закон «О доступе к информации», направленный на обеспечение прозрачности деятельности госорганов. В рамках «Плана нации – 100 конкретных шагов» запущены порталы «Открытое правительство», «Открытые данные» и другие цифровые инструменты. Указ Президента РК «Об утверждении информационной доктрины» подтвердил стратегическое значение информационной безопасности и прозрачности в государственном управлении.

В связи с постоянным развитием информационной сферы формируется новая отрасль права — информационное право. Рассматривая этот концепт, можно утверждать, что информационное право является отраслью права, которая регулирует действия, возникающие в информационной сфере и непосредственно связанные с оборотом информации и её ресурсов. Кроме того, информационное право может рассматриваться как подотрасль административного и гражданского права [71, р.27].

Информационное право также возможно рассматривать как самостоятельный институт, в котором совокупность правовых норм позволяет регулировать возникающие в информационной сфере правоотношения. Эта отрасль права характеризуется своими специфическими чертами. Среди них можно выделить, прежде всего:

- Наличие самостоятельного предмета правового регулирования.
- Собственная терминология, которая определяет основные принципы и особенности функционирования информационного права.

- Использование только тех методов, которые характерны для регулирования информационного права [72, р.35]. Таким образом, информационное право постепенно приобретает особый, во многом самостоятельный статус, формируя правовую основу для управления и регулирования процессов, протекающих в динамично меняющейся информационной среде. Его развитие отражает потребность государства и общества в правовых инструментах, способных реагировать на постоянное обновление технологий и форм коммуникации.

Значительное влияние на формирование национального законодательства оказали международные стандарты, в том числе положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. Участие Республики Казахстан в международных инициативах, включая Партнёрство «Открытое правительство», в целом способствует заимствованию и внедрению передовых подходов в сфере обеспечения информационной открытости. Вместе с тем правоприменительная практика демонстрирует наличие устойчивых проблем, среди которых сохраняются бюрократические барьеры, недостаточный уровень правовой грамотности населения, а также ограниченная эффективность механизмов защиты права на доступ к информации.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией государственного управления, противодействием распространению дезинформации и обеспечением защиты персональных данных, требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования и более жёсткой ответственности государственных органов за соблюдение установленных требований. Исторический опыт развития законодательства в данной сфере наглядно показывает, что эффективная модель доступа к информации возможна лишь при соблюдении баланса между открытостью и защитой прав человека, а также при учёте национальных особенностей правовой системы при имплементации международных стандартов.

1.3 Принципы правового регулирования доступа к информации

Основные принципы регулирования доступа к информации образуют базу, на которой выстраивается правовое урегулирование отношений, связанных с предоставлением, распространением и использованием информации. Именно через данные принципы обеспечивается относительный баланс интересов государства, общества и личности, а также создаются условия для прозрачности деятельности публичной власти, её подотчётности и реальной защиты права каждого на получение достоверных и социально значимых сведений.

В современных условиях, когда информация всё в большей степени влияет на общественные и политические процессы, её доступность становится не просто техническим вопросом, а необходимым элементом демократического устройства. Открытость информации напрямую связана с реализацией свободы выражения мнений, участием граждан в управлении государственными делами и защитой личных прав и свобод. Принципы, лежащие в основе правового регулирования данной сферы, ориентированы на обеспечение равных возможностей доступа к информации, соблюдение установленных правовых рамок, предупреждение злоупотреблений и охрану сведений, доступ к которым подлежит законным ограничениям.

Особая значимость указанных принципов проявляется в условиях цифровизации, глобализации и возрастающей взаимозависимости различных сфер общественной жизни. Сегодня информация выступает не только средством познания, но и самостоятельным ресурсом, способным оказывать ощутимое влияние на социально-экономическое развитие, политическую стабильность и культурное многообразие.

В рамках данной главы будет проведен анализ ключевых принципов, таких как открытость и прозрачность, законность, подотчетность, обеспечение баланса между правом на доступ к информации и защитой конфиденциальных данных, а также международных стандартов, применяемых в этой сфере. Рассмотрение этих принципов позволит глубже понять, каким образом формируются и функционируют правовые механизмы, регулирующие доступ к информации, а также выявить существующие проблемы и предложить пути их решения.

Принципы могут находить свое отражение как в нормах права, так и формироваться через научное осмысление, аналитическое толкование или процесс правоприменения. Их устойчивость обеспечивается не только соответствием текущим общественным и правовым реалиям, но и способностью отражать фундаментальные закономерности правовой системы. В этом смысле принципы служат ориентиром для развития законодательства и правоприменительной практики, представляя собой универсальные модели, на которые можно опираться при формировании правовых норм.

Традиционное представление о принципах исходит из их роли как основополагающих идей или руководящих начал. Они выступают точкой отсчета для юридической деятельности, задавая общее направление развития права. Однако их содержание не является детализированным – принципы лишь задают общий вектор, который получает конкретное выражение в правовых нормах или их практическом применении [73].

М.А. Федотов и А.А. Тедеев обращают внимание на то, что принципы не только выражают сущность норм в данной отрасли права, но и позволяют вывести базовые направления государственной политики в области правового регулирования рассматриваемых отношений [74].

Законом Республики Казахстан «О доступе к информации» определены следующие основополагающие начала, на основании которых обеспечивается доступ к информации:

- 1) законности;
- 2) открытости и прозрачности деятельности обладателей информации;
- 3) достоверности и полноты;
- 4) актуальности и своевременности;
- 5) равного доступа к информации;
- 6) неразглашения государственных секретов и иных охраняемых законом тайн;
- 7) неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны;
- 8) соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц [10].

Законом Республики Казахстан от 13 января 2025 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации, общественного участия, государственных наград и исключения излишней законодательной регламентации» [75] принципы Закона «О доступе к информации» расширены и включены следующие принципы:

- 9) учета потребностей лиц с инвалидностью;
- 10) проактивного распространения информации;
- 11) ответственности за нарушение требований законодательства Республики Казахстан о доступе к информации.

Принцип законности предполагает, что обеспечение доступа к информации осуществляется в рамках и на основании действующего законодательства. Его значение заключается в недопущении произвольных

ограничений, формального отказа или злоупотреблений со стороны обладателей информации. Соблюдение данного принципа обеспечивает правовую определённость, предсказуемость процедур и защиту законных интересов всех участников информационных правоотношений.

Принцип открытости и прозрачности исходит из того, что деятельность государственных органов и иных субъектов, располагающих общественно значимой информацией, по своей природе должна быть доступна общественному контролю. Реализация данного принципа способствует укреплению доверия между государством и обществом, а также снижает риски коррупционных проявлений и неправомерного использования властных полномочий.

Принцип достоверности обязывает предоставлять информацию, соответствующую действительности и основанную на проверенных данных, тогда как принцип полноты предполагает её представление без умышленного сокрытия существенных элементов. Несоблюдение этих требований способно исказить смысл информации и привести к формированию ошибочных представлений о деятельности органов власти или иных процессов, имеющих общественное значение.

Принцип актуальности означает, что предоставляемая информация должна отражать реальное и текущее состояние дел, а принцип своевременности требует её предоставления в установленные законом или разумные сроки. Указанные принципы направлены на то, чтобы информация сохраняла практическую ценность и могла использоваться при принятии обоснованных решений, как на уровне отдельных граждан, так и в более широком общественном контексте.

Принцип равного доступа предполагает недискриминационное предоставление информации всем заинтересованным лицам, независимо от их социального положения, гражданства, пола, национальности или иных характеристик. Реализация данного принципа обеспечивает фактическое осуществление права на доступ к информации, закреплённого в конституционных и международных правовых актах.

Вместе с тем доступ к информации может быть ограничен в случаях, когда речь идёт о сведениях, подлежащих защите в интересах национальной безопасности, общественного порядка либо иных охраняемых законом ценностей. Подобные ограничения должны носить исключительный характер, быть законодательно обоснованными и направленными на предотвращение неправомерного распространения конфиденциальной информации, а не на необоснованное сужение принципа открытости. Это позволяет обеспечивать защиту государственных и общественных интересов, минимизировать риски, связанные с распространением информации, которая может нанести ущерб безопасности страны или стабильности общества.

Принцип неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны направлен на охрану конфиденциальности личной и семейной информации, предотвращение её незаконного распространения или

использования. Это гарантирует защиту права личности на приватность в условиях расширяющегося информационного пространства.

Принцип соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц требует, чтобы предоставление доступа к информации осуществлялось с учетом охраны прав и законных интересов всех субъектов, включая физических и юридических лиц. Это исключает возможность причинения вреда третьим лицам, предотвращает злоупотребления информацией и способствует поддержанию баланса интересов в обществе.

13 января 2025 года Президент Республики Казахстан подписал Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации, общественного участия, государственных наград и исключения излишней законодательной регламентации» [75], согласно которому Закон дополнен новыми принципами:

- учет потребностей лиц с инвалидностью;
- проактивное распространение информации;
- ответственность за нарушение требований законодательства

Республики Казахстан о доступе к информации.

Более того, 16 января 2025 года Сенат парламента Казахстана на пленарном заседании в четверг одобрил принятый мажилисом закон «О ратификации Марракешского договора об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям» [76].

Марракешский договор, ратифицированный Казахстаном, направлен на обеспечение доступности печатных материалов для лиц с ограничениями зрения или иными особенностями, препятствующими чтению обычных текстов. Принцип учета потребностей лиц с инвалидностью в Законе о доступе к информации согласуется с обязательствами по этому договору и более широким обязательством по Конвенции о правах инвалидов (КПИ).

Тоби Мендель хорошо обобщил основные руководящие принципы, которыми должен руководствоваться любой закон о доступе к информации. К ним относятся:

Максимальное раскрытие информации: законы о защите информации должны основываться на принципе максимального раскрытия информации.

Обязательство к публикации: Государственные органы должны не только предоставлять информацию по запросу, но и самостоятельно публиковать ключевые данные, имеющие общественное значение.

Продвижение открытого управления: Государственные структуры обязаны активно содействовать принципам прозрачного и подотчетного управления, обеспечивая доступность информации для граждан.

Четкие и ограниченные исключения: Любые ограничения на раскрытие информации должны быть четко сформулированы и соответствовать принципам минимального вреда и защиты общественных интересов.

Процедуры, облегчающие доступ: Запросы на предоставление информации должны обрабатываться своевременно и беспристрастно, при этом необходимо предусмотреть механизм независимого пересмотра отказов.

Недопустимость финансовых барьеров: Чрезмерные расходы не должны становиться препятствием для граждан, запрашивающих информацию. Государственные органы обязаны предоставлять доступ на недискриминационной основе.

Принцип открытых заседаний: Все заседания государственных органов должны проходить в открытом формате, за исключением случаев, предусмотренных законом, когда необходимость закрытого режима обоснована.

Приоритетность раскрытия информации: Законодательные акты, ограничивающие принцип максимальной прозрачности, должны быть пересмотрены, приведены в соответствие или отменены, если они препятствуют свободному доступу к информации.

Защита заявителей: Лица, которые разглашают информацию о правонарушениях, должны быть защищены [77].

Существует множество различных способов, с помощью которых страны разрабатывают и применяют законы о свободе информации. Некоторые из них соответствуют этим принципам лучше, чем другие, и каждая страна выработала свое собственное органическое понимание того, что концептуально означает свободный доступ к информации и чего требует защита прав потребителей на практике.

Международные организации, такие как ООН, Организация американских государств и Совет Европы, обладая мандатом на защиту и продвижение прав человека, признали фундаментальное право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов. Они также подчеркнули необходимость создания эффективного законодательства, обеспечивающего реализацию этого права на практике. Решение данных вопросов является важным для оценки эффективности правового регулирования, так как принятие закона без четкой цели может оказаться не только бесполезным, но и рискованным. Чтобы обеспечить эффективность законов о свободе информации, они должны быть разработаны в соответствии с международными принципами и лучшими практиками [78].

Эти принципы служат гарантом того, что запрашиваемая информация будет предоставляться своевременно, в точной и неизменной форме. Международные организации разработали ряд принципов для создания эффективного режима доступности информации, которые могут использоваться в качестве руководства странами, стремящимися принять соответствующие законы или внести изменения в уже существующие.

Для определения уровня соответствия законов о доступе к информации международным стандартам, а также выработки рекомендаций по устранению возможных недостатков выработаны девять ключевых принципов, которые будут рассмотрены ниже.

Принцип максимального раскрытия информации: Этот принцип устанавливает презумпцию того, что вся информация, находящаяся в распоряжении государственных органов, должна быть доступна для раскрытия, за исключением строго ограниченных случаев. Закон, основанный на этом принципе, должен иметь широкую сферу применения, охватывать всех (не ограничиваясь только гражданами) и не требовать обоснования причины запроса информации.

Кроме того, необходимо четко определить понятия «информация» и «государственные органы». Государственными органами считаются все ветви и уровни власти, а также частные структуры, выполняющие публичные функции, распоряжающиеся бюджетными средствами или обладающие полномочиями принимать решения. Принцип также предполагает включение частных организаций, если они располагают информацией, раскрытие которой может повлиять на значимые общественные интересы, такие как охрана окружающей среды, права человека и общественное здоровье.

Принцип обязательности публикации: Этот принцип предполагает, что государственные органы должны не только принимать запросы о предоставлении информации, но и должны раскрывать и широко распространять документы/информацию, представляющие значительный общественный интерес, с соблюдением разумных ограничений, основанных на имеющихся ресурсах и возможностях [77, p.154].

Государственные органы, по меньшей мере, должны быть обязаны на постоянной основе публиковать и регулярно обновлять определённые категории информации, имеющие общественное значение. К их числу, прежде всего, относится оперативная информация о деятельности государственного органа, включая сведения о его задачах и функциях, организационной структуре, внутренних стандартах, реализуемых политиках и процедурах, а также данные о руководстве и ключевых должностных лицах. Подобная информация позволяет гражданам получить общее представление о том, как именно функционирует соответствующий орган и за что он несёт ответственность.

Не менее важной является открытость финансово-экономической информации, в том числе сведений о проверенных счетах, лицензиях, бюджетах, доходах и расходах, программах субсидирования, государственных закупках и заключённых контрактах. Публикация таких данных создаёт условия для общественного контроля и снижает риски неэффективного или непрозрачного использования государственных ресурсов.

В открытом доступе также должна находиться информация о возможностях взаимодействия граждан с государственными органами, включая порядок подачи запросов, жалоб и иных обращений, а также описание действий, которые граждане вправе предпринимать для защиты своих интересов. Дополнительно целесообразно размещать разъяснительные материалы и руководства по процедурам участия общества в обсуждении

значимых политических и законодательных инициатив, включая порядок внесения предложений и комментариев.

К числу обязательных для раскрытия сведений относится и информация о видах данных, которыми располагает государственный орган, а также о формах их хранения. Это предполагает публикацию сведений о существующих реестрах документов, базах данных и иных информационных ресурсах, что позволяет повысить предсказуемость и понятность системы доступа к информации.

Особое значение имеет раскрытие содержания решений и политик, затрагивающих интересы общества. В таких случаях должна предоставляться информация не только о самих решениях, но и о причинах их принятия, использованных справочных материалах и аналитических данных, включая результаты оценок воздействия на окружающую среду, социальную сферу или права человека. В совокупности указанный перечень сведений направлен на повышение прозрачности деятельности государственных органов, информирование общества и укрепление доверия к принимаемым управленческим решениям.

Принцип содействия открытости правительства предполагает, что формального закрепления обязанностей по раскрытию информации недостаточно. Во многих государствах, в том числе с переходными правовыми системами, культура закрытости длительное время оставалась устойчивой частью административной практики. Реализация права на доступ к информации во многом зависит от изменения подобного подхода. Принудить государственных служащих к открытости исключительно посредством правовых санкций крайне затруднительно, поэтому долгосрочный эффект достигается тогда, когда должностные лица осознают, что открытость является не просто их служебной обязанностью, но и проявлением фундаментального права человека, лежащего в основе демократического управления. В связи с этим, меры по продвижению открытости играют важную роль в преодолении культуры секретности. Конкретные шаги могут различаться в зависимости от уровня грамотности, осведомленности населения и других факторов, однако среди ключевых мер можно выделить: проведение образовательных кампаний для населения, введение санкций за препятствование доступу к информации, обучение государственных служащих эффективному администрированию режима свободы информации, а также предоставление стимулов для поощрения тех, кто способствует доступу к информации, и выявление тех, кто препятствует этому процессу.

К числу иных практических мер, направленных на реализацию права на доступ к информации, можно отнести организацию надлежащего ведения служебной документации, систематическое обучение государственных служащих применению законодательства о доступе к информации, а также информирование граждан о возможностях и порядке эффективного использования соответствующих правовых механизмов. Наряду с этим государственные органы должны на регулярной основе, как правило

ежегодно, представлять отчёты в парламент о результатах своей деятельности, уделяя внимание не только достигнутым показателям, но и проблемам, выявленным в процессе реализации права на доступ к информации. В совокупности данные меры являются необходимым условием для устойчивого функционирования режима информационной открытости.

Принцип ограниченного объёма исключений предполагает, что рассмотрение запросов о предоставлении информации должно осуществляться оперативно, беспристрастно и в разумные сроки. В случаях отказа заявителям должна быть обеспечена реальная возможность независимого пересмотра принятого решения, в том числе в административном или судебном порядке. При этом государственные органы обязаны формировать прозрачные и доступные процедуры, гарантирующие гражданам право как на подачу запросов, так и на получение информации в форме, позволяющей её фактическое использование. В каждой структуре следует назначить уполномоченного сотрудника, ответственного за обработку поступающих запросов и контроль за соблюдением законодательства в данной сфере. Дополнительно органы власти должны содействовать заявителям в уточнении или корректировке их запросов, если они касаются уже опубликованных материалов, сформулированы слишком обобщенно или требуют конкретизации. В то же время, государственные структуры могут отклонять заведомо необоснованные или злоумышленные обращения, если они направлены исключительно на создание административных сложностей и дестабилизацию работы органа.

В случаях, когда запрашиваемая информация уже была официально опубликована и находится в свободном доступе, государственные органы не обязаны предоставлять её повторно. Вместе с тем на них возлагается обязанность направить заявителя к соответствующему источнику, обеспечив тем самым фактическую возможность получения сведений. Законодательство о доступе к информации также должно содержать гарантии равного доступа для всех групп населения, включая лиц с ограниченными возможностями, неграмотных граждан, а также лиц, не владеющих языком, на котором ведётся официальная документация. Сроки рассмотрения запросов, как правило, не должны превышать одного месяца, а в случае отказа заявителю необходимо предоставить мотивированное письменное объяснение со ссылкой на конкретные нормы закона и разъяснением порядка обжалования.

Эффективная система рассмотрения запросов предполагает наличие многоуровневого механизма обжалования. На первом уровне заявитель должен иметь возможность обратиться с жалобой в сам государственный орган, в том числе к вышестоящему должностному лицу. Второй уровень предполагает апелляцию в независимый административный орган, уполномоченный пересматривать отказы и выносить обязательные предписания о предоставлении информации. Третьим уровнем выступает судебное разбирательство, в рамках которого заявитель вправе оспорить отказ и добиться объективного и всестороннего рассмотрения дела.

Функции независимого контролирующего органа могут быть возложены как на специально созданную комиссию, так и на уже существующую институцию, например Институт Омбудсмана. При этом принципиальное значение имеет реальная независимость такого органа, которая должна обеспечиваться прозрачной процедурой назначения руководства, институциональными гарантиями автономии и возможностью общественного контроля. В качестве наилучшей практики рассматривается создание специализированной Информационной комиссии, действующей автономно, члены которой назначаются межпартийным парламентским комитетом в рамках открытого процесса с участием общественности. Кандидаты должны отвечать высоким требованиям профессионализма, независимости и отсутствия конфликта интересов.

Рассмотрение апелляций на отказ в предоставлении информации должно быть оперативным, эффективным и не требовать значительных финансовых затрат, чтобы данный механизм оставался доступным для всех слоёв общества. Надзорный орган должен обладать достаточными полномочиями, включая право истребовать документы, вызывать свидетелей и, при необходимости, получать доступ к информации с ограниченным режимом доступа.

По итогам рассмотрения жалобы административный орган должен быть наделён правом подтвердить отказ, если он соответствует требованиям закона, либо обязать государственный орган предоставить информацию в случае неправомерного отказа. Кроме того, он должен иметь возможность корректировать необоснованно завышенные сборы, применять санкции и штрафы за нарушение законодательства, а также передавать материалы в суд при выявлении фактов умышленного сокрытия информации или уничтожения документов. В случае несогласия с решением административного органа заявителю должна быть гарантирована возможность судебного обжалования, при этом суду следует рассматривать дело по существу, а не ограничиваться формальной проверкой законности действий должностных лиц. Такой подход способствует формированию единых правовых стандартов в сфере доступа к информации и обеспечивает реальную защиту прав граждан.

Принцип учёта затрат исходит из того, что финансовые издержки не должны становиться препятствием для реализации права на получение информации. Основной смысл законодательства о свободе информации заключается в обеспечении максимально открытого доступа к сведениям, поэтому плата за предоставление информации должна ограничиваться лишь фактическими расходами на копирование и доставку. В отдельных случаях, в частности при запросе личных данных, информации, представляющей общественный интерес, а также для граждан, находящихся в сложном материальном положении, такие платежи должны быть отменены либо существенно снижены.

Принцип приоритета раскрытия информации основывается на праве граждан знать, какие решения принимаются государственными органами от

их имени, а также участвовать в процессах их обсуждения и принятия. В связи с этим заседания органов публичной власти должны быть открыты для общественности, за исключением случаев, когда имеются чётко определённые и законодательно обоснованные основания для их закрытия.

Закон о праве на информацию должен закреплять принцип открытости заседаний всех органов, принимающих решения либо оказывающих существенное влияние на их содержание. К таким органам относятся выборные представительные структуры, их комитеты, градостроительные и планировочные комиссии, советы государственных учреждений и агентства, осуществляющие публичные функции. Политические партийные комитеты, не являющиеся органами государственной власти, могут быть выведены из сферы действия данного принципа.

Заседания следует считать официальными, если они проводятся для рассмотрения вопросов общественного значения и осуществляются с соблюдением установленных процедурных требований, включая наличие кворума. Обязательным элементом является заблаговременное информирование общественности о дате, времени, повестке заседания и материалах, подлежащих обсуждению. Особую значимость это имеет при рассмотрении проектов, затрагивающих инфраструктурное развитие, экологические и социальные вопросы.

Закрытие заседаний допускается лишь по строго определённым основаниям, связанным, например, с обеспечением национальной безопасности, проведением правоохранительных расследований, защитой частной жизни, коммерческой тайны или общественной безопасности. При этом процедура закрытия должна быть прозрачной и сопровождаться публичным обоснованием причин. Нарушение данных требований может повлечь пересмотр и признание недействительными решений, принятых с нарушением принципа открытости.

Принцип защиты информаторов: Лица, сообщающие о правонарушениях (информаторы), должны находиться под защитой. В законодательстве необходимо закрепить нормы, гарантирующие, что граждане, раскрывающие сведения о нарушениях, допущенных государственными или частными организациями, не будут подвергаться судебному преследованию, административным мерам, трудовым взысканиям или иным видам негативного воздействия. Наилучшей практикой является принятие странами комплексных законов, которые охватывают все аспекты уголовного, гражданского, административного и трудового права.

В данном контексте под «правонарушением» понимается совершение уголовного преступления, несоблюдение установленных законодательных обязательств, судебные ошибки, коррупционные действия, недобросовестность, а также серьезные нарушения в управлении государственными органами. Помимо этого, к данной категории относятся значительные угрозы для здоровья, безопасности населения или окружающей среды, вне зависимости от того, связаны ли они с конкретными правонарушениями. Информаторы должны находиться под

защитой, если они, обладая разумным убеждением, полагали, что раскрываемая ими информация является достоверной и подтверждает наличие правонарушения. Эти гарантии должны распространяться на информаторов, даже в тех случаях, когда их действия формально нарушают правовые или трудовые нормы. Лица, санкционирующие, вредящие или преследующие информаторов, должны сами подвергаться административным или юридическим санкциям, а в самых серьезных случаях — уголовному наказанию.

Принцип проведения открытых заседаний: Граждане обладают правом на получение информации о решениях, принимаемых государственными органами от их имени, а также на участие в процессе их обсуждения. В связи с этим заседания государственных учреждений должны проходить в открытом формате, за исключением ситуаций, когда имеются веские юридические основания для их проведения в закрытом режиме.

Закон о праве на информацию должен закреплять принцип открытости заседаний всех руководящих органов, принимающих решения или оказывающих значительное влияние на них. К таким органам относятся избранные представительные структуры, их комитеты, комиссии по градостроительству и планированию, советы государственных учреждений и промышленные агентства. Закрытыми могут оставаться партийные политические комитеты, поскольку они не являются органами государственного управления.

Заседания считаются официальными, если проводятся для рассмотрения вопросов общественного значения и следуют установленным процедурным нормам, включая требования к кворуму. Обязательным условием является заблаговременное уведомление общественности о дате, времени, повестке и обсуждаемых материалах. Это особенно важно при рассмотрении проектов, связанных с развитием инфраструктуры, экологическими и социальными вопросами.

Заседания могут быть закрыты только по строго определённым основаниям. В их число могут входить вопросы национальной безопасности, правоохранных расследований, защиты частной жизни, коммерческой тайны или общественной безопасности. Однако процедура закрытия должна быть прозрачной, с публичным обоснованием причин. Нарушение этих требований может привести к пересмотру и признанию недействительности решений, принятых в закрытом режиме без законных оснований.

Проведя анализ Закон РК «О доступе к информации» на соответствие международным стандартам, было установлено следующее:

Формально, принципы Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» [10] в значительной степени соответствуют указанным универсальным принципам. Однако их реализация на практике имеет свои ограничения, которые могут снижать эффективность выполнения норм закона.

В качестве примеров, фактического несоблюдения принципов Закона РК «О доступе к информации», можно отметить следующие примеры:

1) 27 ноября собкор телеканала «Первый канал Евразия» Майя Шуакбаева по телефону обратилась в ДУИС Павлодарской области с запросом по конкретному делу ранее осужденного. После освобождения из мест лишения свободы, мужчина, предположительно занялся мошенничеством, полиция начала досудебное расследование по соответствующему коллективному заявлению.

Так как в течение нескольких дней ответ по своему обращению журналист не получила, 2 декабря редакция направила официальный запрос через E-otinish, попросив также предоставить комментарий на видеокамеру. Поздно вечером 6 декабря пришел ответ из Департамента УИС. На напоминание о необходимости записать интервью на камеру, пресс-служба департамента предложила Шуакбаевой подождать до второй половины дня 11 декабря. Таким образом, чтобы получить комментарий от ведомства для телевизионного материала журналист потратила 2,5 недели [79].

2) Одна из партий не захотела звать журналистов на обсуждение важной темы – единого часового пояса.

Шеф-редактор столичного бюро интернет-журнала «Власть» Тамара Вааль сообщила в Facebook о том, что 10 декабря фракция партии провела закрытое от СМИ заседание фракции по одной из самых обсуждаемых в обществе тем - вопросу перевода времени в Казахстане [79].

Оба примера показывают, что, несмотря на формальные обязательства, определённые Законом РК «О доступе к информации», на практике отдельные государственные органы и политические структуры допускают серьёзные нарушения принципов максимальной открытости, прозрачности и процедур, облегчающих доступ к информации. Это подрывает доверие общественности к государственным институтам и препятствует реализации права граждан на получение информации. Для устранения подобных проблем необходимо укрепление контроля за соблюдением законодательства и развитие механизмов ответственности за его нарушение.

В 2023 году, имелись факты неправомерного отказа государственных органов в предоставлении общедоступной информации.

Согласно действующему законодательству Республики Казахстан (статья 456-1 Кодекса об административных правонарушениях), если должностное лицо или организация необоснованно отказывает в предоставлении информации либо умышленно передает заведомо недостоверные сведения в случаях, когда запрашиваемая информация должна быть предоставлена в соответствии с законодательными нормами, к ним применяются административные штрафы. Для должностных лиц, субъектов малого бизнеса и некоммерческих организаций предусмотрено взыскание в размере 30 месячных расчетных показателей, для представителей среднего бизнеса — 50, а для крупных предпринимательских структур — 100 месячных расчетных показателей [80].

Согласно информации, представленной Комитетом по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в отчетном периоде было зафиксировано 7 случаев

неправомерного ограничения права граждан на получение информации, что повлекло применение мер ответственности в соответствии со статьей 456-1 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях. Сумма наложенных административных штрафов по данным фактам составила 427 800 тенге [81].

Формально Закон РК «О доступе к информации» соответствует большинству универсальных принципов, включая максимальное раскрытие информации, обязательство публиковать, ограничение объёма исключений и защиту заявителей. Однако на практике реализация этих норм сталкивается с рядом проблем, таких как широкие формулировки исключений, недостаточная прозрачность и технические барьеры. Для полного соответствия мировым стандартам необходимы дальнейшие реформы, направленные на устранение практических ограничений.

1.4 Международные стандарты и ключевые документы в области доступа к информации

Впервые в истории современной государственности Швеция XVIII века ввела принцип публичности государственных документов. В то время как во всем остальном мире все официальные документы оставались в распоряжении государства, шведские государственные органы начали действовать на основе идей, касающихся доступа к публичным документам и, в то же время, свободы прессы.

Согласно Главе 2, Разделу 1, Указа 1949 года о свободе прессы (Конституция), доступ к публичным документам является индивидуальным правом: каждый шведский гражданин имеет право свободно получать доступ к официальным документам с целью содействия свободному обмену мнениями и обеспечению доступности всесторонней информации. Таким образом, сохраняется неотъемлемая связь между свободой прессы и доступом к публичным документам: доступ к публичным документам является частью общей свободы выражения мнений, согласно которой свобода прессы включает право публиковать любые публичные документы. В то же время материальные нормы, применимые в делах, касающихся доступа к публичным документам, содержатся в конституционном акте, а не в обычном акте парламента, не говоря уже о декрете. Нормативный статус доступа к публичным документам, таким образом, очень высок в отношении деталей регулирования. Документ является публичным, если он находится в распоряжении государственного органа и был предоставлен этому органу частным лицом или другим государственным органом или инициирован государственным органом и утвержден в окончательной версии. Основное положение заключается в том, что документы государственных органов являются публичными. Однако правила, касающиеся доступа к публичным документам и свободы информации, не ограничиваются только Указом, а дополнены в Разделе 4 Закона о государственной администрации 1986 года

активной обязанностью государственных органов информировать широкую общественность о вопросах общего интереса [82].

После веков пренебрежения со стороны правительств по всему миру, международное сообщество признало свободу выражения мнений одним из фундаментальных прав человека в 1948 году. Свобода информации является неотъемлемой частью принципа свободы выражения мнений, закрепленного в ряде международных и региональных договоров по правам человека. На уровне ООН данный принцип установлен во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), а также в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1969 г.). В региональных правовых системах свобода выражения гарантируется Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Африканской хартией прав человека и народов (1981 г.), Американской конвенцией о правах человека (1969 г.) и Арабской хартией прав человека (2004 г.). Свобода слова или выражения мнений гарантируется почти всеми конституциями мира.

В 1946 году на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Резолюция 59 (I) «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации» [83], в которой это право рассматривается как одно из фундаментальных прав человека. В документе подчеркивается, что свобода информации включает в себя возможность свободного сбора, распространения и публикации сведений. Кроме того, в резолюции признается право на доступ к информации и указывается на важную роль государственных органов в его обеспечении, что свидетельствует о признании данного права в системе государственного управления различных стран мира.

Во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. [5] Каждому человеку обеспечивается право на свободу мнений и их выражение, а также возможность беспрепятственного поиска, получения и распространения информации и идей любыми способами, вне зависимости от государственных границ.

Аналогичные права закрепляются в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [84] Отличительной чертой данной Конвенции является внедрение международного механизма контроля, ключевым элементом которого выступает Европейский Суд по правам человека. Он уполномочен рассматривать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп лиц, касающиеся нарушений положений Конвенции и ее Протоколов.

В Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [6] разработаны нормы, касающиеся ключевых информационных прав и свобод, при этом устанавливаются ограничения, направленные на обеспечение защиты законных интересов других лиц.

Важным документом в области развития информационной сферы общества становится разработка и принятие Окинавской хартии глобального информационного общества 22 июля 2000 г. [85], включающей базовые

положения, способствующие формированию государственной информационной политики отдельно взятых стран и мирового сообщества в целом.

И.Н. Забара констатирует тот факт, что формирование концепции права на доступ к информации как самостоятельного права на общемировом уровне началось с 90-х годов XX века. Именно с середины 90-х годов начинают говорить о праве на информацию как гарантированном доступе к информации (или «праве на доступ к информации») [86, с.3].

Данную точку зрения поддерживают и зарубежные исследователи. Как отмечает Кэтлин Дженсен, с 1990-х годов многие страны приняли законы о праве на информацию. В настоящее время около 90 государств имеют законодательство о свободе информации, а еще 50 разрабатывают такие правовые акты [87].

Современные зарубежные исследования, посвященные вопросу доступа к информации в Европе и США, рассматривают не единое право на информацию, а целую систему информационных прав. К примеру, американский исследователь Черил Энн Бишоп выделяет четыре основных направления: свободу выражения, защиту персональных данных, право на благоприятную окружающую среду и право на достоверную информацию [88].

По словам ученого-юриста и эксперта по доступу к информации Томаса Блэнтонна: «Международная свобода информационного движения требует хорошего отношения как к морали, так и к эффективности, что приводит к изменению определения демократического правления. Это движение создает новую норму, новое видение и требует от любого правительства соблюдения принципов демократии» [89, p.53].

Неотчуждаемость права на доступ к правовой информации основывается на общем правовом принципе справедливости, который лежит в основе правовых норм, цивилизованного управления, судебных решений и защиты прав человека. Применение принципа, согласно которому каждый обязан знать закон и, следовательно, считается его знающим, может быть оправдано только при условии, что закон находится в состоянии, позволяющем каждому получить к нему доступ и ознакомиться с его полным содержанием. Только так можно избежать очевидной несправедливости в виде наказания за нарушение закона, тексты которого невозможно узнать, что Джереми Бентам охарактеризовал как тиранию [90].

Право общественного доступа к правовой информации является неотчуждаемым, так как каждый человек живет в обществе, управляемом законом, который он обязан знать, где незнание закона не освобождает от ответственности. Никто не может избежать применения закона, поскольку никто не освобожден от обязанности его соблюдать, каждый подлежит ответственности за его нарушение. Более того, это право неотчуждаемо, поскольку связано с аспектом личной свободы, неотъемлемой от человеческого существования. Знание правовых норм, регулирующих поведение и деятельность, обеспечивает свободу, необходимую для принятия

личных решений, включая реализацию своих прав и избежание ответственности через соблюдение закона. Общество, где люди вынуждены соблюдать недоступные законы, лишено этой базовой свободы.

Во-вторых, права человека универсальны по своей природе и применимы ко всему человечеству без какого-либо рода различий. Согласно Организации Объединенных Наций, «принцип универсальности прав человека является краеугольным камнем международного права о правах человека». Хотя споры о корректности принципа универсальности продолжаются, существуют права, которые явно являются универсальными, и право на доступ к правовой информации – одно из них. Оно универсально, поскольку применяется ко всем людям, достигшим возраста юридической ответственности. Каждый человек несет юридическую обязанность знать закон и платит за его нарушение, иногда очень высокую цену, вплоть до смертного приговора [91].

В-третьих, права человека взаимозависимы и взаимосвязаны, что означает их единство и целостность. Право на доступ к правовой информации тесно переплетается с другими правами человека и является правом-усилителем, необходимым для реализации других прав, таких как право на справедливое судебное разбирательство [92]. Цель справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и другими международными инструментами, заключается в обеспечении справедливости при определении прав, обязанностей или уголовных обвинений против человека. Оно включает право на достаточное время и условия для подготовки к защите, а также право защищать себя лично или с помощью адвоката по своему выбору. Эти гарантии зависят от свободного и адекватного общественного доступа к правовой информации [6].

Дело «Регина против Чемберса» иллюстрирует важность доступа к актуальной и полной правовой информации для обеспечения справедливого судебного разбирательства. Именно в этом деле Апелляционный суд Англии и Уэльса установил, что незнание нынешнего положения закона со стороны судебных органов и адвокатов — из-за недостаточного доступа к законодательству - привело к вынесению неправильных судебных решений в период с 2001 по 2008 год. Масштаб ошибки побудил Королевскую прокуратуру пересмотреть дела более чем 2615 обвиняемых. Некоторые из обвиняемых успешно обжаловали свои постановления о конфискации, которые были вынесены в нарушение отмененного законодательства [93].

В дополнение к упоминаниям о свободе информации в целом, ряд международно-правовых документов прямо признают свободу информации в определенных контекстах. Например, Конвенция ООН против коррупции 2003 [94] года обязывает государства-участников принимать меры для усиления прозрачности в работе их государственных органов. Статья 10 предписывает государствам принимать меры в этом направлении, включая:

«Принятие процедур или нормативных актов, позволяющих членам широкой общественности, где это уместно, получать информацию об

организации, функционировании и процессах принятия решений их государственной администрации...»

Статья 13 той же Конвенции, озаглавленная «Участие общества», требует от государств-участников обеспечения эффективного доступа общественности к информации.

В другом документе, выражающем международные намерения, – Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию [95] – также была включена статья с той же целью: гарантировать ответы на общественные запросы о предоставлении информации:

Вслед за Рио-де-Жанейрской декларацией в 1998 году была подписана Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, более известная как Орхусская конвенция [96]. Этот документ был подготовлен Экономической комиссией ООН для Европы и подписан сорока из пятидесяти шести членом Комиссии.

Конвенция включает подробные инструкции по обязательствам участников по обеспечению того, чтобы каждый государственный орган и любая другая структура, выполняющая общественную роль, передавали информацию по вопросам, связанным с окружающей средой, а также распространяли эту информацию. Это первый международный документ с обязательным юридическим статусом, включающий детализированные инструкции по передаче информации, касающейся исключительно экологических вопросов.

Помимо традиционных международных соглашений (ЕКПЧ, МПГПП, Орхусская конвенция и др.), особое значение приобретают глобальные инициативы, направленные на обеспечение прозрачности и подотчетности государственных органов.

Во время своего президентства президент США Барак Обама активно продвигал концепцию открытого правительства как одну из ключевых инициатив. В январе 2009 года, в свой первый день на посту, Обама подписал «Меморандум о прозрачности и открытом управлении», в котором он обязался создать более прозрачное, участие содержащее и совместное правительство [97]. В декабре 2009 года Обама издал «Директиву об открытом управлении», устанавливающую конкретные сроки для выполнения ряда мер, которые включали:

- онлайн-публикацию государственной информации;
- повышение качества государственной информации;
- создание и институционализацию культуры открытого правительства в государственных органах;
- формирование нормативно-правовой базы для открытого правительства [98].

Год спустя Обама представил свою Инициативу открытого правительства на Генеральной Ассамблее ООН, взяв на себя обязательства по принятию новых мер в борьбе с коррупцией, содействию прозрачности и расширению гражданского участия [99, р.4].

В 2011 году, в ответ на этот международный призыв, восемь правительств (Бразилия, Индонезия, Филиппины, Мексика, Норвегия, Южная Африка, Великобритания и Соединенные Штаты) и девять представителей гражданских организаций в области прозрачности и открытого правительства собрались в Нью-Йорке на Генеральной Ассамблее ООН для запуска Инициативы открытого правительства [99, p.5]

Цель Инициативы открытого правительства заключается в продвижении демократии в участвующих странах посредством создания механизмов, которые:

- увеличивают доступность информации о деятельности правительства,
- поддерживают гражданское участие,
- внедряют кодексы поведения для государственных служащих,
- улучшают доступ к новым технологиям, способствующим открытости и подотчетности [100].

Этот подход был встречен его основателями как новая модель сотрудничества в распространении демократических ценностей. Один из главных разработчиков Инициативы открытого правительства, профессор политологии Стэнфордского университета Джереми Вайнштейн, описал новизну Инициативы открытого правительства следующими словами:

«Мы почувствовали необходимость вернуть язык продвижения демократии — сместить акцент на универсальное стремление людей иметь возможность влиять на управление страной и на общие проблемы политических лидеров в ответе на это желание. Понятие «открытого правительства» оказалось расплывчатым и гибким, не привязанным к какой-либо конкретной идеологии. Это позволяло каждому привносить свою собственную повестку в достижение общей цели. Было крайне важно поставить инновации в центр любого нового начинания, уйти от схемы, в которой развивающиеся страны оказывались под давлением принять «лучшие» практики Запада, и перейти к модели, в которой внутренние реформаторы и активисты могли делиться своими историями, а страны поощрялись учиться друг у друга и предпринимать дальнейшие шаги в значимом стремлении к совершенству» [99, p.6].

После пяти лет существования Инициатива открытого правительства получила широкое признание среди правительств. Число участвующих стран резко выросло с первоначальных восьми основателей до 65 стран-участниц, причем большинство из них расположены на американском и европейском континентах.

В странах-участницах Инициативы открытого правительства также удалось инициировать дебаты о необходимости открытого правительства и о решающей роли представителей гражданского общества в этом процессе, объединив представителей гражданского общества и правительств для совместной работы по продвижению принципов Инициативы открытого правительства [101].

В последние годы Казахстан предпринимает активные шаги по повышению прозрачности государственного управления и расширению

участия граждан, что соответствует мировым тенденциям открытого правительства, даже если страна не является официальным участником Инициативы открытого правительства. В рамках цифровизации государства создан портал egov.kz, который обеспечивает гражданам доступ к государственным услугам онлайн, упрощая взаимодействие с органами власти и повышая прозрачность их работы. Кроме того, государственная программа «Цифровой Казахстан» [102] была направлена на развитие цифровой инфраструктуры, модернизацию государственного управления и улучшение доступа к информации, что способствовало внедрению современных технологий в работу государственных учреждений и повышение эффективности и открытости управления. В рамках противодействия коррупции в Казахстане реализуются антикоррупционные реформы, ориентированные на повышение прозрачности процедур принятия решений и усиление подотчётности должностных лиц. На практике это выражается, в частности, в расширении объёма публикуемой информации о государственных закупках, тендерах и расходовании бюджетных средств. Использование современных информационных технологий в сочетании с проводимыми институциональными реформами позволяет говорить о постепенном движении государства в сторону более открытой модели управления, в которой доступ граждан к информации рассматривается как необходимое условие эффективного взаимодействия между государством и обществом.

В целом следует отметить, что международные стандарты и ключевые правовые документы в сфере доступа к информации сформировали устойчивую правовую и концептуальную основу для реализации идей открытого государства и прозрачности публичной власти. Истоки данных подходов восходят к XVIII веку, когда в Швеции были заложены основы публичности государственных документов и свободы прессы. В дальнейшем данные идеи получили развитие и нормативное закрепление в международных и региональных актах, включая Всеобщую декларацию прав человека, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах и ряд иных документов.

Республика Казахстан, в свою очередь, демонстрирует стремление к внедрению цифровых решений и институциональных реформ, направленных на повышение открытости государственной власти. В этом контексте развитие международного правового поля в сфере доступа к информации выступает важным ориентиром и инструментом для формирования такой модели общественных отношений, при которой государственная власть становится более прозрачной, эффективной и подотчётной перед гражданами.

2 ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

2.1 Конституционные основы права на доступ к информации в Республике Казахстан

На сегодняшний день порядка девяноста стран на пяти континентах официально признают право граждан на получение сведений, находящихся в распоряжении государственных учреждений. За последние два десятилетия доступ к информации стал неотъемлемой частью правовой системы как в демократических, так и во многих странах с иными политическими режимами. Вопросы, связанные с юридическим признанием этого права, стали предметом оживленных общественных дискуссий среди юристов, политологов и ассоциаций по защите гражданских прав.

Несмотря на общее признание права на свободу информации, конкретные аспекты, касающиеся его точного объема и способов реализации, остаются спорными и продолжают обсуждаться в международных судах, комиссиях ООН и международных организациях, таких как конституционные суды, а также в научной литературе по данной теме.

На фоне этой активной деятельности юридические решения и академические тексты, рассматривающие законы, защищающие свободу информации, как правило, упускают из виду конституционные аспекты права на доступ к информации [103].

В странах, которые внедрили принцип свободы информации, можно найти множество примеров усилий, как со стороны СМИ, так и отдельных граждан, направленных на выявление коррупции. Такие страны, как правило, демонстрируют более "чистую" государственную администрацию. Швеция была первой страной в мире, которая приняла закон о свободе информации и обеспечила конституционную защиту этого права. Финляндия унаследовала это право от Швеции и стала третьей страной, принявшей закон о свободе информации, после Колумбии, которая приняла такой закон в 1888 году. На сегодняшний день Швеция и Финляндия считаются самыми некоррупцированными странами в мире. Этот низкий уровень коррупции, по-видимому, способствовал формированию культуры прозрачности. Действительно, трудно игнорировать значимость, которую эти страны придают административной открытости. Напротив, тоталитарные и коррумпированные режимы прилагают огромные усилия для сокрытия информации. Оба этих примера свидетельствуют о существовании обратной зависимости между порядочностью государственного управления и прозрачностью [104].

Впервые право на получение информации было зафиксировано в международном праве на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в Нью-Йорке в 1946 году. В ходе этого заседания Ассамблея выступила с инициативой созыва международной конференции для рассмотрения вопросов, связанных со свободой информации, подчеркнув,

что она является фундаментальным правом человека и основой всех свобод, провозглашенных ООН.

Конвенция была проведена, и два года спустя был подготовлен проект международного пакта о свободе информации. Однако комитет ООН, созданный для продвижения ратификации этого пакта, не смог достичь соглашения между членами организации, что в конечном итоге привело к отказу от пакта и его неподписанию. Тем не менее, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, которая носит рекомендательный характер, включила статью, касающуюся права «искать, получать и распространять информацию» [105].

Идентичная формулировка содержится в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах [6]. Однако эта лаконичная формулировка не отражает всю силу позитивной обязанности, и ее значение осталось в сфере интерпретации международных трибуналов и экспертных органов. Отсутствие ясности впоследствии побудило Комиссию ООН по правам человека пригласить Специального докладчика по вопросам права на выражение мнений и свободы мысли, чтобы разработать прототип права на доступ к информации.

В ежегодном докладе, подготовленном Специальным докладчиком и представленном Комиссии ООН по правам человека в 1998 году, было написано следующее:

«Специальный докладчик последовательно утверждал, что право искать и получать информацию — это не просто обратная сторона права на свободу мнений и их выражение, а самостоятельная свобода... Право искать, получать и распространять информацию возлагает на государства положительную обязанность обеспечивать доступ к информации, особенно в отношении информации, находящейся в распоряжении государства, во всех типах систем хранения и извлечения данных» [106].

В борьбе за право на доступ к информации и свободу выражения все большее значение приобретает свобода доступа к официальной информации. Хотя, по мнению Уолби и Ларсена (2012), законодательство, обеспечивающее общественный доступ к официальным документам, появилось еще столетия назад, лишь после Второй мировой войны, под влиянием опыта Холокоста, авторитарных режимов и диктатур, которые его вызвали, была полностью осознана ключевая важность права на доступ к информации [107]. Чтобы предотвратить появление новых диктатур и авторитарных режимов и искоренить тоталитаризм, право на доступ к информации считалось жизненно необходимым [108]. Предполагалось, что информированное гражданское общество станет решительным противовесом авторитаризму.

В современных демократических обществах право на доступ к информации приобрело ключевое значение в процессе защиты гражданских прав, выступая фундаментом, на котором базируются все остальные свободы. Как невозможно представить демократию без обеспечения прав человека, так и невозможно эффективное их соблюдение без гарантий гражданских и

общественных свобод, среди которых особую роль играет право на получение информации.

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека ООН (1948) закрепляет этот принцип, устанавливая, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и их выражение, включая возможность беспрепятственно придерживаться своих взглядов, искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от границ государств» [5].

Статья 19 охватывает различные права: право быть информированным, делиться информацией с другими, формулировать мнение и выражать это мнение. Эти права были ратифицированы Европейской конвенцией о защите прав человека (1950), Международным пактом о гражданских и политических правах (1966) и Американской конвенцией о правах человека (1969), среди других документов.

Хотя слово «цензура» не встречается в документах ООН или Европейской конвенции, из текста явно следует, что целью было защитить индивидов от возможного злоупотребления государственной властью путем контроля доступа к информации через цензуру. Американская конвенция о правах человека (1969) первой конкретно указала на необходимость предотвращения не только прямой цензуры, но и косвенных форм контроля над содержанием информации как ключевого элемента для осуществления этого права:

«Право на выражение не может быть ограничено косвенными методами или средствами, такими как злоупотребление государственным или частным контролем над бумагой для печати, частотами радиовещания или оборудованием, используемым для распространения информации, либо любыми другими средствами, направленными на препятствование коммуникации и циркуляции идей и мнений» [109].

В 1993 году Венская всемирная конференция по правам человека вновь подтвердила роль свободного распространения идей как ключевого элемента права на развитие, необходимого для осуществления гражданства, справедливости, демократии и гражданских свобод. В Декларации тысячелетия ООН (2000) право на информацию было расширено, включив в него право на цифровую инклюзию, чтобы гарантировать доступность преимуществ новых технологий для всех.

В последние годы определение права на свободу информации было расширено, включив в него концепции прозрачности, подотчетности и открытости. Если раньше свобода информации подразумевала свободу от контроля со стороны государства, а затем это включало свободу от частных монополистических контролей, то теперь от государства требуют открывать свои архивы и документы для общественного контроля. В настоящее время около 80 стран имеют законы, предоставляющие гражданам доступ к информации на всех уровнях власти. Предполагается, что благодаря этим законам будет «обеспечен доступ к информации на демократической основе и усилена подотчетность власти» [107, p.33].

Есть еще один важный аспект права на доступ к информации: это не только свобода получать информацию и выражать мнение, но и право доступа к собственной истории. Граждане имеют право знать о прошлом, быть осведомленными о ранее принятых политических решениях и программах, которые предоставляют им защиту; знать, как финансировались политические кампании, как используются государственные ресурсы и в какой степени выполнены обещания, данные в ходе политических кампаний.

Меньше обсуждается в литературе право на научные и технологические знания, особенно если эти знания являются результатом исследований, финансируемых из общественных средств.

Право на доступ к информации является неотъемлемым элементом конституционно закрепленных прав человека, обеспечивающим реализацию фундаментальных принципов демократического правового государства, таких как прозрачность, подотчетность государственной власти и защита прав и свобод граждан. Конституция Республики Казахстан закрепляет данное право в качестве одной из основополагающих свобод, отражая его значимость для функционирования общественного и государственного устройства.

Закрепление права на доступ к информации находит своё выражение в статье 18 Конституции Республики Казахстан [1], где в пункте 3 указано, что каждый имеет право на получение и распространение информации любым, не запрещённым законом, способом. Указанная норма закрепляет универсальный характер соответствующего права, предоставляя возможность любому субъекту получать информацию, необходимую для реализации своих законных интересов и защиты прав. Тем самым она напрямую соотносится с принципом равенства всех перед законом, обеспечивая равный доступ к информации и исключая дискриминационный подход при её предоставлении.

Дополнительное развитие данные положения получают в статье 20 Конституции[1], которая не только дополняет, но и содержательно расширяет регулирование свободы информации, подчёркивая её неразрывную связь со свободой слова. Такая конституционная конструкция отражает понимание информации как основы осознанного выражения мнений и участия граждан в общественной и политической жизни. В частности, второй пункт данной статьи прямо закрепляет право каждого гражданина на свободный доступ к информации и её распространение законными способами. Однако в Конституции также предусмотрены ограничения, направленные на защиту государственных и общественных интересов, что накладывает определённые рамки на реализацию данного права. Так, в пункте 4 статьи 20 закрепляется, что охрана государственной тайны осуществляется в соответствии с законом, а распространение информации, направленной на возбуждение социальной, национальной, религиозной или иной вражды, недопустимо[1].

Особого внимания заслуживает статья 31 Конституции[1], устанавливающая обязанность государства информировать граждан о

состоянии окружающей среды. Данная норма имеет принципиальное значение, так как закрепляет экологическую прозрачность как одну из составляющих права на доступ к информации, что соответствует международным стандартам и обязательствам Казахстана в области защиты окружающей среды.

В совокупности конституционные положения формируют базовую правовую основу обеспечения доступа к информации, определяя не только объём прав граждан, но и конкретные обязанности государства. Государственные органы, исходя из содержания Конституции, обязаны обеспечивать открытость и доступность информации о своей деятельности, включая публикацию нормативных правовых актов, государственных программ, отчётных материалов и иных документов, представляющих общественный интерес. Не менее важной обязанностью является гарантия права граждан на получение информации в установленном законом порядке, что предполагает наличие понятных и прозрачных процедур рассмотрения информационных запросов. Одновременно государство должно обеспечивать разумный баланс между правом на доступ к информации и необходимостью защиты государственной тайны, персональных данных и иных сведений, подлежащих охране в силу закона.

Вместе с тем конституционные ограничения права на доступ к информации требуют особого внимания с точки зрения их обоснованности и соразмерности. Так, меры по защите государственной тайны не должны использоваться таким образом, чтобы фактически блокировать доступ граждан к социально значимой информации. Аналогичным образом ограничения на распространение информации должны быть чётко и однозначно регламентированы, поскольку неопределённость правовых формулировок создаёт риск произвольного вмешательства в реализацию данного права.

Конституционные нормы, закрепляющие право на доступ к информации, в целом соотносятся с международными стандартами, установленными во Всеобщей декларации прав человека(статья 19) [5] и Международном пакте о гражданских и политических правах(статья 19). [6]. Однако правоприменительная практика в Республике Казахстан свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с реализацией этого права. К их числу относятся недостаточная прозрачность деятельности отдельных государственных органов, ограниченный доступ к запрашиваемым сведениям и сложность процедур подачи и рассмотрения информационных запросов.

Таким образом, право на доступ к информации в Конституции Республики Казахстан закреплено в качестве фундаментального права человека, обеспечивающего реализацию демократических принципов и защиту законных интересов граждан. Государство несёт обязанность по обеспечению открытости своей деятельности, своевременному информированию общества и созданию механизмов защиты данного права, что придаёт ему особое значение в процессе построения правового

государства. В то же время дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики остаётся необходимым условием для его полноценной реализации.

Фундаментальный характер права на доступ к информации обусловлен тем, что полноценная деятельность человека невозможна без осознанного понимания происходящих процессов. Такое понимание, в свою очередь, предполагает своевременный и всесторонний доступ к различным источникам информации. Значимость данного права проявляется и в сфере защиты прав человека, поскольку прозрачность государственного управления способствует их более эффективному соблюдению. Информированное общество получает возможность вести содержательные и осмысленные дискуссии о деятельности органов власти, а свобода получения информации выступает важным инструментом противодействия коррупции и своеобразным показателем уровня демократичности публичной власти [110].

Ограничения права на доступ к информации вводятся для защиты таких значимых интересов, как национальная безопасность, общественный порядок, частная жизнь граждан и государственная тайна. Эти ограничения основаны на необходимости поддержания баланса между свободой получения информации и охраной других конституционно важных ценностей.

Конституция Казахстана предусматривает возможность ограничения прав и свобод граждан исключительно на законодательном уровне и только в той степени, в которой это необходимо для сохранения конституционного строя, обеспечения общественного порядка, защиты прав и свобод человека, а также охраны здоровья и нравственности общества. При этом любые действия, способные подрвать межнациональное согласие, признаются неконституционными, а ограничение прав граждан по политическим мотивам недопустимо (статья 39).

Как же на практике обеспечивается баланс в соблюдении и ограничении политических прав? Например, свободы слова и права на доступ к информации.

Законом РК «О доступе к информации» определена информация, доступ к которой не подлежит ограничению. К таковой относятся сведения о состоянии экологии, здравоохранения, о привилегиях и льготах, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам; о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина и иные [10]. Реально такая информация в отношении отдельных лиц и организаций нередко скрывается или подается дозированно.

Именно благодаря усилиям правозащитников общественность узнала о случаях пыток заключенных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. В то же время законодательство Казахстана не содержит исчерпывающего перечня информации, доступ к которой не может быть ограничен. Например, соглашения, заключенные Правительством с иностранными инвесторами, нередко остаются закрытыми. Секретность таких договоров создает условия для заключения соглашений, невыгодных

для страны, но при этом приносящих значительные прибыли определенным высокопоставленным чиновникам, что позволяет им долгосрочно экспортировать сырьевые ресурсы и получать огромные доходы.

Во имя прозрачности и защиты общественных интересов все инвестиционные соглашения, подписанные Казахстаном за годы независимости, должны быть преданы широкой огласке. Для обеспечения права граждан на получение значимой информации, затрагивающей интересы общества, необходимо расширить перечень сведений, которые не подлежат ограничению, включив в него договоры государства с зарубежными инвесторами, что должно быть закреплено в Законе «О доступе к информации» [111].

Привлечение крупномасштабных инвестиций, как отечественных, так и иностранных, в экономику страны является одной из важнейших задач государства. Для привлечения инвестиций, государству, как и инвестору, требуется правовая основа, обеспечивающая благоприятный и стабильный режим деятельности сторон.

Соглашения о разделе продукции (далее - СРП) традиционно используются в недропользовании в сфере добычи нефти и других полезных ископаемых и являются договорами, получившими наименование государственного частного партнёрства (public-private partnerships) [112].

Рост интереса к договорным механизмам привлечения иностранных инвестиций в Казахстан, на наш взгляд, объясняется тем, что договорное регулирование представляет собой наиболее надежный и гибкий способ урегулирования отношений между инвесторами и государством. Именно договор способен обеспечить сторонам максимальные гарантии в соблюдении принятых обязательств, защитить их права от необоснованных нарушений, а также предусмотреть механизмы возмещения убытков в случае ненадлежащего исполнения или невыполнения договорных условий.

Договорные формы инвестирования давно известны мировой практике. На основе концессионных соглашений (concession agreement) в недропользовании в середине 80-х годов строились отношения более чем в 120 странах, среди которых можно назвать государства Европы (Великобритания, Норвегия, Франция, Италия и др.), Америки (США, Канада и др.), Африки (Алжир, Тунис, Ливия, Нигерия, Камерун, Габон, Сомали, Мадагаскар и др.), Азии (Турция, Пакистан, Таиланд и др.) и Океании (Австралия и Папуа Новая Гвинея) [113].

Закрытость инвестиционных соглашений, стало основанием для запуска петиции о раскрытии условия соглашений по крупнейшим в Казахстане месторождениям Кашаган, Карачаганак и Тенгиз [114].

Помимо того, что эта информация не относится к государственным секретам или иной информации, не подлежащей опубликованию, так согласно Конституционным изменениям 2022 года, собственником недр является Народ Казахстана. Следовательно, субъект соглашения в лице народа, должен знать информацию о всех инвестиционных контрактах по недропользованию.

Экс-директор департамента правового обеспечения ТОО «PSA» (уполномоченный орган, который представляет Казахстан в СРП) Аскар Калдыбаев уверен, что даже без конституционных новелл, о которых говорится в петиции, СРП должны были быть открыты для народа, потому что по Конституции народ всегда являлся единственным источником власти, а недра принадлежали Казахстану [115].

На октябрь 2024 года большинство стран, участвующих в Инициативе прозрачности добывающих отраслей, а именно 41 из 55, уже раскрыли условия как минимум части контрактов, регулирующих деятельность в горнодобывающем и нефтяном секторах. Для сравнения, в 2021 году такую практику применяли 35 государств, что свидетельствует о росте уровня прозрачности в данной сфере. В нефтяном секторе в настоящее время в 16 странах публикуются условия всех или большей части контрактов, в то время как в 15 странах раскрываются условия только некоторых из них. В горнодобывающем секторе аналогичные показатели: в 16 странах раскрывается информация обо всех контрактах и в 21 стране публикуются условия некоторых контрактов [116].

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев на расширенном заседании правительства заявил о необходимости активизации переговоров для продления СРП-контрактов крупных месторождений на условиях, отвечающих интересам страны, передает корреспондент агентства.

«Реализация соглашений о разделе продукции крупных месторождений позволила стать Казахстану надежным поставщиком энергоносителей на глобальный рынок. Данные проекты вносят большой вклад в социально-экономическое развитие страны. Между тем крупные инвестиции требуют долгосрочного горизонта планирования. Поэтому Правительству предстоит активизировать переговоры относительно продления СРП-контрактов на обновленных, выгодных для страны условиях» [117].

При этом стоит отметить, что условия действующих СРП-контрактов остаются неизвестными для широкой общественности. Это вызывает вопросы, особенно с учетом положений закона о доступе к информации, который гарантирует гражданам право на получение сведений о деятельности государственных органов и использовании государственных ресурсов. Отсутствие прозрачности в вопросах, связанных с такими важными для экономики страны соглашениями, может порождать недоверие и сомнения в справедливости условий контрактов. Общественность имеет право знать, на каких условиях эксплуатируются природные ресурсы страны и как это влияет на национальные интересы.

Правовая модель режима ограничения доступа информации третьим или другим лицам строится на применении для этих целей «единственно возможного юридического механизма, обозначаемого понятием тайны» [118]. Достаточно интересным с теоретической точки зрения является внутреннее содержание понятия «тайна». Зачастую как ученые в различных сферах, так и законодатель достаточно свободно интерпретирует данное

понятие, относя к нему сведения, доступ к которым ограничен, то есть как объективно существующие сведения, неизвестные третьим лицам.

С юридической же точки зрения, а именно с административно-правовой позиции тайна представляет собой определенный правовой режим информации. Соответственно, сама информация не может представлять собой тайны, она лишь может находиться в состоянии, то есть в режиме тайны, который обеспечивается целым комплексом мер организационного, технического и иного характера.

Конфиденциальной информации присущи ряд характерных черт: во-первых, её ценность и значимость для субъекта, обладающего на неё правами, что и обуславливает необходимость её охраны; во-вторых, недоступность для третьих лиц, что в значительной мере определяет её важность; в-третьих, ограниченный доступ к этим сведениям, установленный на законных основаниях; и, наконец, наличие комплекса защитных мер, включая превентивные, которые применяются владельцами информации для предотвращения её утечки.

Таким образом, ограниченный доступ к информации регулируется специальным режимом тайны.

Существуют различные взгляды ученых на виды информации с ограниченным доступом. Так А.Копылов относит к ней:

- 1) Информацию, составляющую государственную и служебную тайну;
- 2) Информацию, составляющую ноу-хау, секреты производства и коммерческую тайну;
- 3) Персональные данные, в порядке защиты личной тайны;
- 4) Другую информацию ограниченного доступа [119, с.38-39].

А.А. Фатьянов выделяет пять основных видов тайн:

- 1) Коммерческую тайну;
- 2) Банковскую тайну;
- 3) Профессиональную тайну;
- 4) Персональные данные;
- 5) Служебную тайну [120].

Законодательство РК относит к такой информации:

- 1) Информация, отнесенная к государственным секретам;
- 2) Личную тайну;
- 3) Семейную тайну;
- 4) Банковскую тайну;
- 5) Коммерческую тайну;
- 6) Тайну медицинского работника;
- 7) Персональные данные ограниченного доступа;
- 8) Служебная информация с пометкой «Для служебного пользования».

Первым обязательным признаком, при котором возможна правовая охрана информации, является обязательность ее защиты. Выделяются следующие цели защиты информации с ограниченным доступом:

1. Предотвращение утечки, утраты, хищения, нарушения целостности, искажения, подделки информации;

2. Предотвращение любых несанкционированных действий в отношении этой информации, таких как доступ, скачивание, копирование, уничтожение, блокирование, искажение и пр.

3. Реализация права на секретность и конфиденциальность данной информации.

Вторым признаком является то, что охране подлежит только документированная информация. Документ – это зафиксированная на материальном носителе информация с указанием источника ее происхождения и других реквизитов в соответствии с установленными стандартами. При этом охране подлежат документы на материальных носителях, то есть как в бумажном варианте, так и электронные документы [121].

В рамках диссертационной работы было проведен экспертный опрос, согласно которому перед экспертами (49 человек) были поставлены следующие вопросы:

1. Какие компоненты входят в систему обеспечения доступа к информации?

2. Какие типы информации с ограниченным доступом необходимо определить для обеспечения информационной безопасности и защиты общественных интересов?

При этом вопросы, имели несколько вариантов ответов. По результатам опроса, эксперты выделили следующие компоненты системы доступа к информации (Таблица 1):

Таблица 1 - Компоненты системы доступа к информации

Компоненты системы доступа к информации	Количество ответов	Ранговое значение влияния	Рейтинг
Организационное (институциональное) обеспечение доступа к информации (создание государственных органов и предоставление им соответствующих полномочий для создания условий для участников информационных отношений)	47	0.30	1
Правовые нормы, регулирующие доступ к государственной тайне, полномочия предприятий по установлению режима доступа к коммерческой тайне, правовой режим конфиденциальной информации о физических лицах и т. д.	38	0.27	2
Деятельность общественных организаций, частных юридических лиц и граждан по созданию условий для участников	32	0.24	3

информационных отношений			
Создание материальных условий, включая техническую и информационно-телекоммуникационную инфраструктуру	29	0.19	4
Примечание - результаты на основе экспертного опроса; коэффициент согласованности $W=0.73$ $W = 0.73$ ($p < 0.01$), что свидетельствует о высокой согласованности мнений экспертов.			

Детальное регулирование информации с ограниченным доступом необходимо для обеспечения информационной безопасности и защиты общественных интересов. Согласно экспертному опросу, в эту категорию попадают следующие виды информации (таблица 2).

Таблица 2 - Типы информации с ограниченным доступом

Типы информации с ограниченным доступом:	
Конфиденциальная информация:	Информация о частном лице. Информация о юридическом лице.
Служебная информация:	Внутриведомственная информация государственных органов. Данные, связанные с оперативно-розыскной деятельностью, обороной и контрразведкой, которые не классифицированы как государственная тайна.
Секретная информация	Государственные тайны, включая: <ul style="list-style-type: none"> - Военные тайны (область обороны). - Экономика. - Наука и технологии. - Внешние отношения. - Государственная безопасность и правоохранительная деятельность. Адвокатская тайна. Банковская тайна. Коммерческая тайна. Медицинская тайна. Нотариальная тайна. Профессиональная тайна. Тайна голосования. Тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной и другой корреспонденции. Тайна следствия. Страховая тайна. Тайна усыновления.
Примечание - на основе экспертного опроса.	

На основе экспертного опроса мы сформулировали следующие определения видов информации с ограниченным доступом:

– Конфиденциальная информация: информация, доступ к которой, за исключением случаев, определенных законом, ограничен физическим или юридическим лицом, за исключением органов власти. Эта информация может предоставляться по их усмотрению, в соответствии с установленными ими условиями и в других случаях, определенных законом;

– Официальная информация: информация, содержащаяся во внутренних документах органов власти, относящаяся к разработке институциональных стратегий или к выполнению контрольных и надзорных функций государственными органами, процессы принятия решений и мероприятия, предшествующие общественному обсуждению и/или принятию решений. Сюда также входит информация, собранная в ходе следственных или контрразведывательных операций в области национальной обороны, которая не является государственной тайной;

– Секретная информация: информация, содержащая сведения, отнесенные конкретными законами к категории секретных, доступ к которым ограничен законом и разглашение которых может нанести вред отдельным лицам, обществу или государству [122].

Конституция служит фундаментом для правового регулирования информационной сферы в большинстве государств. Право граждан на доступ к информации представляет собой отдельное конституционно закрепленное право, обеспечивающее их возможность свободно получать сведения, имеющие общественную значимость. В статье 20 Конституции Республики Казахстан указано, что «каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым, не запрещённым законом способом» [1]. Таким образом, право на доступ к информации, закрепленное в Конституции, обеспечивает каждому возможность беспрепятственного получения и распространения сведений, имеющих общественное значение. Кроме того, статья 18 устанавливает, что «государственные органы, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязаны предоставить каждому гражданину возможность ознакомиться с документами, решениями и источниками информации, затрагивающими его права и интересы».

Право на доступ к информации тесно связано с реализацией других конституционных прав, выступая их основой и условием.

Во-первых, оно непосредственно связано с свободой выражения мнений, закрепленной в статье 20 Конституции Республики Казахстан, которая гарантирует каждому право на свободное получение и распространение информации. Доступ к достоверной и актуальной информации является необходимым условием для формирования и выражения мнений, что, в свою очередь, является основой свободы слова. Без гарантированного права на доступ к информации невозможна свободная журналистика, общественные дискуссии и демократическое участие граждан в управлении государством.

Право на доступ к информации является составной частью права на свободу слова. Это право включает в себя свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Свобода выражения мнений является ключевым элементом демократического общества, обеспечивающим его развитие и предоставляющим каждому человеку возможность самореализации. Свобода подразумевает право и способность действовать в соответствии со своими убеждениями и интересами, являясь важнейшим условием для реализации социальных прав человека [123].

В 2013 году Казахстан занимал 160-е место из 179 стран в рейтинге свободы прессы, опубликованном организацией «Репортёры без границ» [124]. В 2023 году позиция Казахстана улучшилась до 134-го места из 180 стран [125]. Это свидетельствует о прогрессе в области свободы прессы за десятилетие.

В качестве значимых проводимых изменений стоит отметить институциональные изменения в обеспечении права граждан на свободу выражения, в качестве существенных стоит отметить:

- декриминализована статья 130 УК (клевета) [126] путем ее перевода в КоАП, а также гуманизирована статья 174 УК (разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни).

- принят Закон «О масс-медиа» [127], введено новое, более широкое понятие «масс-медиа», которое включает в себя не только СМИ, но и интернет-ресурсы. Введено понятие «особый статус журналиста».

- принят Закон «Об общественном контроле» [128], расширяющий участие граждан в управлении делами государства. Закон содержит поправки по регламентации института петиций. Законом устанавливается количество человек, которые должны подписать петицию для ее обязательного рассмотрения на районном, областном и республиканском уровнях: от 2,5 тысяч до 50 тысяч голосов.

- закреплены нормы по сокращению сроков рассмотрения запросов СМИ с 7 до 5 рабочих дней.

В Казахстане действуют более 5592 СМИ, из которых 4026 составляют периодические печатные издания, 224 - телеканалы, 95 - радио и 1247 - информационные агентства и сетевые издания [129].

Во-вторых, право на доступ к информации играет ключевую роль в реализации права на судебную защиту, предусмотренного статьей 13 Конституции РК [1]. Для защиты своих прав и законных интересов граждане должны обладать информацией о существующих нормах законодательства, административных процедурах, а также решениях государственных органов. Доступ к необходимой информации позволяет гражданам подготовить аргументы, защищать свою позицию в суде и добиваться справедливого разбирательства.

Вопрос доступности правосудия включает в себя два аспекта: юридический (имеет ли конкретное лицо право на обращение в суд в конкретной ситуации, связанной с нарушением его прав) и фактический (имеет ли пострадавшее лицо реальную возможность воспользоваться судебной защитой для восстановления своих прав).

Прежде всего, лицо для обращения в суд должно быть признано правосубъектным. В связи с этим на международно-правовом уровне закрепляются право каждого на признание его правосубъектности (ст. 6 Всеобщей декларации прав человека) [5] и обязательность регистрации ребенка немедленно после рождения (ст. 7 Конвенции о правах ребенка) [130].

Каждое лицо, обладающее правосубъектностью, должно иметь общее право на обращение в суд при нарушении его прав, независимо от социального статуса или обстоятельств нарушения.

Если рассматривать международно-правовые стандарты судебной защиты только в контексте уже начатого судебного разбирательства, это может привести к ситуации, когда государствам будет позволено ограничивать доступ к суду в определенных случаях, что сделает само право на судебную защиту формальным и недоступным. В этом контексте важно различать «доступ к правосудию» как предварительный элемент более широкой категории «доступности правосудия».

Особенно критично право на доступ к судебному рассмотрению при оспаривании решений государственных органов или других субъектов, наделенных публичными функциями. Государственные структуры могут пытаться минимизировать судебный контроль над своими действиями, что противоречит принципу эффективной судебной защиты.

Как уже отмечалось, право на обращение в суд должно быть не просто закреплено в законодательстве, но и реально доступно для граждан, чьи права нарушены, поскольку именно через судебную систему предполагается их восстановление.

Вопрос доступности правосудия становится особенно актуальным в условиях современной судебной системы Казахстана, где обеспечение эффективного правосудия играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан [131].

Хотя в современном мире защита прав человека уже перешла на международный уровень, что потребовало создания специализированных международно-правовых институтов, ключевая роль в механизме защиты прав и свобод по-прежнему остается за национальными структурами. Вероятнее всего, такая тенденция сохранится и в будущем.

Одним из важнейших элементов защиты прав человека является эффективное и справедливое правоприменение, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, правоприменение представляет собой государственную деятельность, направленную на практическую реализацию правовых норм и устранение препятствий, мешающих субъектам правоотношений реализовывать свои законные интересы. Во-вторых, каждый

участник правоотношений имеет возможность напрямую обратиться в компетентные органы для защиты своих прав, а правоприменительные органы обязаны содействовать их защите и обеспечивать исполнение правовых норм [132].

Важным обстоятельством в обеспечении доступности правосудия необходимо отметить дистанционный порядок подачи исковых заявлений (заявлений и иные документы) в суды страны, с помощью онлайн сервисов как «СУДЕБНЫЙ КАБИНЕТ» и информационная система «ТӨРЕЛІК», произвести оплату государственной пошлины в режиме онлайн, отслеживать динамику дела в суде, в том числе и хода судебного заседания, знакомиться с материалами дела и судебными актами, изучить судебную практику [133].

За последние три десятилетия количество обращений в судебные инстанции значительно возросло, что можно рассматривать как характерный признак правового государства, где урегулирование имущественных и личных неимущественных споров осуществляется именно в судебном порядке. Суд воспринимается большинством граждан как последняя инстанция, обеспечивающая защиту и восстановление нарушенных прав.

Однако, как показывает судебная практика, ожидания заявителей не всегда оправдываются. В ряде случаев суды отказывают в защите оспариваемых или нарушенных прав, даже при отсутствии достаточных материальных и процессуальных оснований для такого решения. Это свидетельствует о существующих проблемах в правоприменении и необходимости совершенствования судебной системы для повышения ее доступности и эффективности [134].

Так, в мае 2018 года адвокат, представляя интересы четырёх граждан Казахстана, подала иск в Есильский районный суд г. Астаны против ряда государственных органов, включая Министерства финансов, юстиции, внутренних и иностранных дел, Генеральную прокуратуру и Комитет национальной безопасности. Иск касался оспаривания совместного приказа, которым утверждались Правила составления и доведения до государственных органов перечня организаций и лиц, связанных с финансированием терроризма и экстремизма [135]. Четыре гражданина, интересы которых представлял адвокат, ранее были осуждены за разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни (статья 174 УК РК) [126]. Однако они не привлекались к ответственности за финансирование терроризма или экстремизма (статья 258 УК РК). Более того, в их приговорах не указывались такие ограничения, как запрет на распоряжение имуществом, блокировка банковских счетов или запрет на регистрацию индивидуального предпринимательства.

Несмотря на это, на практике в отношении этих граждан применялись меры, предусмотренные оспариваемыми Правилами, что существенно ограничивало их гражданские права. В частности, они сталкивались с блокировкой собственности, невозможностью распоряжаться банковскими счетами, ограничением доступа к государственным услугам и запретом на регистрацию ИП. Заявители утверждали, что такие ограничения нарушают

их права, противоречат Конституции РК, Уголовному кодексу, а также международным обязательствам Казахстана, включая Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма.

3 июля 2018 года суд первой инстанции отказал в принятии иска, мотивируя это тем, что заявители фактически оспаривают международные обязательства Казахстана, что, по мнению суда, не может рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства. Однако заявители подчёркивали, что предметом иска был внутренний нормативный акт (совместный приказ), а не международный договор. Апелляционная инстанция согласилась с решением суда первой инстанции, не найдя в нём недостатков.

Этот случай выявляет несколько проблем. Во-первых, суды неверно интерпретировали предмет спора, приняв за основу оспаривание международного договора, хотя дело касалось внутреннего акта. Во-вторых, права граждан были ограничены мерами, которые не предусматривались уголовным законодательством или приговором суда. В-третьих, отказ судов рассматривать иск лишил заявителей возможности защитить свои права [136].

Еще один пример: определением Специализированного межрайонного экономического суда (далее — СМЭС) г. Астаны от 13 августа 2018 г. по иску АО «НКЦ» к АО «Банк Астаны» производство по делу было прекращено «согласно пункту 1 статьи 277 ГПК РК», поскольку, по мнению судьи, «заявленные требования не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, и оно не может быть предметом самостоятельного судебного разбирательства».

Суть спора: истец заключил с ответчиком Договор банковского вклада, п. 2.11 которого предусмотрено право истца производить частичные изъятия денежных сумм без ограничений из вклада до суммы неснижаемого остатка. Такие изъятия должны производиться на основании платежного поручения Вкладчика по указанным им реквизитам. Первый раз Вкладчик официальным письмом от 24.04.2028 г. просит Банк произвести частичное изъятие его же денег в рамках предусмотренных договором сумм. В ответ Банк сообщает о принятии им мер по формированию поэтапного реестра изъятий из вклада. Поскольку формирование такого реестра не было предусмотрено договором, Вкладчик повторно просит срочно перечислить ему требуемую сумму, но запрос остается без ответа даже на момент рассмотрения спора в суде.

Далее 19.07.2018 г. Вкладчик письменно уведомляет Банк о необходимости перевода ему из суммы банковского вклада денег в размере 1 млн 200 тысяч долларов США на свой расчетный счет в другом Банке, а 24.07.2018 г. повторно просит совершить данную операцию, поскольку п. 4.1.2. Договора предусмотрена обязанность Банка возратить истребимую Вкладчиком всю сумму вклада либо ее часть. Помимо этого, истцом направлена Претензия Банку о необходимости исполнения условий договора. Не получив ответа, Вкладчик обратился в суд с иском об обязывании Банка исполнить условия заключенного Договора банковского вклада и перечислить ему сумму по поручению от 19.07.2018 г.

Тем самым предметом иска является требование о понуждении к исполнению обязанностей, предусмотренных гражданско-правовым договором банковского вклада (§ 4 гл. 38 ГК РК, ст. 756-767), и спор подлежал рассмотрению именно в порядке гражданского судопроизводства [137].

Оба дела демонстрируют существенные проблемы в правоприменительной практике, связанные с отказами судов рассматривать дела по существу из-за формального подхода к процессуальным нормам. В первом случае суды ошибочно квалифицировали иск как направленный на оспаривание международных обязательств Казахстана, хотя предметом спора был внутренний нормативный правовой акт. Во втором случае суд отказался рассматривать иск о понуждении банка исполнить договорные обязательства, несмотря на то что спор явно касался гражданско-правовых отношений, которые подпадают под юрисдикцию суда. В обоих делах отказ в рассмотрении исков фактически лишил заявителей возможности защитить свои права, что противоречит конституционным гарантиям права на судебную защиту.

В правоприменительной практике государственных органов ключевая роль в обеспечении эффективного влияния правовых норм на общественные отношения принадлежит судебной системе. Судебная власть реализуется через деятельность судов, а судьи, в свою очередь, являются неотъемлемыми элементами, формирующими эту систему.

Одним из ключевых направлений деятельности судебной системы в сфере защиты прав человека является обеспечение реализации политических прав граждан и контроль за их соблюдением со стороны государственных органов и должностных лиц. В данном контексте право на судебную защиту включает не только возможность обращения в суд для восстановления нарушенных политических прав, но и право на обжалование судебных решений.

В этом направлении судебные органы Республики Казахстан проводят активную работу, направленную на защиту прав граждан в таких сферах, как участие в управлении государственными делами, избирательные права, свобода выражения мнений, убеждений, а также права на объединения и проведение мирных собраний [138].

Однако, несмотря на ряд нарушений, судебные органы также защищают и восстанавливают права граждан при нарушении их государственными органами. Например, гражданин Комаров В.В. защитил свои права на доступ к информации обратившись в Атбасарский районный суд Акмолинской области с требованием, о признании незаконным решения об ограничении права на доступ к информации.

Судебное решение по делу Комарова В.В. против акима Атбасарского района затрагивает право на доступ к информации, закрепленное в Конституции Республики Казахстан и Законе «О доступе к информации». Истец, адвокат Комаров В.В., действуя в интересах ТОО «Бастау», обратился в акимат Атбасарского района с запросом о предоставлении информации,

связанной с проведением конкурса на предоставление права временного возмездного землепользования. Акимат отказал в предоставлении запрашиваемых данных, сославшись на их коммерческую тайну, без подтверждения законного отнесения информации к категории ограниченного доступа. Суд, изучив материалы дела, установил, что отказ акима противоречит статье 18 Конституции РК, гарантирующей гражданам право на доступ к информации, затрагивающей их права и интересы. Суд указал, что запрашиваемые сведения не относятся ни к государственной, ни к коммерческой тайне, поскольку не содержат соответствующих грифов конфиденциальности и не были надлежащим образом защищены субъектом предпринимательства. В ходе рассмотрения дела было установлено, что доступ к данной информации необходим для защиты прав и законных интересов доверителя истца, поскольку она непосредственно связана с его участием в конкурсных процедурах и возможными нарушениями требований законодательства при их проведении. Доводы представителя ответчика о пропуске срока обжалования судом приняты не были, так как исковое заявление подано в пределах сроков, установленных законом. В результате суд признал действия акима незаконными, возложив на него обязанность устранить допущенные нарушения, предоставить запрошенную информацию и восстановить нарушенные права истца. Указанное судебное решение подчёркивает значение соблюдения законодательства о доступе к информации и принципа прозрачности в деятельности государственных органов [139].

В данном деле суд, признавая действия акима незаконными, фактически акцентировал внимание на необходимости строгого соблюдения конституционных норм и требований законодательства, направленных на обеспечение открытости публичной власти. Принятое решение наглядно демонстрирует роль судебной власти как ключевого механизма восстановления нарушенных прав граждан и укрепления принципов открытости и подотчётности государственных органов.

В рамках анализа конституционных основ права на доступ к информации в Республике Казахстан было рассмотрено развитие и реализация данного права в международной и национальной правовой системе. Право на доступ к информации стало признанным фундаментальным правом человека, обеспечивающим прозрачность и подотчетность государственной власти, защиту гражданских прав и поддержку демократических принципов. В статье 18 Конституции Республики Казахстан закреплено право каждого гражданина на получение и распространение информации, что подтверждает универсальный характер данного права. В статье 20 уточняется связь этого права со свободой слова, а статья 31 дополняет конституционные гарантии обязательством государства информировать граждан об экологическом состоянии.

Однако в практике реализации права на доступ к информации в Казахстане остаются проблемы, включая недостаточную прозрачность государственных органов, сложные процедуры подачи информационных

запросов и ограничения доступа к социально значимой информации. Законодательство о доступе к информации, хотя и предоставляет основные гарантии, нуждается в совершенствовании, особенно в части уточнения перечня информации, не подлежащей ограничению, и предотвращения злоупотреблений при ограничении доступа. Анализ правоприменительной практики показывает, что суды играют ключевую роль в защите права граждан на доступ к информации, как в случае с делом Комарова В.В., где суд восстановил права заявителя и обязал акимат предоставить запрошенные данные.

Конституционные гарантии права на доступ к информации также тесно связаны с другими правами, такими как право на судебную защиту и свобода выражения. Обеспечение права на доступ к информации способствует формированию информированного гражданского общества, которое становится важным инструментом противодействия коррупции, поддержания демократического управления и защиты прав человека. В условиях современного мира необходимость прозрачности и открытости государственной деятельности усиливается, а право на доступ к информации играет ключевую роль в укреплении гражданского контроля над властью и в построении правового государства. Для полноценной реализации данного права необходимо совершенствование законодательной базы, усиление роли институтов гражданского общества и активизация судебной практики по защите этого права.

2.2 Практика реализации права на доступ к информации в РК: достижения и проблемы

Право на получение информации по праву относится к числу фундаментальных прав человека, поскольку именно через него обеспечиваются открытость и подотчётность деятельности государственных органов, создаются условия для защиты иных базовых свобод и, в конечном счёте, поддерживается демократическое развитие общества. В Республике Казахстан доступ к информации закреплён на конституционном уровне и получил дальнейшую конкретизацию в Законе Республики Казахстан «О доступе к информации» [10], вступившем в силу в 2015 году. Принятие данного закона стало важной правовой предпосылкой для повышения прозрачности государственного сектора и расширения участия населения в обсуждении и принятии решений, затрагивающих общественные интересы.

В то же время практическая реализация права на доступ к информации носит неоднозначный характер и сочетает в себе как положительные сдвиги, так и сохраняющиеся проблемы. С одной стороны, государством предпринят ряд шагов, направленных на совершенствование правового регулирования и упрощение доступа к сведениям, включая цифровизацию государственных услуг и развитие механизмов открытых данных. С другой стороны, на практике продолжают возникать трудности, связанные с ограничением доступа к информации, сложностью процедур её получения, а также

недостаточной эффективностью механизмов обжалования отказов, что существенно снижает потенциал данного права.

Важной составляющей в системе обеспечения прав граждан на доступ к информации составляет институциональное развитие. Во-первых, право на доступ к информации закреплено в Основном законе нашей страны. Во-вторых, принят отдельный закон Республики Казахстан «О доступе к информации», что соответствует лучшей международной практике. По состоянию на начало 2015 года 103 страны в мире приняли специальные законы о свободе (доступе к) информации, многие из них включили соответствующие гарантии в свои конституции (Испания, Польша, Португалия, Словения, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония).

Специальные законы о доступе к информации приняты во всех 34 странах ОЭСР, кроме Люксембурга. При этом первые законы о доступе к информации были приняты именно в странах ОЭСР: Швеция – 1766 г., Финляндия – 1951 г., США – 1966 г., Дания, Норвегия – 1970 г., Австралия, Канада и Новая Зеландия -1982-1983 гг.; в 1991-2000 гг. такие законы были приняты еще в 13 странах, которые сейчас являются членами ОЭСР (Венгрия – 1992 г., Португалия – 1993 г., Ирландия – 1997 г., Чехия – 1999 г., Великобритания, Эстония – 2000 г. и др.), в 2001-2008 гг. – в остальных 7 странах (Польша – 2001 г., Словения – 2003 г., Германия – 2005 г. и др.) [140].

В третьих, это интеграция Республики Казахстан в международное правовое поле в части обеспечения прав человека на доступ к информации. Республика Казахстан подписала и ратифицировала ряд международных актов, которые обеспечивают правовые гарантии доступа к информации и задают ориентиры для развития национального законодательства в этой области. Одним из ключевых документов является Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) [6], ратифицированный Казахстаном в 2005 году. Его статья 19 закрепляет право каждого человека искать, получать и распространять информацию любого рода, что стало основой для интеграции международных стандартов в правовую систему страны.

Значительное внимание уделяется экологической информации через Орхусскую конвенцию [141], которую Казахстан ратифицировал [142] в 2000 году. Конвенция предоставляет гражданам право на доступ к экологической информации, участие в принятии решений и правосудие по вопросам охраны окружающей среды.

Особое значение в системе международных источников имеет Всеобщая декларация прав человека [5], которая, несмотря на отсутствие требования о ратификации, традиционно рассматривается в качестве фундаментального акта международного права. В статье 19 Декларации закреплено право каждого человека на свободу убеждений и их свободное выражение, включая возможность получать и распространять информацию. Следование данным принципам позволяет Республике Казахстан укреплять

демократические процессы, формировать более открытую модель управления и повышать подотчётность государственных органов.

Существенную роль в развитии национального регулирования доступа к информации играет и Конвенция ООН против коррупции[143], ратифицированная Казахстаном в 2008 году[144]. В частности, статья 10 Конвенции подчёркивает значение прозрачности деятельности органов публичной власти и обязывает государства-участники обеспечивать общественный доступ к ключевой информации. Реализация данных положений рассматривается как один из инструментов предупреждения коррупционных рисков и повышения доверия общества к государственным институтам.

В 2015 году Республика Казахстан присоединилась к Международной хартии открытых данных, закрепляющей базовые принципы раскрытия государственных данных. Данная Хартия ориентирует государства на обеспечение доступности, актуальности и открытости информации, что, в свою очередь, способствует формированию культуры использования открытых данных и укреплению доверия граждан к деятельности государственных органов.

Дополняющим элементом международно-правового регулирования выступает участие Казахстана в Соглашении о сотрудничестве государств СНГ в области обмена информацией[145], подписанном в 1992 году. Указанный документ направлен на развитие взаимодействия между государствами-участниками и укрепление механизмов межгосударственного информационного обмена.

В целом международные акты, подписанные и ратифицированные Республикой Казахстан, формируют достаточно устойчивую правовую основу для реализации права на доступ к информации. Эти документы задают ориентиры для развития национального законодательства в соответствии с международными стандартами, способствуют укреплению демократических институтов, повышению прозрачности государственного управления и создают предпосылки для более активного и осознанного участия граждан в общественной жизни.

К числу значимых достижений в сфере обеспечения права на доступ к информации следует отнести внедрение механизмов «открытого правительства», которое рассматривается как важный шаг в направлении восстановления и укрепления доверия граждан к государственным органам. Международная инициатива «Партнёрство открытых правительств» (OGP) выступает в данном контексте площадкой для развития прозрачности, диалога и сотрудничества между органами власти и гражданским обществом.

Актуальность концепции «открытого правительства» особенно ярко проявилась в условиях новой реальности, связанной с пандемией Covid-19. Глобальный кризис наглядно продемонстрировал необходимость наличия государственных институтов, способных оперативно адаптироваться к внешним вызовам и принимать взвешенные управленческие решения. В период пандемии органы государственной власти были вынуждены вводить

срочные меры, которые не всегда оказывались эффективными и в ряде случаев негативно отражались на уровне жизни населения и состоянии экономики. В этих условиях особое значение приобретают объективная оценка государством собственных возможностей, эффективная мобилизация ресурсов и их рациональное распределение. Наряду с этим принципиально важным становится постоянное и открытое взаимодействие между властью и обществом, обеспечиваемое прозрачными и доступными каналами обмена информацией[146].

Многие страны, в том числе и Казахстан, имеют информационные системы, которые публикуют данные для всех пользователей. Их могут использовать общественные организации и граждане с целью ознакомления, принятия участия в открытом диалоге. Здесь задачей правительства является создание «прозрачного подотчетного государства, расширение прав и возможности граждан в управлении государством, усиление борьбы с коррупцией, а также использование новых технологий для повышения эффективности государственного управления» (eGov.kz, 2021) [147, с.96].

В настоящее время отсутствует универсальная методика для оценки уровня открытости государственных органов, что обусловлено разнообразием существующих в разных странах моделей управления. Несмотря на это, можно выделить как минимум три базовых элемента, характеризующих открытость государственного управления: информационная открытость, функциональная открытость и степень прозрачности деятельности органов власти. В период пандемии именно информационная открытость приобрела первостепенное значение, поскольку государственные институты должны были оперативно реагировать на возникающие вызовы, своевременно внедрять эффективные решения и предоставлять гражданам достоверную информацию о происходящем. Это, в свою очередь, повлекло за собой необходимость проведения реформ в системе государственного управления и привело к существенным изменениям в общественной жизни.

В 2009 году Президент США Барак Обама подписал меморандум об информационной прозрачности и открытости правительства, в котором указаны три основных принципа построения открытого правительства США: прозрачность, вовлеченность граждан в государственное управление и сотрудничество [148].

Южная Корея разработала национальный механизм электронного правительства для предоставления информации и услуг, ориентированных на клиентов. Электронное правительство ввело следующие электронные сетевые отношения:

- правительство-правительство (G2G) – обмениваются информацией между правительствами и агентствами по вопросам политики и проектов электронного правительства;

- правительство-бизнес (G2B) – предоставляет более качественные общественные услуги для промышленности и компаний. Например, существует «система электронных закупок в едином окне»

(<http://www.g2b.go.kr>) для прозрачного и удобного обслуживания закупок и закупок с единой регистрацией;

– правительство для граждан (G2C) – предоставляет услуги, запрашиваемые у граждан и касающиеся того, как изменить роль и масштаб правительства [149].

В Казахстане учеными Р.Исмаиловой, Т.Баймухановым и Р.Салмановой был проведен контент-анализ портала «Открытое правительство». Уровень удовлетворенности пользователями ответами на данном портале центральных государственных органов (далее ЦГО), к примеру, составил по Министерству труда и социальной защиты РК 35,0%; по Министерству финансов РК – 32,0%; по Министерству внутренних дел РК – 28,8%; по Министерству образования и науки РК – 25,0%. По местным исполнительным органам (далее МИО) удельный вес неудовлетворенных пользователей составил по г. Астана – 52,2%; г. Алматы – 49,3%; Карагандинской области – 29,4%; Западно-Казахстанской области – 28,2%. Низкий уровень удовлетворенности пользователей веб-портала «Открытое правительство» характеризует недостаточную мотивацию государственных органов в предоставлении своевременного и качественного ответа на обращения пользователей [147, с.99].

Вышеуказанными авторами также была проведена оценка качества и доступности электронных государственных услуг, согласно которому доступность услуг составила 55, 56%.

Рисунок 5 – Качество и доступность услуг

Несмотря на участие Казахстана в исследовании «Индекс открытости бюджета», результаты пока свидетельствуют о необходимости значительных изменений: показатели участия общественности и контроля со стороны финансового аудита остаются низкими [150]. Для достижения качественного прогресса необходимо улучшить механизм публикации данных, разработать

единые стандарты и обеспечить доступность информации о доходах и активах государственных служащих.

В качестве другого, не менее важного достижения следует отметить гражданское бюджетирование, которое, является важным инструментом, позволяющим гражданам участвовать в распределении бюджетных средств и контролировать их использование.

Из послания Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. [151] следует, что проект «Бюджет народного участия» – это один из этапов развития местного самоуправления. «Бюджет народного участия» в этой связи становится опережающе важным инструментом настройки механизмов совместной работы акиматов и граждан. Успешная реализация «Бюджета народного участия» станет одним из столпов дальнейшей реализации концепции «слышащего государства». И наоборот, системные ошибки могут привести к росту недоверия между властью и гражданами и создать барьер на пути развития институтов самоорганизации и самоуправления в республике [152].

Популярность инструмента партисипативного бюджетирования, становится популярной среди местного населения, что является подтверждением эффективности. Так прогресс в участии местного населения в формировании бюджета можно наблюдать на примере города Алматы. Активность населения Алматы в промежутке 2019 по 2023 года на более чем 16 раз, а объем средств на реализацию проектов бюджета народного участия вырос в 4 раза, и в 2023 году составил, 15,5 млрд тенге [153].

Бюджет народного участия, также известный как гражданское бюджетирование, представляет собой демократический механизм, позволяющий гражданам участвовать в распределении бюджетных средств и принятии решений о финансировании конкретных проектов на уровне местного самоуправления. Этот инструмент является важным элементом обеспечения прозрачности и доступности информации, поскольку предоставляет гражданам прямой доступ к данным о бюджете, доходах и расходах, а также способствует вовлечению общества в процессы принятия решений.

Согласно проведенного исследования ОФ «Десента», 83% опрошенных казахстанцев готовы потратить собственное время на подготовку заявки и голосование, чтобы повлиять на благоустройство своего двора, парка или пешеходной зоны за бюджетные средства. При этом, более 43% опрошенных считают, что крайне важной является информационная поддержка компетентных органов. Для каждого пятого участника исследования важна техническая поддержка в работе с электронным порталом для размещения проектных предложений и голосования. В качестве серьезных проблем реализации инициативы, каждый пятый респондент отметил прозрачность процесса голосования. К слову, ни в одном городе Казахстана бюджет на реализацию проектов БНУ не достиг минимального порога – 10% от годовых затрат на ЖКХ. При всем этом, казахстанцы, участвовавшие в исследовании,

в большинстве своем довольны появлением и результатами инициативы БНУ.

Общее количество проектов-победителей за 2023 год составило около 1 тыс., что недостаточно для страны с населением более 20 млн человек, имеющей 20 регионов и около 80 городов, реализующих БНУ [154].

Несмотря на значительный потенциал бюджета народного участия как инструмента повышения прозрачности и вовлечения граждан в распределение бюджетных средств, практика его внедрения и функционирования сопровождается рядом устойчивых проблем. Эти сложности существенно снижают эффективность механизма и свидетельствуют о необходимости комплексного и системного подхода к его развитию.

Одной из ключевых проблем остаётся низкий уровень осведомлённости граждан о самом существовании механизма гражданского бюджетирования и возможностях участия в принятии решений. Значительная часть населения, особенно в отдалённых и сельских населённых пунктах, не располагает информацией о том, что они вправе влиять на распределение бюджетных ресурсов. Это во многом связано с отсутствием целенаправленных разъяснительных и образовательных программ, а также с пассивной позицией отдельных местных исполнительных органов в вопросах продвижения данного инструмента.

Существенным препятствием является и ограниченный доступ к бюджетной информации. Данные о формировании и исполнении бюджета зачастую публикуются в сложных для восприятия форматах, что делает их фактически недоступными для широкого круга граждан. Кроме того, нередко отсутствует детализированная информация о структуре доходов и расходов, что затрудняет объективный анализ и содержательное обсуждение приоритетов бюджетного планирования.

Негативное влияние на реализацию бюджета народного участия оказывает и цифровое неравенство. В ряде регионов, прежде всего сельских, доступ к сети Интернет остаётся ограниченным, что делает участие граждан в онлайн-обсуждениях и голосованиях практически невозможным. Даже в городах цифровые платформы, используемые для гражданского бюджетирования, не всегда отличаются удобством и стабильностью работы, что снижает интерес граждан к участию в данных процессах.

Отдельного внимания заслуживает проблема недостаточной институциональной поддержки. В настоящее время в Казахстане отсутствует единое законодательное закрепление обязательности применения бюджета народного участия на всех уровнях местного самоуправления. Это приводит к фрагментарности практики, различию подходов и отсутствию единых стандартов реализации механизма. В ряде случаев местные органы власти не проявляют должной заинтересованности в развитии гражданского бюджетирования, опасаясь увеличения административной нагрузки либо частичной утраты контроля над распределением ресурсов.

Нельзя не отметить и фактор пассивности самих граждан. Даже в тех регионах, где механизм формально функционирует, участие населения в обсуждениях и голосованиях остаётся ограниченным. Причины этого различны - от недоверия к органам власти и сомнений в реальном влиянии собственного голоса до нехватки времени и низкой мотивации.

Дополнительной проблемой является недостаточная прозрачность последующих этапов реализации проектов, отобранных в рамках бюджета народного участия. После завершения голосования информация о ходе реализации проектов зачастую становится фрагментарной либо вовсе недоступной. Отсутствие регулярной отчётности снижает доверие граждан к механизму и ослабляет их готовность участвовать в нём в дальнейшем.

В целом проблемы бюджета народного участия в Казахстане проявляются в низкой информированности населения, ограниченном доступе к данным, цифровом неравенстве, слабой институциональной поддержке, недостаточной гражданской активности и недостаточной прозрачности реализации проектов. Для раскрытия потенциала данного механизма необходимы целенаправленные образовательные кампании, развитие цифровой инфраструктуры, повышение качества и доступности открытых данных, законодательное закрепление гражданского бюджетирования и усиление общественного контроля за его реализацией.

В то же время следует признать, что Республика Казахстан достигла определённого прогресса в сфере обеспечения права на доступ к информации. Формирование правовой базы, в том числе принятие Закона «О доступе к информации», внедрение цифровых инструментов, таких как портал электронного правительства eGov.kz и платформа открытых данных data.egov.kz, а также развитие форм общественного участия, включая институт общественных советов, свидетельствуют о стремлении государства к повышению прозрачности и подотчётности. Эти меры способствуют росту информированности населения и в определённой степени укрепляют доверие к органам государственной власти.

Однако, несмотря на достигнутые результаты, практика реализации права на доступ к информации по-прежнему сталкивается с рядом серьёзных вызовов. Ограничения в доступе к данным, сохраняющаяся непрозрачность отдельных процессов, цифровое неравенство и недостаточная эффективность механизмов обжалования требуют не точечных, а системных решений, ориентированных на долгосрочное укрепление принципов открытости и участия граждан в управлении публичными ресурсами.

В рамках диссертационного исследования был проведён социологический опрос с участием 179 респондентов (Приложение Б), целью которого стало выявление основных препятствий, с которыми граждане сталкиваются при реализации права на доступ к информации. По итогам опроса были получены количественные и качественные данные, отражающие как уровень информированности респондентов, так и характер наиболее распространённых проблем в данной сфере:

Количественный анализ показал что, наиболее значимой сферой, требующей улучшений, респонденты отметили бюджетную прозрачность, за которую проголосовали 59,8% участников опроса. Второе место заняло принятие решений с показателем 48,6%. Такие области, как назначение на государственные должности и проведение государственных закупок, были выбраны 35,8% и 32,4% соответственно. Менее значимыми оказались открытые суды (0,6%) и внедрение японского менеджмента (0,6%).

Большинство респондентов (71,5%) указали, что основным источником получения данных являются официальные сайты. Значительная доля респондентов (40,2%) также используют публикации в СМИ. Использование порталов, таких как «Открытое правительство», отметили 20,1%, а личные обращения применяют лишь 9,5%. Практически отсутствуют участники, которые не интересуются информацией или не используют никакие источники (0,6%).

Самой частой проблемой, с которой сталкиваются граждане, стало длительное ожидание ответа, что отметили 49,2% респондентов. На втором месте оказалось отсутствие полной или актуальной информации с показателем 34,6%. Отказ в предоставлении информации без объяснения причин упомянули 17,9% участников опроса, а ограничение доступа из-за конфиденциальности указали 24,6%. Лишь 0,6% респондентов отметили, что не сталкивались с какими-либо проблемами.

В качестве предложений по улучшению доступа к информации, востребованной мерой респонденты считают расширение перечня данных, доступных онлайн, что поддержали 54,2% участников. Упрощение процедур подачи запросов выбрали 45,3%, а повышение ответственности за отказ в предоставлении информации оказалось важным для 34,1%. Создание специализированных центров по предоставлению информации отметили 29,1%. Лишь 0,6% опрошенных не видят необходимости в каких-либо изменениях.

Результаты опроса указывают, что граждане в первую очередь обеспокоены вопросами бюджетной прозрачности (59,8%) и прозрачности в принятии решений (48,6%). Это связано с растущими общественными ожиданиями относительно открытости и подотчетности государственных органов. Этот аспект имеет прямую связь с Законом РК «О доступе к информации» (статья 10), который обязывает государственные органы предоставлять доступ к данным о государственных расходах. Однако высокий процент респондентов, выбравших эту категорию, указывает на пробелы в реализации норм законодательства. Например, недостаток детализации бюджетных отчетов или сложности в их понимании.

Проблема связана с недостаточной доступностью информации о процессах подготовки и принятия нормативных актов. Согласно статье 20 Конституции РК, каждый гражданин имеет право на получение информации о деятельности государственных органов. Тем не менее, недостаток информации о ходе обсуждений и обоснованиях решений вызывает недоверие граждан.

Назначения на государственные должности (35,8%) и государственные закупки (32,4%) занимают менее приоритетные места. Это может свидетельствовать о том, что данные процессы, хотя и важны, менее доступны или менее понятны для широкой аудитории. Однако Законы РК «О государственной службе» и «О государственных закупках» предусматривают обязательства по публичному раскрытию ключевых данных.

Менее значительные показатели для «открытых судов» и «внедрения японского менеджмента»(по 0,6%) указывают на то, что эти вопросы либо имеют ограниченное значение для респондентов, либо недостаточно освещены в общественной дискуссии.

Согласно, ответов респондентов основным инструментом получения данных являются официальные сайты(71,5%), что подтверждает тенденцию к цифровизации государственного управления. Высокая доля использования официальных интернет-ресурсов свидетельствует о том, что цифровые каналы, прежде всего сайты министерств и акиматов, в целом обеспечивают базовый уровень доступа граждан к информации. Такая практика в целом соответствует международным стандартам, закреплённым в Конвенции Совета Европы о доступе к официальным документам (Конвенции Тромсё)[155], а также общепринятым подходам к развитию «электронного правительства». Вместе с тем наличие формального доступа не всегда означает удобство и понятность представленной информации для конечного пользователя.

Относительно умеренная популярность порталов формата «Открытое правительство»(20,1%) указывает на необходимость дальнейшего совершенствования их функционала и повышения информированности населения о возможностях данных платформ. Не исключено, что значительная часть граждан либо недостаточно осведомлена о назначении этих ресурсов, либо сталкивается с трудностями при их практическом использовании. Доля личных обращений(9,5%), в свою очередь, отражает ограниченную эффективность традиционных форм взаимодействия с органами власти и указывает на потребность в упрощении и оптимизации процедур работы с обращениями граждан.

Достаточно высокий уровень использования публикаций в средствах массовой информации (40,2 %) подчёркивает значимую роль независимой журналистики в обеспечении информационной прозрачности. Вместе с тем данный показатель косвенно свидетельствует и о недостатках официальных источников информации, которые СМИ вынуждены компенсировать, разъясняя сложные вопросы и переводя формально доступные данные в более понятную для общества форму.

Самой значимой проблемой остается длительное ожидание ответа (49,2%), что указывает на несоблюдение установленных сроков обработки запросов. В соответствии со статьей 11 Закона РК «О доступе к информации», государственные органы обязаны предоставлять ответ в течение 15 календарных дней, однако практика показывает, что эти сроки часто не выдерживаются[10].

Отсутствие полной или актуальной информации (34,6%) говорит о том, что государственные органы недостаточно регулярно обновляют свои базы данных. Это противоречит принципу проактивного распространения информации, закреплённому в законодательстве.

Отказы без объяснения причин (17,9%) могут свидетельствовать о недостатке контроля за соблюдением закона или отсутствии ответственности за его нарушение. В таких случаях граждане фактически лишаются права на доступ к информации.

Ограничения из-за конфиденциальности (24,6%) отражают проблему неоправданного расширения перечня закрытой информации.

В качестве предложения по улучшению доступа к информации, самым востребованным изменением является расширение перечня данных, доступных онлайн (54,2%), что соответствует требованиям цифровой трансформации. Это предложение связано с необходимостью внедрения новых стандартов открытости, таких как обязательное публикация государственных данных в машиночитаемом формате, что предусмотрено международной практикой (например, Open Data Charter).

Вторым по значимости предложением, по мнению респондентов, является упрощение процедур подачи запросов (45,3%), которая предполагает внедрение более интуитивных интерфейсов для запросов и автоматизацию процессов. Например, порталы «Открытое правительство» могут быть интегрированы с другими государственными сервисами для минимизации времени на подачу и обработку запросов.

Третьим по значимости предложением, получившим поддержку наибольшего числа респондентов, стало усиление ответственности за необоснованный отказ в предоставлении информации (34,1 %). Данный показатель указывает на общественный запрос на более жёсткое применение санкций за нарушение законодательства, в том числе в форме административных штрафов и иных мер воздействия на должностных лиц.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что граждане Республики Казахстан по-прежнему сталкиваются с рядом практических трудностей при реализации права на доступ к информации. Среди наиболее распространённых проблем выделяются бюрократические барьеры, затягивание сроков рассмотрения запросов, а также ограниченный объём сведений, размещаемых в открытом доступе. Для преодоления указанных недостатков требуется усиление контроля за исполнением законодательства, расширение перечня открытых данных и дальнейшее развитие цифровых инструментов доступа к информации. При этом представляется важным учитывать международные стандарты и положительный опыт других государств, что способствовало бы укреплению транспарентности и росту доверия граждан к государственным институтам.

2.3 Практика зарубежных государств в сфере обеспечения доступа к информации

Право на доступ к информации справедливо рассматривается как один из базовых элементов демократического устройства, поскольку именно оно обеспечивает открытость и подотчётность деятельности государственных органов, служит инструментом защиты прав граждан и создаёт условия для их участия в управлении общественными делами. Международная практика убедительно показывает, что надлежащее правовое регулирование и реальная реализация этого права способствуют укреплению принципа верховенства закона, снижению коррупционных рисков и развитию институтов гражданского общества.

Зарубежные государства накопили значительный и разноплановый опыт в сфере обеспечения доступа к информации. Он находит отражение в специальных законодательных актах, деятельности независимых надзорных и контрольных органов, а также в устойчивой правоприменительной практике. Во многих странах действуют самостоятельные законы о доступе к информации, созданы уполномоченные органы, контролирующие их исполнение, и активно используются цифровые решения, направленные на расширение прозрачности и упрощение доступа граждан к информации, находящейся в распоряжении государства.

В условиях современного правового государства информационная прозрачность публичных органов власти становится важнейшим фактором, обеспечивающим гражданам возможность свободно получать сведения о деятельности государственных институтов и беспрепятственно знакомиться с информацией общественного значения. Благодаря реализации данного права граждане могут полноценно участвовать в процессе управления государством, осуществлять контроль над деятельностью органов власти и их представителей.

Право на доступ к информации характеризуется комплексной структурой и выступает своего рода связующим звеном, объединяющим личные, политические и культурные права человека. Только при условии его полноценного соблюдения становится возможным обеспечить реальное воплощение в жизнь всего спектра прав и свобод – личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных [156, p.217].

Представленные выше идеи относительно прав и свобод человека закреплены в конституциях многих зарубежных государств. Обеспечение гарантий доступа к информации со стороны государства является необходимым условием для реализации целого комплекса прав и свобод, прежде всего политических.

В большинстве современных государств именно конституция является основным и наиболее авторитетным источником конституционного (государственного) права. Обладая высшей юридической силой, конституция занимает главенствующее положение среди всех правовых актов и определяет иерархию национального законодательства. Следовательно,

нормы, закреплённые в любых иных нормативно-правовых документах, не могут противоречить положениям конституции, иначе они не подлежат применению.

Конституция и акты, относящиеся к так называемому конституционному законодательству, устанавливают фундаментальные принципы функционирования государственной власти, управления, а также содержат основные нормы, гарантирующие и регулирующие осуществление прав и свобод человека и гражданина [157].

Свобода информации за последние два века развивалась как принцип и как совокупность юридических практик. Её истоки восходят к эпохе Просвещения XVIII века. Идеи Просвещения о правлении на основе закона (вместо дискреционного управления автократическими правителями или профессиональными государственными деятелями), возможности научных методов познавать мир и, следовательно, управлять им, а также необходимости публичного освещения деятельности правительства возникли именно в этот период [158].

Первое законодательство о свободе информации было принято в Швеции в 1766 году. В ответ на цензуру прессы и секретность вокруг государственной информации, введённые королём Адольфом Фредриком, шведский парламент принял указ, отменяющий цензуру прессы и предоставляющий гражданам право доступа к государственным документам. Декларации прав человека во Франции 1789 года и в Нидерландах 1795 года также включали право общественности на изучение государственных отчетов и бюджетов [159].

Политический философ Джереми Бентам отстаивал принципы свободы информации в начале XIX века. В своём эссе «О публичности» Бентам утверждал, что законодательные органы должны разрешать себе и другим публиковать отчеты о своей деятельности, предложениях, речах, обсуждениях, голосованиях и решениях. Среди преимуществ публичности он выделял поощрение законодателей к выполнению своих обязанностей, укрепление общественного доверия к законодательству, формирование просвещенного общественного мнения и предоставление возможности законодателям искать инновационные решения политических проблем у информированных граждан [160]. Несмотря на происхождение в эпоху Просвещения, идея свободы информации оставалась в значительной степени неразвитой до XX века. Лишь немногие страны поддерживали принципы свободной информации или закрепляли их в законодательстве до Второй мировой войны.

Повышенное внимание к правам человека после Второй мировой войны возродило интерес к свободе информации на международном уровне. Принцип свободы информации был закреплён в ключевых документах о правах человека, разработанных ООН. Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах включали статьи, утверждающие, что свобода информации является неотъемлемой частью права на свободу слова. Последний документ гласит: «Каждый имеет

право на свободу выражения: это право включает свободу искать, получать и распространять информацию». Впоследствии принцип свободы информации многократно закреплялся в различных международных договорах и соглашениях, часто становясь внешним стимулом для многих стран признать этот принцип и разработать собственные режимы свободы информации.

Положения свободы информации, содержащиеся в международных соглашениях, стали важным механизмом продвижения прав человека, борьбы с коррупцией и защиты окружающей среды. В соответствии с более ранними соглашениями о правах, Американская конвенция о правах человека и Арабская хартия прав человека также признали «свободу искать, получать и распространять информацию» [159].

Конвенция ООН против коррупции и Африканская конвенция по предотвращению и борьбе с коррупцией призвали страны принять меры по расширению доступа к информации для борьбы с коррупцией в правительстве. Эти меры включают требование к правительствам предоставлять информацию о своей организации, функционировании и процессе принятия решений.

Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию и Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды обязали правительства принять законы, предоставляющие право на доступ к правительственной информации и документам, имеющим жизненно важное значение для экологических проблем. Орхусская конвенция подтвердила важность доступа к информации, касающейся состояния окружающей среды, здоровья и безопасности населения, а также других факторов, влияющих на жизнь и окружающую среду.

Другие внешние международные или транснациональные влияния также сыграли ключевую роль в принятии режимов свободы информации. Совет Европы рекомендовал своим странам-участникам принять законы о свободе информации с 1970-х годов. Европейский Союз предоставляет гражданам ЕС и резидентам стран-членов право на доступ к информации от органов ЕС, делая их подотчётными собственным режимам свободы информации. Однако ЕС не всегда демонстрировал прозрачность или удовлетворял обоснованные запросы на информацию [161].

Международные организации также стали альтернативными источниками информации для граждан некоторых стран, предоставляя ещё один способ получения данных, которые могут разоблачить правительственные скандалы и коррупцию. Международные кредитные организации, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, продвигали принятие свободы информации как условие финансовой помощи странам. Фонды Открытого общества Джорджа Сороса также стимулировали страны к разработке режимов свободы информации, предлагая гранты на проекты, направленные на свободу информации, доступ к знаниям и прозрачность правительства. Таким образом, различные международные влияния способствовали тому, что многие страны приняли собственные

режимы свободы информации, хотя в некоторых случаях приверженность информационной свободе была поверхностной, и страны не разрабатывали сильные законы или не внедряли их в практику. На уровне отдельных стран режимы свободы информации могут принимать различные формы. Многие государства включают положения о свободе информации в свои конституции. Такие положения чаще встречаются в сравнительно новых конституциях, например, в странах Центральной и Восточной Европы, а также Латинской Америки. Однако конституционные заявления принципов часто не обеспечивают таких эффективных режимов доступа к информации, как национальные законы о свободе информации [162, p.148].

Государства часто принимают специализированные законы о свободе информации, которые определяют объем и порядок получения гражданами доступа к данным, находящимся в распоряжении государственных органов. В тех странах, где право на доступ к информации закреплено непосредственно в конституции, такие законы обычно конкретизируют и детализируют процедуру реализации этого права, не сужая его конституционного объема. Иными словами, государства, признающие доступ к информации фундаментальным правом человека или политическим правом, могут предоставлять ему дополнительную защиту, выходящую за рамки специальных законодательных актов.

Однако в других странах именно законы о свободе информации впервые закрепляют право граждан на доступ к государственной информации, которое ранее не имело прямой конституционной защиты. Например, в США именно законодательство о свободе информации определяет сущность, рамки и порядок осуществления данного права.

Национальные законы о доступе к информации отражают уникальные исторические условия их принятия. Их содержание и формулировки зависят от специфических политических, социальных и общественных факторов, инициировавших необходимость принятия такого законодательства, а также от баланса интересов различных сторон, вовлечённых в этот процесс. В некоторых странах закон о доступе к информации был принят под влиянием внешнего давления или стимулов, в других его принятие мотивировалось стремлением минимизировать секретность правительства, сократить коррупцию, увеличить участие граждан в демократических процессах, способствовать хорошему управлению и изменить отношения граждан с государством [163].

Принятие Закона о свободе информации в США в 1966 году иллюстрирует множество факторов, влияющих на формирование закона. Противодействие возрастающей секретности правительства во время холодной войны между США и СССР вдохновило членов Конгресса и американские СМИ на кампанию за принятие закона о доступе к информации. Принятый закон провозгласил «право общественности на информацию» [164].

Законы о свободе информации, действующие в различных государствах, в общем виде возлагают на органы публичной власти

обязанность обеспечивать доступ к сведениям, касающимся их деятельности, структуры, процедур принятия решений, а также к иным данным, которыми они располагают, включая информацию о населении, земельных ресурсах и иных объектах в пределах государственной юрисдикции. При этом практическая реализация права на доступ к информации существенно варьируется в зависимости от конкретной страны, уровня развития правовой системы и административных традиций. Несмотря на эти различия, анализ законодательства о свободе информации позволяет выделить ряд общих элементов, присутствующих в правовом регулировании большинства государств.

Как правило, такие законы определяют круг лиц, имеющих право запрашивать информацию, перечень органов и организаций, обязанных её предоставлять, а также виды информации, подлежащие раскрытию. В них закрепляются требования об обязательной публикации определённых сведений, устанавливаются основания и пределы исключений из принципа открытости, сроки рассмотрения запросов, процедуры обжалования отказов и меры ответственности за неправомерное удержание информации. Дополнительно регулируются вопросы взимания платы за обработку запросов и представления правительствами ежегодных отчётов о применении законодательства о свободе информации.

Наглядно различия в подходах к правовому регулированию доступа к информации прослеживаются на примере Соединённых Штатов Америки и Индии. Закон о свободе информации США относится к числу наиболее ранних нормативных актов в данной сфере, тогда как индийское законодательство нередко рассматривается в научной литературе как одно из наиболее современных и прогрессивных среди демократических государств[165].

В Соединённых Штатах право на доступ к информации не закреплено непосредственно на конституционном уровне. Более того, конституционно гарантированная свобода слова не включает в себя право на получение информации от органов власти. Вместе с тем Закон о свободе информации США (включая Закон 1966 года, последующие поправки и исполнительные приказы) предоставляет любому лицу, независимо от гражданства, возможность запрашивать документы, находящиеся в распоряжении федеральных органов власти. Во избежание дискриминации заявители не обязаны указывать причины подачи запроса, а информация может запрашиваться как в общественных, так и в частных целях.

Закон возлагает обязанность по предоставлению информации на широкий круг федеральных органов, включая исполнительные и военные ведомства, государственные и государственно-контролируемые корпорации, органы исполнительной власти (в том числе офис президента), а также независимые регулирующие агентства. При этом действие закона не распространяется на президента и его ближайших советников, Конгресс, федеральные суды, частные организации, а также органы власти штатов и

местного самоуправления, деятельность которых регулируется собственными законами о доступе к информации и публичных собраниях.

Закон о свободе информации США обеспечивает доступ к публичным записям и документам, отражающим политическую и административную деятельность государства. При этом такие записи должны быть созданы, обработаны, сохранены и находиться под контролем соответствующего государственного агентства. Закон не применяется к документам, подготовленным частными консультантами для правительства, однако в доктрине и практике исходит из того, что если государство передаёт ведение документации частным компаниям, соответствующая информация также должна рассматриваться как подлежащая раскрытию[166]. Термин «записи» охватывает документы в различных воспроизводимых форматах, включая печатные, аудио-, видео- и электронные форматы, но не физические материалы или объекты.

Закон о свободе информации предписывает федеральным агентствам раскрывать информацию, которая может представлять общественный интерес, когда это возможно, а также размещать новые или часто запрашиваемые записи онлайн, если у них есть соответствующие технические возможности. Агентства также обязаны публиковать описания своей структуры, функций, процедур и процесса принятия решений, а также процедур закона о свободе информации в Федеральном реестре. Запрашиваемые документы должны предоставляться, если они не попадают под одну из девяти категорий исключений, призванных сбалансировать интересы общественности в доступе к информации и интересы правительства в сохранении конфиденциальности определённых данных.

Среди категорий исключений: сведения, касающиеся национальной безопасности, внутренних правил и практик управления персоналом, коммерческой деятельности, внутренние меморандумы, связанные с процессом разработки политики, личные данные, определённые правоохранные цели, банковские отчёты и местоположение скважин. Закон также допускает законодательные исключения, такие как ограничения на предоставление данных о ЦРУ, образовательных записях студентов, информации о критической инфраструктуре и данных о водительских удостоверениях. Если документ содержит исключённые данные, агентства обязаны удалить или скрыть эту информацию и предоставить остальные части документа[167].

Закон о свободе информации даёт федеральным агентствам 20 рабочих дней на ответ по запросу. Сотрудники обязаны уведомить заявителей о своём решении, включая причины отказа. В случае отказа заявители могут подать апелляцию руководителю агентства, который также обязан ответить в течение 20 дней. Хотя Управление по информации о деятельности правительства было создано для содействия альтернативному разрешению споров между заявителями и агентствами, для второй апелляции заявителям необходимо обратиться в федеральный окружной суд. Только суды могут приказывать раскрыть документы или применить санкции в отношении

агентств, которые неправомерно или произвольно отказали в предоставлении записей. Подать запрос можно бесплатно, однако агентства взимают различные сборы за обработку запросов в зависимости от категории заявителей. Коммерческие заявители оплачивают полную стоимость поиска и копирования данных. Большинство других заявителей получают два часа бесплатного времени на поиск и первые 100 копий бесплатно. Некоммерческие заявители (включая преподавателей и СМИ), которые запрашивают и распространяют информацию в общественных интересах, могут получить освобождение от платы или скидку. Наконец, закон обязывает генерального прокурора представлять ежегодный отчет Конгрессу о применении закона о свободе информации, основанный на отчетах отдельных агентств [167]. Данные в этих отчетах включают количество и характер отклоненных запросов закона о свободе информации, число апелляций и судебных дел, количество обработанных и ожидающих обработки запросов, среднее и медианное время отклика, количество запросов на освобождение от платы и их результаты, а также штат и бюджет агентств, выделенные на обработку запросов закона о свободе информации.

Индийский закон отличается от закона США во многих аспектах, включая признание FOI в качестве права. Верховный суд Индии утвердил право на доступ к информации как важный элемент конституционного права на свободу слова [159].

Эффективность реализации законов о свободе информации существенно отличается от страны к стране, и значительные различия наблюдаются не только между развитыми и развивающимися демократиями, но и среди более зрелых демократических государств. Согласно исследованию, Hazell и Worthy (2010), среди стран Западного Содружества лучший результат продемонстрировала Новая Зеландия благодаря прогрессивной открытости и сильной поддержке принципов прозрачности. Великобритания заняла второе место благодаря высоким уровням раскрытия информации, сильной роли информационного комиссара и относительной политической поддержке. В то же время Ирландия и Австралия, несмотря на высокую частоту использования закона о свободе информации и высокий уровень раскрытия данных, столкнулись с многочисленными апелляциями, отсутствием политической поддержки и ограничительными реформами. Канада была признана самой слабой среди стран группы из-за сочетания низкого уровня использования, слабой политической поддержки и неэффективного института информационного комиссара с момента введения закона о свободе информации [168].

Для Казахстана вопрос создания института информационного комиссара является особенно актуальным, учитывая существующие административные барьеры, сложность процедур подачи запросов, отсутствие эффективных механизмов обжалования и недостаточную прозрачность деятельности государственных органов. В связи с этим оптимальным решением является создание подразделения информационного комиссара в структуре Уполномоченного по правам человека Республики

Казахстан, что позволит интегрировать надзор за обеспечением доступа к информации в систему защиты прав человека.

Такой подход обеспечит независимость органа, поскольку Уполномоченный по правам человека уже обладает мандатом на контроль за соблюдением конституционных прав граждан, в том числе в части доступа к информации. Информационный комиссар, действующий в рамках данного института, мог бы быть наделён рядом ключевых полномочий. В их число входит рассмотрение жалоб граждан, связанных с нарушением права на доступ к информации, а также принятие обязательных для исполнения предписаний в адрес государственных органов. Существенное значение имели бы функции по мониторингу и аудиту практики раскрытия информации, позволяющие выявлять системные проблемы и оценивать эффективность действующих механизмов. Кроме того, информационный комиссар мог бы формулировать рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

В этом контексте создание института информационного комиссара в качестве специализированного подразделения при Уполномоченном по правам человека Республики Казахстан представляется обоснованным и своевременным шагом. Такая модель способствовала бы укреплению системы защиты права на доступ к информации, повышению уровня прозрачности государственного управления и усилению подотчётности органов власти перед гражданами.

Различия в реализации закона о свободе информации обусловлены множеством факторов, среди которых: особенности законодательства, уровень осведомленности граждан, структурные особенности государственных органов и политические условия. Многие законы о свободе информации имеют слабые положения в части охвата, санкций, механизмов реализации и обязанностей по информированию населения. Низкая информированность о праве на доступ к информации ограничивает его использование. Как отмечает Roberts, «одним из наиболее значительных [барьеров доступа] является простое отсутствие осведомленности о правах, предоставляемых законом о свободе информации, особенно среди маргинализированных групп» [169, p.244]. Например, в Индии только от 4 до 15 % населения знают о законах FOI, при этом уровень осведомленности выше среди городской средней прослойки и мужчин. Аналогично, Holsen и Pasquier обнаружили, что основной причиной низкого числа запросов о свободе информации в Швейцарии и Германии является отсутствие осведомленности, усугубленное тем, что ключевые группы – правительство, СМИ или представители гражданского общества – не продвигали эти законы. Законы о свободе информации в этих странах не обязывали государство популяризировать их. В Швейцарии ни гражданские группы, ни СМИ не пытались повысить осведомленность о законе, в то время как в Германии усилия гражданского общества не получили должного освещения в медиа.

Дополнительным барьером к использованию закона о свободе информации стало незнание о том, как подавать запросы [170].

Правительства разных стран, а также отдельные агентства внутри стран могут в разной степени не выполнять собственные законы о свободе информации [171]. Авторитетные организации сообщали о низких показателях выполнения FOI-запросов в разных странах. Например, в 2011 году журналисты Associated Press отправили запросы о данных арестов и осуждений в 105 стран, но полную информацию в установленные сроки предоставили только 14 из них [172]. В другом примере только 12 из 80 запросов, отправленных в рамках кампании по оценке прогресса в достижении целей тысячелетия ООН, привели к получению искомой информации [174].

Исследования показали, что различия в реализации закона о свободе информации существуют между более богатыми и устоявшимися демократиями и более бедными и молодыми демократиями [174]. Однако есть исключения, такие как Индия, где законы о свободе информации получили широкую общественную поддержку и внимание. Интересно, что в исследовании Associated Press, некоторые новые демократии, включая Индию, оказались более отзывчивыми к запросам журналистов, чем Соединенные Штаты [175]. Тем не менее граждане в странах Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы сталкиваются с трудностями даже при наличии хорошо написанных законов о свободе информации. Группа, мониторившая реализацию закона о свободе информации в Гане, Либерии, Нигерии и Сьерра-Леоне, не получила ответа примерно на 50 % из 393 отправленных запросов о свободе информации; только 13 % запросов привели к получению информации [176]. Несмотря на то, что Мексика обладает одним из лучших законов о свободе информации среди развивающихся стран, ее реализация сталкивается с трудностями, такими как слабое соблюдение формальных правил, культура секретности и страх неформальных санкций за раскрытие информации [177]. Несмотря на более чем десятилетнее существование закона, в Перу многие правительственные учреждения продолжают работать в условиях секретности и удерживать официальную информацию [178]. Движение в сторону открытости в Восточной Европе все еще омрачается «глубоко укоренившимися социальными и политическими традициями скрытия информации, а также традиционным стилем управления», характеризующимся административной секретностью и недостаточным учетом документов [179]. Однако в некоторых странах Юго-Восточной Европы наблюдаются более высокие показатели соблюдения закона о свободе информации благодаря растущему общественному спросу и повышению эффективности работы государственных учреждений [180].

Препятствия к реализации закона о свободе информации могут быть связаны с недостаточной административной способностью и отсутствием политической воли. Административная способность подразумевает наличие материальных, экономических и кадровых ресурсов, необходимых для

обработки запросов о свободе информации. Реализация закона о свободе информации требует как финансовых, так и человеческих ресурсов. Многие развивающиеся или недавно демократизированные страны не имеют достаточных ресурсов для поддержки административной деятельности и организации учета данных и функционируют в условиях экономической и политической нестабильности, что затрудняет создание необходимой инфраструктуры [166, p.324]. Например, в Юго-Восточной Европе Самај установил, что несоблюдение закона о свободе информации связано с ограниченными административными возможностями, унаследованными от коммунистического прошлого, слабыми экономиками и политической нестабильностью. Многие правительственные структуры в этом регионе испытывают нехватку инфраструктуры учета и бюджетной поддержки, необходимых для внедрения закона о свободе информации. Кроме того, частая смена политической власти и политизация госаппарата усложняют обучение и развитие навыков, необходимых для реализации закона о свободе информации. Даже в таких развитых и богатых демократиях, как США, многие ведомства испытывают трудности со своевременной обработкой запросов, что приводит к длительным задержкам и накоплению необработанных запросов [181]. Невыполнение закона может также отражать недостаток политической воли, связанный либо с внутренними политическими культурами госорганов, либо с внешними факторами, такими как взаимодействие государства и гражданского общества [182]. Различия в политических культурах и степени демократизации в разных странах объясняют некоторые расхождения в реализации закона о свободе информации. Официальные лица могут подрывать эффективность закона о свободе информации через чрезмерно широкое толкование исключений и принятие технократических и инструменталистских подходов к закону, которые препятствуют его использованию и подрывают его цель [183].

Наконец, использование закона о свободе информации может быть ограничено социально-экономическими неравенствами, низким уровнем грамотности и бедностью. Martin Webb отмечал, что социальные, культурные, экономические и гендерные факторы, а также уровень грамотности могут препятствовать бедным и маргинализированным слоям общества в Индии в использовании права на доступ к информации [184]. Хотя индийский закон о свободе информации был разработан с учетом интересов бедных и обездоленных, они зачастую не обладают достаточной бюрократической грамотностью для взаимодействия с бюрократией Индии без помощи гражданских организаций, которые часто выступают посредниками в этом процессе [183, p.312]. Исследователи утверждают, что в Африке колониальное наследие, социально-экономическое неравенство, гражданские конфликты, слабая инфраструктура и политика патронажа также затрудняют использование закона о свободе информации. Опыт Южной Африки «является примером того, что чем менее однородно общество и ниже общий уровень образования, тем сложнее разработать

устойчивую и полезную практику применения закона о свободе информации» [185].

Сегодня большинство правительств во всем мире приняли принцип свободы информации. Более того, существует растущий глобальный консенсус в пользу открытого правительства и свободы информации, и правительства должны обосновывать необходимость секретности.

Эффективность законов о свободе информации обычно оценивается на основе количественных данных о том, насколько активно граждане используют механизмы, предусмотренные законом, а также качественного анализа последствий от реализации этого права. По мере внедрения и применения законодательства страны постепенно расширяют доступ граждан к государственной информации, переходя от пассивного подхода к более активному и системному раскрытию информации органами власти по собственной инициативе. В результате происходит не только формальное увеличение прозрачности, но и качественное улучшение коммуникации между государством и обществом.

Тем не менее, хотя закон о свободе информации уже нельзя считать «роскошью», доступной лишь немногим старым демократиям, некоторые ученые указывают на то, что на практике эти законы не всегда применяются из-за низкого уровня использования и несоблюдения их правительством. Множество анекдотических свидетельств указывает на то, что эти законы могут помочь маргинализированным группам бороться за свои права и улучшать демократическое управление. Вместе с тем доступ к информации по-прежнему сталкивается с целым рядом препятствий. К их числу относятся как недостатки самой конструкции законодательства, так и низкий уровень информированности граждан о своих правах, слабость институциональных процедур, а также более широкий политический и социальный контекст, в рамках которого действует право на информацию. Все эти факторы в совокупности существенно ограничивают практический эффект даже формально прогрессивных правовых норм.

Закон о свободе информации, безусловно, выступает важным инструментом обеспечения прозрачности и подотчётности публичной власти, однако его значение не исчерпывается лишь административной функцией. Он является составной частью системы прав человека, политических прав и теории демократического участия. Как механизм открытости и подотчётности закон о свободе информации способен содействовать более качественному и демократическому управлению, однако сам по себе он не может обеспечить достижение этих целей. Как справедливо отмечается в научной литературе, «закон о свободе информации может быть неотъемлемым элементом развивающейся демократической системы, но он не в состоянии самостоятельно привести к институциональным изменениям» [186].

Также оно не может «в одиночку справиться со сложными, глубоко укоренившимися проблемами, препятствующими увеличению участия» [187, p.578]. Такие изменения требуют углубления демократии, включая

укрепление процессов подотчетности в рамках институтов и предоставление большего числа возможностей и ресурсов для участия в управлении. Административные реформы, включая закон о свободе информации, не работают в вакууме, а скорее в «политическом контексте, который может ослабить или усилить» их практические результаты [188]. Препятствиями для подотчетности в странах с развивающейся демократией являются слабость гражданского общества и слабое соблюдение верховенства закона. Несмотря на то, что законы о свободе информации сами по себе не способны полностью изменить государственное управление или автоматически обеспечить прозрачность и ответственность власти, их наличие является важнейшей предпосылкой для повышения качества государственного управления и усиления демократического участия граждан. Иными словами, законы о доступе к информации следует рассматривать как необходимое, но явно недостаточное условие формирования подотчётной и ответственной системы публичной власти. Реализация данного права требует не только наличия нормативной базы, но и последовательного комплекса мер, направленных на развитие демократических институтов и укрепление гражданского общества.

В Республике Казахстан практика реализации права на доступ к информации по-прежнему сталкивается с рядом проблем, включая ограниченный объём раскрываемых данных, широкое применение исключений и низкий уровень правовой грамотности населения. Международный опыт демонстрирует более эффективные модели, которые могут быть адаптированы в национальных условиях. В ряде государств, включая Индию и страны ЕС, доступ к информации признан фундаментальным правом, что усиливает его правовую защиту. Существенную роль в этих системах играют независимые информационные комиссии, осуществляющие контроль за соблюдением законодательства и рассматривающие жалобы граждан. Кроме того, практика обязательного проактивного раскрытия информации, реализуемая, в частности, в США и Индии, значительно упрощает доступ общества к государственным данным, тогда как в Казахстане данный механизм остаётся недостаточно развитым.

Проблемным остаётся и чрезмерно широкое толкование исключений из права на доступ к информации. Международные стандарты исходят из необходимости их минимизации и строгого применения с учётом принципа соразмерности. Дополнительным ограничивающим фактором является отсутствие в Казахстане независимого органа, уполномоченного контролировать соблюдение права на доступ к информации, что снижает эффективность правоприменения.

Для совершенствования системы доступа к информации представляется целесообразным пересмотр Закона «О доступе к информации» с ограничением объёма исключений, создание независимого надзорного органа, а также внедрение механизмов проактивного раскрытия данных и единого цифрового портала для подачи запросов.

3 ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РК

3.1 Проблемные аспекты реализации права на доступ к информации

Право на доступ к информации по праву рассматривается как один из ключевых элементов демократического устройства, поскольку именно через него обеспечиваются прозрачность и подотчётность деятельности государственных органов, а также создаются условия для реализации иных базовых прав и свобод человека. Эффективное функционирование данного права способствует росту доверия граждан к государству, повышению уровня общественной информированности и развитию институтов гражданского общества. Вместе с тем на практике реализация права на доступ к информации сопровождается целым рядом проблем, которые существенно ограничивают его реальное действие. Эти проблемы носят комплексный характер и затрагивают административные, технические и правовые аспекты, каждый из которых по-своему влияет на доступность и качество предоставляемой информации.

К числу административных барьеров относятся отсутствие чётко выстроенных процедур рассмотрения информационных запросов, недостаточная подготовка сотрудников государственных органов, а также ограниченность кадровых и организационных ресурсов, необходимых для своевременной обработки обращений. Технические сложности, в свою очередь, связаны с неполной цифровизацией государственных услуг, отсутствием удобных и понятных информационных систем, а также проблемами доступа к сети Интернет, особенно в отдалённых и сельских регионах. Правовые проблемы проявляются в несовершенстве законодательства, наличии противоречий между различными нормативными актами и недостаточной проработке механизмов обжалования отказов в предоставлении информации.

Актуальность анализа указанных проблем обусловлена необходимостью повышения эффективности правового регулирования, совершенствования административных процедур и внедрения современных технологических решений в сфере доступа к информации. Выявление ключевых препятствий позволяет не только дать объективную оценку существующей практике, но и сформулировать конкретные предложения по её улучшению. Настоящая глава посвящена исследованию административных, технических и правовых проблем реализации права на доступ к информации, что представляет собой важный шаг на пути к повышению открытости и прозрачности деятельности государственных органов как в Республике Казахстан, так и в более широком сравнительном контексте.

По мнению Турисбекова З., административный барьер означает препятствие в получении услуги, недостаток ее доступности, параметры

которой, помимо внутренних содержательных, могут включать временную (потери и затраты времени), стоимостную (цена, затраты), информационную (прозрачность и компетентность), физическую (комфорт) и коммуникационную (вежливость, дружелюбие) доступность. Измеряя административный барьер, мы получаем сведения о доступности услуги [189, с.15].

Российские ученые Самойленко Е.В. и Козаченко Г.Б. отмечают отсутствие общеустановленного понятия «административные барьеры», и предлагают свою формулировку следующего содержания: «административные барьеры – действия и бездействия органов власти и должностных лиц, выраженные в виде принятия нормативных и нормативных правовых актов, противоречащих законодательству РФ, связанные со злоупотреблением и превышением своих полномочий при проведении контроля за деятельностью субъектов предпринимательской деятельности» [190].

Определение административных барьеров, предложенное российскими учеными Самойленко Е.В. и Козаченко Г.Б., безусловно, вносит важный вклад в дискуссию о сущности данного феномена. Однако данная формулировка вызывает ряд обоснованных возражений с точки зрения научной точности и полноты охвата исследуемой категории. Во-первых, акцент исключительно на действиях и бездействии органов власти и должностных лиц, противоречащих законодательству и связанных со злоупотреблением или превышением полномочий, значительно сужает содержание понятия «административные барьеры». На практике административные барьеры могут возникать не только в результате нарушений законодательства, но и в силу чрезмерной сложности, избыточности или недостаточной продуманности процедур, которые формально соответствуют нормам права, но фактически создают необоснованные препятствия для реализации прав и свобод граждан и организаций.

Во-вторых, ограничение административных барьеров исключительно сферой контроля за деятельностью субъектов предпринимательства представляется неоправданным. Административные барьеры могут затрагивать гораздо более широкий круг общественных отношений, включая доступ граждан к информации, взаимодействие с государственными органами в рамках административных процедур, получение социальных услуг, реализацию прав в области градостроительства, землепользования и т.д. Таким образом, рассматриваемое определение отражает лишь частный аспект административных барьеров, не охватывая их многообразия.

Наконец, с теоретической точки зрения, определение, предложенное Самойленко Е.В. и Козаченко Г.Б., не учитывает институциональные и системные аспекты возникновения административных барьеров. Многие из них являются результатом недостаточной координации между государственными органами, устаревшего законодательства или отсутствия необходимых технологических решений. Эти факторы нельзя свести только к

злоупотреблениям или превышению полномочий отдельных должностных лиц.

Воеводская Е.Е. дает следующее определение, «административные барьеры - искусственно созданные и создаваемые препятствия, ущемляющие права и интересы граждан и бизнеса, выражающиеся в действиях (бездействии), выходящих за рамки компетенций и полномочий должностных лиц и осуществляемых в отношении бизнеса и граждан при оказании государственной услуги или исполнении государственной функции» [191].

Приведенное определение Воеводской Е.Е. об административных барьерах, как искусственно созданных препятствий, ущемляющих права и интересы граждан и бизнеса, выражающихся в действиях или бездействии должностных лиц, выходящих за рамки их полномочий, является достаточно узким и не охватывает все аспекты этого явления. Во-первых, определение ограничивается лишь случаями превышения полномочий, упуская из виду, что административные барьеры могут возникать и в результате формально законных действий. Например, чрезмерная сложность процедур, избыточные требования к документам или неоправданно длительные сроки обработки запросов создают значительные препятствия, даже если они полностью соответствуют установленным нормам.

Во-вторых, определение концентрируется исключительно на действиях должностных лиц, не учитывая системные и институциональные факторы. Административные барьеры нередко возникают не вследствие действий или бездействия отдельных должностных лиц, а как результат системных недостатков правового и организационного характера. К их числу относятся пробелы и несогласованность законодательства, отсутствие устойчивой координации между государственными органами, а также использование устаревших процедур и управленческих практик. Подобные факторы формируют препятствия на структурном уровне и не могут быть сведены к индивидуальной ответственности конкретных исполнителей.

Кроме того, используемое в ряде подходов определение административных барьеров неоправданно сужает круг субъектов, которые с ними сталкиваются, ограничиваясь, как правило, гражданами и субъектами предпринимательства. Между тем административные барьеры затрагивают и иные группы — некоммерческие организации, образовательные и научные учреждения, профессиональные сообщества, а также иностранных инвесторов, которые также находятся во взаимодействии с государственными органами и в полной мере испытывают последствия административных ограничений.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в подобных определениях зачастую игнорируется техническое измерение административных барьеров, приобретающее всё большую значимость в условиях цифровизации государственного управления. Сбои в работе информационных систем, несовершенство цифровых платформ, ограниченный доступ к интернету, использование устаревших технологий —

всё это объективно осложняет предоставление государственных услуг и взаимодействие граждан и организаций с органами власти.

Наконец, проблематичным является предположение о том, что все административные барьеры имеют искусственный, целенаправленно созданный характер. Практика показывает, что значительная часть таких препятствий обусловлена объективными обстоятельствами, включая дефицит финансовых и кадровых ресурсов, низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников или отсутствие чётко регламентированных процедур. Хотя подобные факторы не всегда являются результатом сознательных управленческих решений, они тем не менее создают реальные и ощутимые препятствия для реализации прав и законных интересов граждан и иных субъектов.

Исходя из вышеизложенного, с учетом анализа всевозможных вариации понятия административных процедур, мы предлагаем свою версию, следующего характера: Административные барьеры это совокупность препятствий, возникающих при взаимодействии граждан, предпринимателей и других субъектов с органами государственной власти, которые в силу различных причин - как искусственно созданных, так и объективных - затрудняют или ограничивают реализацию прав, законных интересов и получение государственных услуг. Такие барьеры могут быть связаны с действиями либо бездействием должностных лиц, чрезмерно сложными или избыточными административными процедурами, пробелами и противоречиями в законодательстве, слабой координацией между государственными органами, а также техническими, организационными или ресурсными ограничениями, влияющими на качество и доступность государственного управления.

Анализ законодательства РК показал, что существенным административным барьером в обеспечении права на доступ к информации, может быть приостановление или ограничение работы сетей и средств связи. Так Законом РК «О связи» установлено, что Председатель Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, его заместители или начальники территориальных органов Комитета национальной безопасности Республики Казахстан либо лица, их замещающие, вправе приостанавливать работу сетей и (или) средств связи, оказание услуг связи, доступ к интернет-ресурсам и (или) размещенной на них информации [192].

Практика временного отключения интернета, блокировки интернет-ресурсов и ограничения доступа к коммуникационным сервисам, особенно во время массовых протестов и политически значимых событий, создает серьезные препятствия для реализации права на доступ к информации.

Примеры таких ограничений наблюдались во время январских событий 2022 года [193], когда интернет был полностью отключен по всей стране, что не только препятствовало доступу к достоверной информации, но и привело к сбоям в работе критически важных сервисов, включая банковские системы, электронное правительство и медицинские онлайн-услуги.

Такие действия создают системный барьер, так как:

- Лишают граждан доступа к оперативной информации, необходимой для принятия решений;
- Ограничивают деятельность СМИ, снижая уровень прозрачности и подотчетности государственных органов;
- Создают препятствия для бизнеса и цифровых сервисов, зависящих от постоянного интернет соединения;
- Подрывают доверие общества к институтам власти, способствуя росту недовольства и социальной напряженности [194, p.29].

Несмотря на то, что подобные меры оправдываются необходимостью обеспечения национальной безопасности и общественного порядка, они должны быть юридически обоснованными, пропорциональными и подчиняться судебному контролю. Международный опыт показывает, что полномасштабные отключения интернета не являются эффективным инструментом борьбы с дестабилизацией, а наоборот – ухудшают ситуацию, препятствуя объективному освещению событий и распространению официальной информации.

Согласно Докладу по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнения и свободу его выражения, составленный Специальным докладчиком ООН Фрэнком Ла Ру (Frank La Rue), который содержит общие подходы к регулированию отношений в сети Интернет. Согласно докладу ограничение должно быть предусмотрено законом, который сформулирован в однозначных и понятных каждому выражениях (принцип законности). Кроме того, ограничение должно преследовать одну из целей, указанных в п. 3 ст. 19 Международного пакта «О гражданских и политических правах», в частности, для защиты прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности или общественного порядка, здоровья или нравственности населения (принцип законной цели). Необходимость ограничения должна быть доказана и использована в качестве исключительного средства, необходимого для достижения цели (принцип пропорциональности). В докладе прямо предусмотрены исключения из принципа общедоступности информации: детская порнография; публичные призывы к совершению суицида; разжигание национальной, расовой, религиозной вражды; призывы к терроризму. Наконец, чтобы блокировка не использовалась в качестве средства цензуры, соответствующее решение должно быть обосновано и принято компетентным судом или органом власти, независимым от политического, коммерческого или иного влияния [195, с.187].

В связи с этим в Казахстане необходимо пересмотреть правовые основания приостановления работы сетей и средств связи, введя четкие юридические критерии, исключающие их произвольное применение. Также целесообразно внедрение независимого мониторинга таких ограничений, обеспечивающего баланс между мерами государственной безопасности и правом граждан на свободный доступ к информации.

Для эффективного функционирования демократического общества критически важно обеспечить беспрепятственный доступ граждан к

информации, особенно той, которая касается деятельности государственных органов, общественно значимых решений и защиты прав человека. Однако на практике доступ к информации может быть ограничен различными административными барьерами, которые создают препятствия для граждан, организаций и средств массовой информации.

Ниже приведены примеры, которые по нашему мнению относятся к видам административных препятствий, нарушающих права граждан на доступ к информации.

Гражданин РК обратился с письмом в Администрацию Президента Республики Казахстан от 9 декабря 2024 года № ЖТ-2024-06109150, следующего содержания:

«Прошу сообщить, где можно ознакомиться с текстом Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658 «Общенациональный план мероприятий по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм».

На что заведующим общим отделом Толеевым Н.Т. был предоставлен ответ следующего содержания:

«Рассмотрев Ваше обращение касательно возможности ознакомиться с текстом Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658, сообщаем следующее.

Согласно статье 37 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» (далее - Закон) обязательному опубликованию подлежат нормативные правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан.

Запрашиваемый Вами Указ Президента касается деятельности государственных органов. В связи с чем является правовым актом индивидуального применения и не содержит нормы права (подпункт 3) пункта 1 статьи 55 Закона).

Соответственно не подлежит обязательному опубликованию.

Также в соответствии со статьей 6 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» определен перечень информации, доступ к которой не подлежит ограничению.

Вместе с тем запрашиваемая Вами информация не относится к указанному перечню и не подлежит распространению среди других лиц, не задействованных в исполнении данного акта» [196].

На вышеуказанный ответ был направлен повторный запрос следующего содержания:

В письме Заведующего Общим отделом Администрации Президента Республики Казахстан от 9 декабря 2024 года № ЖТ-2024-06109150 в ответ на мой запрос об ознакомлении с текстом Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658, сообщается порядок официального опубликования нормативных правовых актов. Поясняю, что я не собираюсь официально публиковать Указ Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658. Согласно пункту 2 статьи 11 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации»: «По запросу

предоставляется любая информация, за исключением информации с ограниченным доступом».

Прошу сообщить - относится ли Указ Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658 к информации с ограниченным доступом? Если нет - предлагаю не нарушать закон и предоставить мне по запросу текст Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658.

В ответ на повторное обращение получен ответ следующего содержания:

Рассмотрев Ваше повторное обращение касательно предоставления текста Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658, сообщаем следующее.

Данным Указом утвержден Общенациональный план мероприятий по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм».

В свою очередь, указанное послание было опубликовано в республиканских газетах «Казахстанская правда» (№ 169 (30296) и «Егемен Қазақстан» (№ 169 (30898) от 03.09.2024 г. и размещено в информационно-правовой системе нормативных правовых актов «Әділет» на двух языках.

В этой связи, с полным текстом послания Вы можете ознакомиться в общедоступной информационной системе или средствах массовой информации.

Вместе с тем, в соответствии с внутренними регламентирующими актами Администрации, Указ Президента № 658 по утвержденной рассылке был направлен только в государственные органы, задействованные в исполнении данного акта. Ознакомление физических лиц с текстом акта не предусмотрено.

Также отмечаем, что запрашиваемый Вами Указ Президента содержит сведения служебного характера, которые не относятся к перечню информации, доступ к которой не подлежит ограничению (ст. 6 Закона «О доступе к информации»).

В связи с чем, Указ Президента № 658 не может быть представлен Вам на ознакомление [197].

Вышеуказанное явное свидетельство административных барьеров в обеспечении права граждан на доступ к информации. Можно сделать вывод, о том, что государственный орган умышленно, неверно толкуя нормы законодательства нарушает права граждан на доступ информации, в данном случае Указ Президента. При этом отсутствует пометка «Для служебного пользования» или «Конфиденциально», согласно Постановления Правительства «Об утверждении Правил отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения и работы с ней» [198].

Показательно также Письмо Национального Банка Республики Казахстан от 30 июня 2014 года № 21-0-34/67-ФЛ/С-2352 по информации о девальвации тенге 2014 года, имевшей большой общественный резонанс. В

ответ на просьбу интернет-проекта «Юристы за соблюдение законов» сообщить, каким актом было оформлено (утверждено) решение о февральской девальвации тенге и ознакомить с текстом этого решения, был получен ответ Нацбанка от 7 апреля 2014 года № 10017/12/ФЛ-С-486, где утверждалось, что «...корректировка обменного курса (девальвация) рассматривается как инструмент центральных банков по управлению национальной валютой и для ее проведения не требуется принятие какого-либо нормативного правового акта». Хотя вопрос задавался не про нормативный правовой акт, а про любой акт. В последующем юристам стало известно, что акт о проведении девальвации был, это решение Правления Национального Банка РК от 11.02.2014 года за № 19 о корректировке обменного курса (девальвации). Таким образом, вышеуказанным ответом Нацбанка заявитель, а также участники Интернет-проекта «Юристы за соблюдение законов» были намеренно введены в заблуждение. В связи с чем, была вновь изложена предоставить текст постановления Правления НБ РК от 11.02.2014 года за № 19, а также привлечь к ответственности лиц, предоставивших некорректный ответ от 7 апреля 2014 года. В ответ на это Нацбанк сообщил, что: «Согласно пункту 1 статьи 4 Закона РК «Об административных процедурах» (далее - Закон), государственные органы и должностные лица при осуществлении государственных функций и должностных полномочий принимают решения путем издания правовых актов. В соответствии с пунктом 6 статьи 11 Закона решения, принятые на заседании, оформляются в соответствии с регламентом коллегиального государственного органа постановлениями и доводятся до сведения исполнителей. В случае необходимости разрабатывается и утверждается план мероприятий по реализации принятых решений, устанавливается контроль за их исполнением. В связи с чем, принятое Национальным Банком решение о корректировке обменного курса тенге было доведено до сведения исполнителей, ответственных за его исполнение, а именно структурных подразделений Национального Банка. При этом Закон не предусматривает необходимость его доведения до неограниченного круга лиц» [199].

Следующее обращение гражданина Каипназарова Нуржана: «Доступ к информации - гарантированное государством, закрепленное в Конституции и законах Республики Казахстан право каждого свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом. 02.05.2019 года, посредством блог-платформы Министра финансов Республики Казахстан, мною был подан письменный запрос в электронной форме (инф с сайта прилагается). Мое обращение было перенаправлено для рассмотрения в Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. В силу ст.11 ЗРК «О доступе к информации», ответ на письменный запрос предоставляется в течение пятнадцати календарных дней со дня поступления к обладателю информации. Комитетом государственных доходов МФ РК, в нарушение требований действующего законодательства республики Казахстан, ответ на мой запрос не дан до настоящего времени! Несоблюдение, Комитетом государственных доходов Министерства

финансов Республики Казахстан, установленных законом сроков для предоставления ответа на письменный запрос, нарушает требования Конституции, законодательства «О доступе к информации», «О государственной службе Республики Казахстан».

Ответ предоставлен за подписью Министра финансов РК, следующего содержания:

Добрый день, Ваш вопрос направлен для рассмотрения в Комитет государственных доходов МФ РК. О ходе подготовки ответа можно узнать по телефону: 8(7172) 70-99-46 Рсалды Маратовна [200].

В данном случае Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан (КГД МФ РК) допустил несколько нарушений законодательства Республики Казахстан при рассмотрении письменного запроса.

Во-первых, был нарушен установленный статьей 11 Закона РК «О доступе к информации» срок предоставления ответа. Согласно закону, ответ на письменный запрос должен быть предоставлен в течение 15 календарных дней со дня его поступления к обладателю информации. Однако КГД МФ РК не предоставил ответа в указанный срок, что является прямым нарушением закона и нарушает право заявителя на доступ к информации, закрепленное в Конституции Республики Казахстан.

Во-вторых, КГД МФ РК не выполнил требование о предоставлении письменного ответа на письменный запрос. Законодательство Республики Казахстан обязывает государственные органы отвечать в той же форме, в которой был подан запрос, если иное не указано заявителем. Поскольку запрос был подан в письменной форме через электронную платформу, ответ также должен был быть предоставлен в письменной форме. Предложение заявителю узнать о ходе подготовки ответа по телефону не соответствует требованиям законодательства и не может заменить собой официального письменного ответа, который имеет юридическую значимость.

По нашему мнению, данный случай можно классифицировать как пример административных барьеров, связанных с реализацией права на доступ к информации. Для устранения таких барьеров необходимо совершенствовать внутренние процедуры государственного органа, усиливать контроль за исполнением обязанностей должностными лицами и обеспечивать соблюдение законодательства.

Другое обращение зарегистрировано от гражданина Рогушева Д. следующего содержания: «Здравствуйтесь. Я гражданин РК по национальности русский и говорю и пишу на русском. Статья 19 Конституции РК предусматривает право граждан на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Вместе с тем статья 12 Конституции РК прямо указывает, что в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. В статье 7 Конституции РК и статьях 4 и 5 Закона РК «О языках» установлено, что в Казахстане государственным языком является Казахский. В государственных организациях и органах

местного самоуправления наравне с казахским употребляется русский язык. Статья 20 Конституции РК обеспечивает каждому право на доступ к информации, кроме охраняемой законом. Статья 11 Закона РК «О языках» - Ответы государственных и негосударственных организаций на обращения граждан и другие документы даются на государственном языке или на языке обращения. А если коротко то для чего присылать письмо на госязыке человеку с явно русской фамилией это как минимум издевательство как максимум нарушение законов РК. Прошу провести проверку данного ведомства на наличие таких же или иных нарушений и предоставить мне ответ о мерах воздействия и наказания».

Государственный орган предоставил следующий ответ: «Здравствуйте! Указанное обращение было детально рассмотрено на аппаратном совещании УКЗСП с участием директора центра занятости города А.Махановой. В результате, были приняты следующие меры: - в целях разъяснения возникшей ситуации, специалисты центра занятости позвонили гр. Рогушеву Д., где в ходе беседы ему были принесены извинения за причиненные неудобства от действий специалиста центра занятости; - была дана детальная информация на все интересующие вопросы гр. Рогушева Д., и повторно направлено письменное уведомление уже на русском языке. Также, в целях недопущения нарушений Закона РК «О языках», обращение гр.Рогушеву Д. было рассмотрено на селекторном совещании управления с участием руководителей горрайотделов занятости и социальных программ, директоров центров занятости» [201].

Предоставление ответа гражданину Дмитрию Рогушеву на казахском языке вместо русского, на котором он подал обращение, нарушает его право на доступ к информации, закрепленное статьей 20 Конституции Республики Казахстан. Данное право подразумевает, что гражданин должен иметь возможность свободно и полноценно получать информацию в понятной для него форме. Ответ государственного органа на языке, не соответствующем языку обращения, фактически затрудняет или делает невозможным для гражданина восприятие и использование предоставленной информации. Это противоречит принципу доступности информации, который является ключевым элементом данного права.

Кроме того, нарушение статьи 11 Закона РК «О языках» усугубляет ситуацию. Согласно указанной норме, государственные органы обязаны давать ответы на языке обращения или на государственном языке, если иной язык не указан заявителем. Поскольку обращение Дмитрия Рогушева было подано на русском языке, предоставление ответа на казахском языке прямо нарушает это требование. Такое действие со стороны государственного органа ставит гражданина в затруднительное положение, вынуждая его искать способы перевода или дополнительного разъяснения, что создает административные барьеры и препятствует реализации его права на доступ к информации.

Таким образом, предоставление ответа на языке, который гражданин не указывал в своем обращении, нарушает его конституционное право на доступ

к информации, а также противоречит законодательным нормам, регулирующим языковую политику и взаимодействие государственных органов с гражданами.

В своем исследовании Турисбеков З., к наиболее часто отмечаемым административным барьерам среди опрошенных 5760 респондентов, из которых 22% отмечают «отсутствие разъяснительной информации».

Еще одной распространенной проблемой в сфере оказания государственных услуг является отсутствие необходимой информации, когда значительная часть граждан оказывается в ситуации неопределенности. В частности, с этим сталкиваются потребители услуг при регистрации земли (41%), обращении в прокуратуру (36%), суды (31%), полицию, налоговые службы, акиматы (по 29%), органы юстиции и соцзащиты (по 28%) и другие ведомства. Подобная неопределённость нередко вынуждает граждан самостоятельно искать выход из ситуации, зачастую действуя на грани допустимого с точки зрения законодательства. Отсутствие чётких и понятных разъяснений — по каким причинам принято то или иное решение, каковы его правовые последствия, в какие сроки оно должно быть вынесено, каких именно документов не хватает и какие требования закона подлежат применению в конкретном случае — формирует благоприятную среду для злоупотреблений и коррупционных проявлений. В таких условиях незнание гражданами своих прав и обязанностей нередко используется недобросовестными должностными лицами как инструмент давления, а иногда и вымогательства, прикрываемого формулой «незнание закона не освобождает от ответственности».

Между тем следует учитывать, что правопослушное поведение формируется не столько через систему запретов и санкций, которые нередко провоцируют новые нарушения, сколько через прозрачность, доступность информации и выстраивание партнёрских отношений между государством и гражданами. Такой подход оказывается выгодным и для самих государственных органов, поскольку позволяет сократить количество повторных обращений, уменьшить число ошибок при оформлении документов, ускорить предоставление услуг и, что особенно важно, повысить уровень общественного доверия к деятельности государственных структур [189, с.28].

Административные барьеры в сфере доступа к информации напрямую способствуют воспроизводству коррупции, поскольку создают искусственные препятствия для реализации конституционного права граждан на получение информации. Эти барьеры проявляются, в частности, в затягивании сроков рассмотрения запросов, отказах без надлежащего правового обоснования, избыточных бюрократических требованиях или отсутствии прозрачных и понятных процедур получения информации. В результате граждане и организации оказываются вынуждены искать обходные пути, что нередко приводит к неформальным договорённостям и коррупционным практикам.

Так, задержки с предоставлением ответов на информационные запросы или предоставление информации в неудобной форме (например, на языке, не соответствующем языку обращения) не только нарушают требования законодательства, но и создают у заявителей ощущение фактической недоступности информации. В подобных условиях у граждан может возникать соблазн ускорить процесс посредством личных связей или незаконного вознаграждения должностным лицам.

Дополнительные риски возникают и в ситуациях, когда процедуры предоставления информации отличаются непрозрачностью или допускают двусмысленное толкование. Наличие таких «лазеек» позволяет отдельным должностным лицам сознательно создавать дополнительные препятствия, а затем использовать их для получения неправомерной выгоды. В результате административные барьеры не только ограничивают реализацию права на доступ к информации, но и подрывают доверие граждан к государственным институтам в целом.

Таким образом, наличие административных барьеров формирует замкнутый круг: они способствуют росту коррупции, а коррупция, в свою очередь, закрепляет существование этих барьеров. Их устранение представляет собой важное направление антикоррупционной политики и требует строгого контроля за соблюдением установленных сроков и процедур, активного внедрения цифровых технологий для автоматизации процессов и минимизации человеческого фактора, а также повышения прозрачности деятельности государственных органов. Реализация указанных мер позволит не только упростить доступ к информации, но и станет действенным инструментом снижения коррупционных рисков в системе государственного управления.

Наряду с административными препятствиями существенным барьером реализации права на доступ к информации остаётся недостаточная развитость информационно-коммуникационной инфраструктуры. В современных условиях, когда цифровые технологии становятся ключевым инструментом обеспечения прозрачности и взаимодействия государства с обществом, доступ к информационным ресурсам приобретает принципиальное значение. Однако в Республике Казахстан значительная часть населения по-прежнему сталкивается с техническими трудностями, связанными с отсутствием либо ограниченной доступностью инфраструктуры, необходимой для полноценного использования информационно-коммуникационных технологий, особенно в сельских и отдалённых регионах.

На начало 2024 года из 6406 казахстанских населенных пунктов широкополосным доступом к интернет-соединению по мобильным технологиям обеспечены 116 городов и 4866 сел (широкополосным доступом к Интернету по мобильным технологиям 3G - 1652 сел, 4G - 3214 сел). Интернет-соединение по технологии Asymmetric Digital Subscriber Line (ADSL) обеспечено в 1950 сельских населенных пунктах, а по технологии

волоконно-оптической линии связи (ВОЛС) в 2606 сельских населенных пунктах.

Остается нерешенным вопрос 100 %-го обеспечения сельских населенных пунктов качественным интернет-соединением (1294 сельских населенных пункта). Мероприятия по достижению этой цели предусмотрены действующим стратегическим отраслевым документом Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан, согласно которому к 2027 году 75 % городов республиканского значения и 60 % областных центров будут обеспечены технологией 5G [202].

По исследованиям ООН, Казахстан занимает 28 (+1) место по индексу «Развитие электронного правительства» и 8 место по индексу "Онлайн услуги" (1208 государственных услуг (92 %) оказываются в электронном формате, из них 484 на безальтернативной и 724 на альтернативной основе).

Это стало возможным за счет построения инфраструктуры электронного правительства – ключевых баз данных и отраслевых информационных систем, шин взаимодействия и обмена данными (шлюз «электронного правительства», Smart Bridge), а также широкому спектру сервисов (портал «электронного правительства», системы «E-License», «Smart Data Ukimet», цифровые проекты «Цифровая карта семьи» и «e-Otinish», мобильное приложение e-Gov Mobile) [203].

Неравномерное покрытие интернет-связью, низкая скорость подключения в ряде регионов, особенно в сельской местности, а также недостаточная интеграция информационных систем государственных органов создают существенные препятствия для граждан, желающих получить доступ к публичной информации. Это ограничивает их права, гарантированные Конституцией и Законом Республики Казахстан «О доступе к информации». Данные проблемы особенно остро ощущаются в условиях стремительного перехода государственных органов к цифровизации, когда традиционные способы предоставления информации заменяются электронными платформами, доступ к которым оказывается, затруднен из-за слабой технической базы.

Сокращение «цифрового разрыва» между городскими и сельскими жителями — одна из важных задач для любого государства. К реализации этой цели стремятся как в развитых, так и в развивающихся странах, активно внедряя интернет-сети в сельских регионах.

По итогам 2022 года проникновение интернета в мире для городской местности составляло 82% — именно такова была доля всех жителей городов, имеющих доступ ко всемирной сети. Тем временем в сельской местности показатель достигал лишь 46%, что говорит о весьма существенном «цифровом разрыве» — сразу 36 п. п. (коэффициент — 1,8). Впрочем, за последние три года разрыв немного сократился.

Лучшие показатели ожидаемо демонстрирует европейский регион: в Европе разрыв между городом и селом практически устранён (коэффициент — 1,1). В остальных регионах ситуация хуже, хотя и стремится к

улучшению. Например, в Африке в 2022 году интернетом пользовались 64% городских жителей, по сравнению с 23% жителей сельской местности (коэффициент — 2,8, что весьма неблагоприятно, однако всё же лучше, чем в 2019-м, когда показатель и вовсе достигал 4). В Азиатско-Тихоокеанском регионе соотношение составляет 1,8 (по сравнению с коэффициентом 2,4 тремя годами ранее).

Анализируя страны ОЭСР, по которым имеются данные, можно отметить, что высокие показатели как доступности интернета, так и «цифрового равенства» наблюдаются в Корее, Люксембурге, Дании, Испании, Бельгии, Польше.

Кроме того, в РК сокращение цифрового разрыва усложняется ещё и тем, что в сельской местности проживает сразу более 42% населения. Для сравнения: в Корее в сёлах живут лишь 18,6% граждан страны, в Люксембурге — 8,6%, в Дании — 11,9%, в Испании — 19,2%, в Швейцарии — 26,1% [204].

Дания проводит масштабную цифровизацию государственных услуг и органов власти. Начиная с 2015 года взаимодействие граждан с государством полностью переведено в онлайн-формат. Учитывая, что доступ к интернету имеют порядка 95 % домохозяйств, каждому гражданину предоставлен цифровой идентификатор (digital ID), а все государственные учреждения и муниципалитеты объединены в единую электронную систему, доступную через единый личный кабинет. Для бизнеса эта цифровая платформа предоставляет возможность полностью перейти на электронный документооборот: оформлять выписки, подавать налоговые отчеты, осуществлять платежи. Благодаря такой цифровой инфраструктуре государство ежегодно экономит от 10 до 20 % бюджетных средств.

Эстония также активно развивает цифровизацию, реализуя стратегию в рамках национальной программы «Эстония 2035». Основной принцип этой стратегии — проактивность государственных органов, ориентированных на ключевые события в жизни человека. Гражданам предоставляются персонализированные услуги с минимальной бюрократией благодаря активному внедрению искусственного интеллекта. Цифровые госуслуги в Эстонии реализуются через систему #KrattAI — платформу, объединяющую приложения искусственного интеллекта, которые обеспечивают взаимодействие с государством посредством голосового общения с виртуальными ассистентами. Уже подготовлено более 70 проектов, из которых 38 успешно реализованы в таких сферах, как охрана окружающей среды, безопасность, социальные услуги и экстренная помощь.

Франция также поставила перед собой амбициозную задачу по цифровизации государственного управления и внедрению передовых технологий. Определены четыре приоритетных направления, имеющих особую общественную значимость: здравоохранение, окружающая среда, транспорт и безопасность. Государственная стратегия во всех этих секторах направлена на создание цифровых экосистем и внедрение искусственного

интеллекта, что позволяет одновременно решать социально значимые проблемы и повышать экономические показатели страны [204].

В заключение следует подчеркнуть, что недостаточная развитость информационно-коммуникационной инфраструктуры, особенно в сельских и отдаленных регионах, и существование административных барьеров являются основными факторами, препятствующими полноценной реализации права граждан на доступ к информации. Ограниченное интернет-покрытие, низкая скорость соединения, отсутствие необходимой технической базы, а также бюрократические препоны в виде необоснованных задержек, усложнённых процедур и фактического игнорирования запросов создают серьёзные препятствия для реализации права на доступ к информации. В совокупности эти факторы делают получение сведений формально возможным, но фактически затруднённым.

Особенно уязвимыми в этой связи оказываются жители сельских территорий, которые сталкиваются с так называемым «двойным барьером» — техническим и административным одновременно. Слабое или нестабильное интернет-соединение затрудняет даже подачу запросов через электронные платформы, а несвоевременные, формальные либо неполные ответы государственных органов, нередко не соответствующие требованиям закона, лишь усиливают ощущение закрытости и недоступности информации. Подобная практика не только нарушает права граждан, но и подрывает доверие к государственным институтам, создавая предпосылки для социального неравенства и коррупционных проявлений.

Преодоление указанных проблем требует комплексного и системного подхода. Речь идёт не только о развитии интернет-инфраструктуры в сельских и отдалённых районах, но и об упрощении административных процедур, их последовательной цифровизации, а также о реальном, а не формальном контроле за соблюдением законодательства о доступе к информации. Обеспечение равного доступа к информации для всех граждан, независимо от места проживания, должно рассматриваться как необходимое условие повышения прозрачности, открытости и ответственности государственных органов. Лишь при устранении как технических, так и административных препятствий возможно полноценное осуществление конституционного права на доступ к информации и формирование более справедливого информационного общества в Казахстане.

3.2 Роль цифровых технологий в обеспечении прозрачности и доступности информации

В современных условиях цифровые технологии становятся одним из ключевых факторов трансформации взаимодействия граждан с государственными органами и расширения доступа к информации.

Использование таких технологий, как блокчейн, большие данные (Big Data), искусственный интеллект и облачные сервисы, открывает новые возможности для управления информационными потоками и снижения

коррупционных рисков. Эти инструменты позволяют ускорить предоставление информации, повысить её достоверность и обеспечить более высокий уровень защиты данных.

На практике ключевая роль цифровых технологий проявляется прежде всего в упрощении доступа к информации. Сегодня любой человек, находясь практически в любой точке и имея доступ к сети интернет, может получить общедоступные сведения. Онлайн-платформы, электронные базы данных и мобильные приложения сокращают временные и организационные издержки, делая взаимодействие с государством более удобным и понятным для граждан.

Портал электронного правительства Казахстана (egov.kz) предоставляет доступ к различным государственным услугам и информации, что значительно упрощает взаимодействие граждан с государством.

В рейтинге ООН по формированию электронного правительства Казахстан занял 39-е место в мире и 8-е место среди азиатских стран в 2021 году. В 2020 году страна поднялась на 29-ю позицию среди 193 участников. По сравнению с 2020 годом индекс развития электронного правительства (EGDI) вырос на 10,2%. По уровню электронного участия Казахстан занимает 26-е место. Индекс электронного участия демонстрирует вовлеченность населения в процесс принятия решений, открытость государства, его соответствие политике «слышащего государства» и способность оперативно реагировать на запросы граждан [205]. Согласно исследованию ООН «E-Government Survey 2022», Казахстан вошёл в тройку лидеров среди азиатских стран по индексу онлайн-сервисов и индексу открытых данных. Кроме того, Казахстан занимает 1-е место среди стран, не имеющих выхода к морю. По индексу открытых данных Казахстан является лидером среди азиатских стран, а по индексу онлайн-сервисов занимает 3-е место среди азиатских стран и 11-е место в мировом рейтинге [206].

В рамках масштабной работы по улучшению сферы государственных услуг в 2021 году было предоставлено около 54 миллионов услуг в электронном формате. Во время режима чрезвычайного положения было оказано 13,8 миллиона электронных госуслуг, а ежедневное количество предоставляемых электронных услуг утроилось.

Улучшение бизнес-процессов 182 государственных услуг привело к сокращению среднего количества документов на 30% в 2021 году по сравнению с 2020 годом, а также к трёхкратному сокращению среднего срока их предоставления (с 31 до 10 дней). Изначально многие граждане пользовались услугами через портал электронного правительства egov.kz, как указано в таблице 2, где в 2021 году было зарегистрировано 10 миллионов пользователей и предоставлено 36,5 миллиона услуг, что на 9 миллионов больше, чем в 2020 году [207].

В период пандемии большое количество услуг предоставлялось через телеграм-бот EgovKzBot2.0. Через мобильное приложение eGov mobile уже доступна 208 услуг [208].

Таблица 3 - Показатели использования онлайн-услуг

Услуги	Количество услуг в 2020 году	Количество услуг в 2021 году	За весь период
Портал egov.kz	27,5 млн	36,5 млн	450 млн
Мобильное приложение	31 услуга	63 услуги	208 услуг
Примечание - составлено авторами на основе данных (egov.kz).			

Казахстан формирует новую модель государственного управления, отвечающую требованиям общества и основанную на внедрении современных технологий [209].

Развитие электронного правительства сегодня выступает одним из важных условий функционирования современного государства. Такая потребность особенно обострилась на фоне очевидного кризиса развития государства как бюрократической машины, выражающейся в постоянном увеличении числа государственных служащих, растущих финансовых и временных издержках [210, с.98].

Формирование электронного правительства в Казахстане является комплексным процессом, включающим как внешние, так и внутренние аспекты, требующие отдельного рассмотрения с учетом специфики страны и этапов его развития.

В развитии казахстанского электронного правительства выделяют три основных периода.

Первый этап (2005–2007 гг.) был посвящен преимущественно созданию базовой инфраструктуры электронного правительства. В этот период запущены веб-портал и шлюз электронного правительства, внедрена система межведомственного электронного документооборота, созданы удостоверяющие центры и единая технологическая среда. Кроме того, в 2007 году были введены в эксплуатацию общенациональные государственные базы данных о физических и юридических лицах, интегрированные в единые реестры.

На втором этапе (2008–2010 гг.) акцент был смещен на развитие и расширение спектра электронных услуг, затрагивающих различные сферы жизни граждан и деятельности государственных органов. Произведена значительная оптимизация административных процессов, появились системы «е-лицензирование», платежный шлюз электронного правительства, единая электронная нотариальная система («е-нотариат»), а также началась широкая практика выдачи гражданам электронных цифровых подписей.

Третий этап (2010–2015 гг.) характеризовался переходом к формированию информационного общества, когда цифровизация охватила практически все сферы взаимодействия государства и общества, а также процесс предоставления государственных услуг.

Инфраструктура электронного правительства в Казахстане сформирована на основе двух контуров, которые взаимосвязаны между собой, но при этом являются функционально независимыми друг от друга. [211, с.99].

По данным ООН, Казахстан улучшил свои показатели по качеству связи граждан с государственными структурами и служащими. Таким образом, по индексу е-участия граждан Казахстана находится на втором месте, разделяя эту строку с Сингапуром.

Особое внимание в отчете ООН уделено ведению руководителями государственных органов собственных Интернет-блогов, что позволяет гражданам задавать вопросы, получать ответы [212].

Еще одной особенностью электронного правительства являются его возможности по содействию большей вовлеченности граждан в процесс принятия управленческих решений. Основные средства, с помощью которых такое взаимодействие происходит, - это парламентский веб-сайт, который должен облегчить взаимообмен информацией между депутатами и гражданами, предоставляя подробную информацию о законодательном процессе, усилить общественный контроль за ходом государственной политики и, следовательно, повысить ответственность избранных политиков перед своими избирателями [213, р.33].

Система электронного правительства обладает рядом существенных преимуществ. С экономической точки зрения, эффективная организация взаимодействия между государством, гражданами и бизнесом способствует общему укреплению экономики и создает благоприятные условия для ее роста. Кроме того, использование электронного правительства значительно облегчает реализацию конституционного права граждан на доступ к информации, что является одним из основных элементов концепции открытого государства.

Внедрение информационных технологий и переход к электронному правительству делают систему госуправления более открытой и прозрачной, способствуют снижению коррупционных рисков среди чиновников. В профессиональном сообществе, в частности, в Индии, распространена позиция, согласно которой развитие электронного правительства приводит к повышению собираемости налогов и других обязательных платежей. Полученные таким образом дополнительные доходы могут быть направлены на финансирование социальных программ и повышение качества жизни населения. [214]. Кроме того, внедрение информационных технологий в государственное управление позволит снизить расходы на оказание услуг.

Весь спектр новейших технологий можно разделить на несколько категорий:

- 1) искусственный интеллект;
- 2) технологии дополненной реальности (Transparently Immersive Technologies);
- 3) новейшие цифровые платформы — интернет вещей, интернет всего — позволяют без участия человека осуществлять ряд действий, в том числе

дистанционный мониторинг транспортной ситуации, а также применяться при градостроительном планировании, управлении в период чрезвычайных ситуаций и др.

Кроме интернета вещей (IoT), перспективными и широко востребованными в сфере государственного управления являются технологии больших данных (Big Data). Их преимущество заключается в возможности оперативного сбора, обработки и анализа огромных массивов информации. В государственном управлении такие технологии способны значительно повысить эффективность статистического учета, оптимизировать автоматизированное межведомственное взаимодействие, а также существенно развить направление предиктивной (прогностической) аналитики. В частности, применение технологий больших данных позволяет заранее оценивать и прогнозировать последствия управленческих решений, выявлять оптимальные пути решения задач, выбирать наиболее действенные меры и подходы к реализации государственной политики [215].

24 июля 2024 года утверждена Концепция развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы [216], принятие которой обусловлено необходимостью адаптации Республики Казахстан к глобальным трендам цифровизации и инноваций, а также укрепления позиций страны в мировой экономике знаний. Искусственный интеллект сегодня всё чаще рассматривается как один из ключевых инструментов повышения эффективности государственного управления, улучшения качества публичных услуг и расширения прозрачности в различных сферах. Формирование соответствующей концепции направлено на создание условий для разработки и внедрения ИИ-технологий, что в перспективе оказывает прямое влияние на реализацию права граждан на доступ к информации.

Использование ИИ в этой сфере открывает новые практические возможности. Прежде всего, речь идёт об автоматизации обработки информационных запросов, что позволяет существенно сократить сроки предоставления ответов. Чат-боты и виртуальные помощники, функционирующие на базе ИИ, обеспечивают доступ к информации в круглосуточном режиме, снижая зависимость от человеческого фактора и связанных с ним задержек. Кроме того, технологии искусственного интеллекта способны работать с большими массивами данных, систематизировать их и представлять в более понятном и наглядном виде. Это особенно важно при раскрытии информации в сложных и чувствительных сферах, таких как экология, здравоохранение или государственные финансы.

Наряду с этим применение ИИ способствует повышению точности и актуальности предоставляемых сведений. Алгоритмы позволяют выявлять ошибки, обновлять данные и отслеживать их соответствие текущему положению дел, что снижает риск распространения недостоверной информации. В результате граждане получают более полные и проверенные сведения, а сам механизм доступа к информации становится более устойчивым и предсказуемым. Искусственный интеллект также способствует

визуализации данных, таких как бюджетные расходы или результаты государственных программ, делая информацию доступной и понятной для широкой аудитории. Благодаря ИИ создаются равные условия для получения информации всеми категориями граждан, включая людей с ограниченными возможностями, за счет адаптации данных в аудио- и видеоформаты или использования технологий распознавания речи [217].

Еще одним важным аспектом является то, что ИИ устраняет субъективность в процессе предоставления информации, обеспечивая равный доступ к данным для всех граждан. Кроме того, системы ИИ могут автоматически обновлять открытые данные в режиме реального времени, что увеличивает их актуальность и прозрачность. Применение ИИ также минимизирует риски манипуляций с информацией, предотвращая коррупционные действия, и позволяет гражданам активно контролировать деятельность государственных органов [218].

В мировом сообществе искусственный интеллект не вызывает возражений, потому что является неотъемлемой частью технического прогресса, а продукты цифровых технологий значительно ускоряют процесс исполнения повторяющихся операций [219].

На расширенном заседании Правительства Президент РК К.Токаев отметил необходимость форсирования развития искусственного интеллекта в нашей стране. До конца текущего года предстоит интегрировать его элементы в систему электронного правительства. И поручил Правительству приступить к внедрению инструментов искусственного интеллекта в государственных органах и национальных компаниях [220].

В свою очередь, мы хотим обратить внимание на необходимость внедрения искусственного интеллекта сферу государственных закупок, которая позволит значительно улучшить систему государственных закупок, повысить доверие к государственным финансам и минимизировать коррупционные риски. Применение искусственного интеллекта в государственных закупках уже реализуется в ряде стран. Искусственный интеллект в государственных закупках активно применяется в Украине, США, Великобритании, Китае, Бразилии, Сингапуре и других странах. Казахстан может использовать опыт Украины (ProZorro), а также блокчейн-решения Китая [221] и Сингапура [222] для повышения прозрачности тендеров.

Украина внедрила систему ProZorro, которая использует ИИ и большие данные для мониторинга государственных закупок, выявления коррупционных схем и анализа цен. Система позволяет сравнивать цены с рыночными аналогами и обнаруживать аномалии в тендерных процессах [223].

Система будет передавать сомнительные тендеры представителям общественных организаций, входящих в DOZORRO-сообщества и уже более года занимающиеся мониторингом публичных закупок. Именно они будут делать окончательный вывод о наличии нарушений.

«Благодаря такому взаимодействию человека и машины через 2-3 месячные итерации система начнет прогнозировать гораздо точнее. Я уверен, что уже к концу этого года точность станет очень высокой», – отметил технический координатор портала Андрей Кучеренко [224].

Стоит отметить, что сложность мониторинга государственных закупок заключается в том, что приобретение товаров, работ и услуг, кроме портала государственных закупок, производится также на следующих порталах: портал электронных закупок АО «ФНБ» Самрук-Казына» (zakup.sk.kz), реестр товаров, работ и услуг, используемых при проведении операций по недропользованию, и их производителей (reestr.nadloc.kz), через товарные биржи получить (ets.kz), Евразийский электронный портал Mitwork (eep.mitwork.kz), КазАгро (tender.kazagro.kz), электронный портал компании (ERG) - (torgi.erg.kz) и др. Все вышеперечисленные площадки не позволяют отслеживать рациональность и целевое использование денежных средств, победители данных тендеров не размещают информацию об освоенных денежных средствах и результатах проделанной работы.

Согласно отчету консалтинговой компании Bain [225], использование ИИ в данной области можно разделить на шесть ключевых направлений: закупочные стратегии, организационная и операционная модель, категорийное управление, управление поставщиками, корпоративная социальная ответственность и операционные закупки.

Нельзя забывать о том, что основной целью осуществления государственных закупок является создание конкуренции и экономия государственного бюджета [226]. Создание Единой информационной системы и электронных торговых площадок представляет собой средство достижения этой цели. Усложнение электронных процедур приведет к тому, что эти цели не будут достижимы, учитывая, что доля государственного заказа в структуре отечественного бизнеса увеличивается. Организации и предприятия различных форм собственности должны иметь возможность участвовать в процедурах и развивать свое дело. Не каждый субъект малого и среднего предпринимательства имеет ресурсы и возможности для преодоления многочисленных административных барьеров, которые перешли и в сеть Интернет. Речь идет о регистрации на торговых площадках, времени, которое необходимо для проверки документов на каждой, о внесении денежных средств за приобретение сертификатов для пользования ими, о комиссиях площадок.

Таким образом, искусственный интеллект становится мощным инструментом, который не только упрощает доступ к информации, но и укрепляет доверие граждан к государственным институтам, делая их деятельность более открытой и подотчетной. Эти изменения способствуют реализации принципов верховенства закона, демократического управления и укрепления гражданского общества.

Прежде всего, цифровые технологии позволяют увеличить «прозрачность» деятельности органов государственной власти, минимизировать личные контакты с чиновниками, усилить контроль за

доходами и расходами должностных лиц. Этому способствуют отдельные нормативные акты, способствующие реализации принципа публичности и открытости деятельности государственных органов. Благодаря этим актам осуществляется обнародование государственными органами информации о своей деятельности в СМИ, в том числе и в Интернете, ответы на запросы пользователей об их деятельности, сведения о доходах должностных лиц и мн.др. Именно для прозрачности и публичности внедряется модель электронного правительства, «информационного государства» [227].

Применение цифровых технологий для борьбы с коррупцией и сокращения связанных с ней рисков и издержек представляет собой пример антикоррупционного механизма превентивного характера. Главной целью такого подхода является не только выявление, но прежде всего устранение причин и условий, способствующих коррупционным проявлениям. В частности, цифровизация позволяет эффективно отслеживать движение финансовых потоков, выявлять подозрительные операции и проводить глубокий анализ массивов данных (big data). Это обеспечивает прозрачность государственной деятельности, минимизирует возможности для коррупционных нарушений и способствует созданию более ответственной и подконтрольной системы государственного управления [228].

Технология блокчейн всё активнее рассматривается как действенный инструмент противодействия коррупции, прежде всего за счёт неизменяемости записей и высокой прозрачности совершаемых операций. Применение блокчейна в таких сферах, как управление земельными ресурсами или регистрация прав собственности, существенно снижает риски подделки документов и несанкционированного вмешательства в данные. Фактически речь идёт о формировании системы, в которой любое действие фиксируется и не может быть изменено задним числом без следов.

Особенно наглядно необходимость внедрения цифровых решений в антикоррупционной сфере проявилась в период пандемии COVID-19, когда многие управленческие процессы были переведены в дистанционный формат. В этих условиях цифровизация стала не просто инструментом удобства, а важным элементом обеспечения прозрачности и устойчивости государственного управления. Значимость таких подходов подчёркивается не только на национальном уровне, но и в рамках международной повестки. Так, Программа развития ООН (ПРООН) [229] акцентировала внимание на роли цифровых технологий в антикоррупционной политике в кризисных ситуациях, указав на их потенциал в повышении прозрачности процедур принятия решений, эффективности государственного управления и расширении доступности публичных услуг. Особое внимание ПРООН уделяет использованию цифровых решений в оказании государственных услуг, обеспечении доступа к здравоохранению и проведении государственных закупок в условиях пандемии.

При этом международные неправительственные организации дополнительно отмечают риски, связанные с использованием цифровых технологий, обращая внимание на необходимость ответственного отношения

к данным и информационным ресурсам во избежание их утечки и недобросовестного использования.

В условиях цифровизации общественных процессов информационные технологии постепенно превращаются в один из наиболее действенных инструментов профилактики коррупции. Их ключевое преимущество заключается в повышении прозрачности управленческих решений и снижении возможностей для произвольных действий со стороны органов государственной власти. В этой связи можно выделить несколько направлений, в рамках которых внедрение цифровых решений реально способствует сокращению коррупционных рисков.

Во-первых, это автоматизация процедур оказания государственных услуг, которая позволяет существенно сократить, а в ряде случаев и полностью исключить прямой контакт между гражданами и должностными лицами. Во-вторых, важную роль играет электронный мониторинг деклараций государственных служащих, обеспечивающий более оперативное выявление конфликтов интересов и признаков необоснованного обогащения.

Отдельного внимания заслуживает цифровизация системы государственных закупок. Использование электронных платформ и открытых торгов повышает уровень прозрачности финансовых потоков и затрудняет манипулирование конкурсными процедурами. Существенное значение имеет и развитие электронных каналов связи для приёма и обработки обращений граждан, в том числе сообщений о коррупционных правонарушениях, что расширяет возможности общественного контроля.

Наконец, всё более заметную роль играет анализ больших данных (big data) в правоприменительной и судебной практике по делам о коррупционных преступлениях, взяточничестве и конфликтах интересов. Такие инструменты позволяют выявлять устойчивые схемы нарушений и скрытые взаимосвязи, которые сложно обнаружить традиционными методами.

Важно подчеркнуть, что цифровые технологии не ограничиваются лишь техническим обеспечением доступа к информации или удобством для пользователей. Они формируют определённые общественные установки в отношении коррупции, влияют на уровень доверия к власти и восприятие эффективности государственного управления. Вместе с тем использование цифровых инструментов в антикоррупционной политике не может рассматриваться как завершённый процесс и объективно требует дальнейшего развития, нормативного уточнения и институционального сопровождения. Так, существуют коррупционные риски в госзакупках даже при размещении информации на официальном портале и проведении открытых конкурсов, ввиду того, что коррупция в этом случае может проявляться на более высоком уровне, трансформироваться в е-коррупцию («откаты», закупки, проводимые под конкретного исполнителя и др.) [230, с.12].

Цифровизация предполагает не только усиление прозрачности государственного управления, но и создание интегрированной системы

межведомственного взаимодействия, позволяющей эффективно собирать, обмениваться и анализировать большие объемы данных. Это, в свою очередь, обеспечивает возможность раннего выявления и предотвращения коррупционных рисков, а также внедрения инновационных подходов в антикоррупционную политику. В условиях цифрового общества роль государственных органов в борьбе с коррупцией существенно меняется: акцент смещается с реагирования на уже совершенные нарушения к проактивному подходу, предусматривающему способность своевременно прогнозировать и предотвращать коррупционные проявления на самых ранних стадиях.

Одним из главных преимуществ цифровых технологий является их способность предоставлять гражданам доступ к информации в реальном времени. Такие инструменты, как порталы открытых данных и электронные системы государственных закупок, обеспечивают прозрачность использования бюджетных средств, делая информацию о тендерах, контрактах и государственных расходах доступной для анализа. Например, электронная платформа государственных закупок в Казахстане (goszakur.gov.kz) позволяет отслеживать процесс проведения тендеров, что значительно снижает возможность манипуляций и коррупционных действий.

Особенность казахстанского закона в том, что его сфера действия охватывает не только государственную службу, но и частный сектор, а также квазигосударственный сектор. Субъекты квазигосударственного сектора определяются Бюджетным кодексом Республики Казахстан как государственные предприятия, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, в том числе национальные управляющие холдинги, национальные холдинги, национальные компании, учредителем, участником или акционером которых является государство, а также дочерние, зависимые и иные юридические лица, являющиеся аффилированными с ними в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан [231]. Соответственно, они являются также получателями бюджетных средств.

Статья 16 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» содержит детальную регламентацию и перечень информации, которая подлежит обнародованию обладателями информации путем её размещения на интернет-ресурсах. Пункт 10 статьи 16 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» предусматривает, что «на интернет ресурсах получателей бюджетных средств размещается информация, касающаяся использования средств, выделенных из государственного бюджета, и не отнесенная к информации с ограниченным доступом» [10].

В ходе проведения мониторинга «Центром исследования правовой политики» были изучены и проанализированы интернет-ресурсы 70 субъектов квазигосударственного сектора, которые получили бюджетные средства для выполнения государственного задания в 2016 году [232]. Было выявлено, что только 18 предприятий с государственным участием публикуют - в той или иной форме - свою финансовую отчетность на своих

сайтах. На 27-ми сайтах из 70 была опубликована информация о вакантных должностях и квалификационных требованиях к ним [233].

Сведения о расходовании средств государственного бюджета, которые по закону не относятся к информации с ограниченным доступом, на практике нередко остаются закрытыми для общественного контроля, анализа и последующего мониторинга. Такая информация зачастую отсутствует на официальных интернет-ресурсах организаций, исполняющих государственные задания, а направляемые запросы о предоставлении данных либо игнорируются, либо остаются без содержательных ответов. Между тем отсутствие отчетности о расходовании бюджетных средств, включая средства, выделенные в рамках государственных закупок, государственного социального заказа или грантового финансирования, прямо противоречит требованиям Закона Республики Казахстан «О доступе к информации», который предусматривает обязанность раскрытия сведений о бюджетных расходах.

Отдельного внимания требует категория получателей бюджетных средств, прямо упомянутая в статье 8 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации». В соответствии с Бюджетным кодексом Республики Казахстан, к получателям бюджетных средств относятся физические и юридические лица, получающие финансирование через администратора бюджетных программ и использующие его при реализации соответствующих программ [231]. К ним относятся не только коммерческие организации — участники государственных закупок, неправительственные организации, реализующие государственный социальный заказ, и средства массовой информации, исполняющие государственный информационный заказ, но и физические лица. В этой связи представляется обоснованным расширение содержания пункта 8 Закона «О доступе к информации» путем прямого включения физических лиц, получающих бюджетные средства. Поскольку все указанные субъекты распоряжаются публичными финансовыми ресурсами, они должны быть обязаны раскрывать информацию о направлениях и целях их использования.

«Центр исследования правовой политики» методом случайной выборки были выбраны для проведения мониторинга 10 НПО, 10 СМИ и 10 частных предприятий. Информация, касающаяся использования средств, выделенных из государственного бюджета, и не отнесенная к информации с ограниченным доступом, ни на одном из 30 исследуемых сайтов организаций не опубликована [234].

Частные предприятия были выбраны на сайте государственных закупок [235]. Однако у них не оказалось собственных сайтов, где можно было бы получить информацию. Так же было невозможно проследить расходование полученных средств, так как данной информации не было ни у поставщиков, ни у заказчиков.

Освоение бюджетных средств в рамках выполнения государственного задания невозможно проследить, так как информации нет в открытом доступе, что является нарушением требований действующего

законодательства Республики Казахстан при использовании средств республиканского бюджета и активов государства. НПО, получающие бюджетные средства в рамках государственного гранта или государственного социального заказа [236], не публикуют результаты своей работы отдельно по государственным грантам, также нет отдельной информации о расходовании бюджетных средств по каждому гранту.

По нашему мнению, для участия в государственной закупке каждый потенциальный поставщик помимо возможностей для оказания услуг, обязан довести до заинтересованных сторон результаты реализации проекта. Следовательно, в конкурсной документации каждой государственной закупки осуществляемой за счет бюджетных средств должно быть установлено требование о наличии у потенциального поставщика информационного ресурса, на котором будут размещена основная информация о результатах проделанной работы и ее стоимости, как этого требует закон РК «О доступе к информации».

Все это подтверждает факт того, что принятый закон «О доступе к информации» не соблюдается в полной мере.

В заключение можно отметить, что цифровые технологии сегодня фактически становятся опорным элементом прозрачности и доступности информации, а значит — важным инструментом модернизации государственного управления и противодействия коррупции. Использование искусственного интеллекта, блокчейна, больших данных и других IT-решений позволяет не только ускорить предоставление государственных услуг, но и повысить их качество и проверяемость. Опыт Казахстана показывает, что развитие электронного правительства, мобильных сервисов и цифровых платформ заметно упрощает взаимодействие граждан с государством и снижает административные барьеры, однако при этом сохраняются проблемы, связанные с формальным исполнением требований об открытости и недостаточной прозрачностью расходования бюджетных средств. Разрыв между нормативными установками и практикой их применения указывает на необходимость дальнейшего обновления законодательства, более глубокой интеграции цифровых инструментов и усиления межведомственного взаимодействия. В перспективе именно системное развитие цифровых решений способно укрепить принципы открытого правительства, повысить доверие к государственным институтам и сформировать подотчетную и современную информационную среду.

3.3 Право на доступ к информации и цифровизация правовой системы: вызовы и направления развития

Право на доступ к информации является неотъемлемым элементом демократического общества и гарантией прозрачности деятельности государственных органов. Обеспечение этого права способствует реализации принципов верховенства закона, гражданского участия и подотчетности

власти. В современном правовом поле доступ к информации регулируется комплексом национальных нормативных правовых актов и международных обязательств, принятых Республикой Казахстан.

Национальное законодательство, в частности Закон Республики Казахстан «О доступе к информации» [10], закрепляет механизмы реализации права на доступ к информации, устанавливает права и обязанности субъектов правоотношений в данной сфере, а также определяет основания для ограничения доступа к информации. Вместе с тем, несмотря на наличие правовой базы, практика применения законодательства выявляет ряд проблем, включая избыточные ограничения доступа к информации, несовершенство процедурных механизмов, а также отсутствие эффективных инструментов обжалования отказов в предоставлении информации [237, р.183].

Анализ существующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о необходимости его совершенствования в целях устранения нормативных пробелов и повышения эффективности механизмов защиты права на доступ к информации.

С точки зрения объекта безопасности, информация является стратегическим ресурсом и критическим элементом для его функционирования, поэтому она должна быть должным образом защищена на каждом этапе её обработки: от получения до передачи, хранения, анализа или использования, с соблюдением всех элементов конфиденциальности. Вопросы информационной безопасности всегда были в центре внимания государства. Надёжные, точные и актуальные данные всегда важны для принятия государственных решений, особенно в области безопасности, как внешней, так и внутренней. Этот широкий подход является прямым следствием определения концепции функций информационной безопасности, которая обусловлена важными характеристиками современного общества.

С момента обретения независимости Республика Казахстан ведет активную работу по совершенствованию информационно-цифрового законодательства, формируя нормативно-правовую базу, регулиующую цифровые технологии и доступ к информации. Основные принципы защиты персональных данных, информационной безопасности и свободного распространения информации закреплены в Конституции Республики Казахстан [1], в частности в статьях 18 и 20, которые гарантируют защиту частной жизни, тайну переписки, право на доступ к информации и возможность ее распространения законными способами.

Важную роль в регулировании цифровой сферы играет Закон Республики Казахстан «Об информатизации» [66] от 24 ноября 2015 года, который расширил сферу правового регулирования по сравнению с аналогичным законом 2007 года, охватив вопросы развития и эксплуатации объектов информатизации, государственную поддержку отрасли информационно-коммуникационных технологий. Закон подвергся множественным изменениям, что свидетельствует о его динамическом

развитии в ответ на технологические вызовы. В целом за период с 2016 по 2023 год в его редакцию было внесено 22 изменения.

Закон Республики Казахстан «О доступе к информации» [10] от 16 ноября 2015 года, принятый для реализации конституционного права на получение и распространение информации, также претерпел 16 изменений, что свидетельствует о необходимости его адаптации к современным реалиям. Кроме того, в сфере информационно-цифрового регулирования действуют такие нормативные акты, как Закон «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [238], Закон «О государственных услугах» [239] и ряд других.

Смысл концепции информационной безопасности определяется состоянием отсутствия угроз, понимаемым как предоставление информации неавторизованным лицам. Этот термин также используется для обозначения всех действий, систем и методов, направленных на защиту информационных ресурсов, собираемых, обрабатываемых и хранимых для обмена между ведомствами. Свобода движения информации, в сочетании с рациональным и законным разделением, связана с её защитой от нежелательного раскрытия, модификации или уничтожения. Законная уверенность субъекта в качестве и доступности получаемой информации распространяется на объект, который может подвергаться риску потери информационных ресурсов или получения информации ненадлежащего качества [240, р.63].

Основой системы информационной безопасности являются информационные методы и технологии, которые окружены социальными, этическими, культурными, научными, экономическими и политическими сферами [241, р.3]. Каждая из них генерирует другие виды угроз, которые обладают своей спецификой и могут отдельно влиять на состояние национальной безопасности. Эти сферы создают отдельную национальную подсистему информационной безопасности. Поэтому её необходимо защищать двумя способами: с помощью универсальных решений, применимых ко всем уровням, и специфических — для каждой сферы отдельно. Угрозы информационной безопасности носят межотраслевой характер и могут затрагивать все сектора страны.

Цифровая безопасность является одной из самых чувствительных областей национальной и международной информационной безопасности, которая носит межотраслевой характер и влияет на эффективность всей государственной структуры [242, р.184]. В таком подходе информационная безопасность определяется содержанием киберпространства, государством и процессами, направленными на обеспечение безопасного функционирования Республики Казахстан в информационном пространстве за счёт использования собственных внутренних данных и эффективной защиты национальных интересов во внешней среде. Эти цели достигаются за счёт обеспечения адекватных информационных ресурсов и защиты от враждебной дезинформации и пропаганды [243].

В рейтинге стран по национальному индексу кибербезопасности Казахстан занял 78-е место из 176 в мире. Индекс РК составил 48,05%

(максимально возможный — 100%), уровень цифрового развития населения достиг 60,18%. Индекс национальной кибербезопасности — глобальный оперативный индекс, измеряющий готовность стран предотвращать киберугрозы и управлять киберинцидентами [244].

Казахстан движется в сторону систематизации цифрового законодательства, что подтверждается принятием Цифрового кодекса от 9 января 2026 года №255-VIII ЗРК.

Совершенствование информационно-цифрового законодательства в Казахстане является необходимостью в связи с развитием технологий и цифровых угроз. Важными направлениями дальнейшей работы являются усиление защиты персональных данных, ужесточение ответственности за цифровые преступления, правовое регулирование искусственного интеллекта и беспилотных технологий, а также внедрение единого цифрового кодекса, объединяющего разрозненные нормы законодательства в данной сфере.

Цифровизация в праве, цифровизация права и правовая система уже являются объективной реальностью. В то же время анализ источников по данной теме позволяет говорить о двух аспектах понимания этих понятий: цифровизация в праве как процесс, приведший к возникновению новых правоотношений и формированию нового правового института — информационного права, а также цифровизация права как технический и технологический процесс «оцифровки» самой правовой системы, включающий появление и расширение онлайн-сервисов для юридических лиц, создание открытых электронных правовых баз данных и многое другое [246].

Кибербезопасность сегодня все чаще рассматривается как самостоятельная и крайне значимая сфера, напрямую связанная с защитой информации и данных от несанкционированного доступа, неправомерного использования и уничтожения. В условиях цифровой реальности, когда государственное управление, бизнес, образование и частная жизнь во многом зависят от информационных технологий, вопросы безопасности в онлайн-среде перестают быть второстепенными и выходят на первый план.

При этом понятие «кибербезопасность» не сводится исключительно к защите данных в узком смысле. Речь идет о более широком комплексе мер, включающем предупреждение и отражение кибератак, обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации. В данную сферу входят защита персональных данных, противодействие фишингу и мошенничеству, борьба с вредоносным программным обеспечением, обеспечение безопасного поведения в социальных сетях, а также предотвращение кибершпионажа [247].

Цифровая среда формирует для пользователей и организаций целый спектр угроз. К их числу относятся вирусы, троянские программы, вредоносные коды, атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS), а также кража персональных данных, фишинг и иные формы социальной инженерии. Отдельной проблемой становится распространение дезинформации и

фейковых новостей, которое подрывает доверие к цифровым источникам и институтам власти.

Казахстан, как и большинство государств, не является исключением и сталкивается с собственными уязвимостями в киберпространстве. Одной из наиболее заметных проблем остается низкий уровень осведомленности пользователей о базовых правилах цифровой безопасности. Особенно это характерно для молодежи, которая активно использует интернет-ресурсы, но зачастую недооценивает связанные с этим риски. Параллельно фиксируется рост киберпреступлений, включая хакерские атаки, фишинг, кибермошенничество и незаконное использование персональных данных. Использование преступниками современных технологий лишь усиливает уязвимость национальной киберинфраструктуры[248].

Несмотря на определенные шаги, предпринятые в последние годы, в сфере кибербезопасности Казахстана сохраняются проблемы нормативного и институционального характера. Часть действующих законодательных актов не в полной мере учитывает темпы технологического развития и новые формы цифровых угроз, что снижает эффективность правового регулирования. Дополнительные сложности создает недостаточная согласованность действий государства и частного сектора, а также размытость распределения ответственности между ними.

В этих условиях обеспечение кибербезопасности требует более системного подхода, основанного на реальном партнерстве государства и бизнеса. Государственным органам необходимо формировать и реализовывать комплексные политики, ориентированные не только на реагирование на инциденты, но и на профилактику угроз, повышение цифровой грамотности населения и укрепление устойчивости киберпространства в целом. Государственные организации должны активно работать над совершенствованием законодательства, а также разрабатывать стратегии и планы по обеспечению кибербезопасности. Важно гарантировать наличие достаточных финансовых и человеческих ресурсов для эффективной реализации этих стратегий.

Однако государство не может в одиночку решить все проблемы кибербезопасности. Частный сектор также должен активно участвовать в обеспечении безопасности в цифровую эпоху. Это включает разработку и внедрение передовых технологий, инвестирование в обучение сотрудников, создание сетей сотрудничества и обмен информацией о киберугрозах [249].

Скандалы в финансовой индустрии и глобальный экономический кризис, охвативший страну в 2009 году, привели к утрате доверия людей к способности защищать свои личные финансы. Сатоши Накамото и технические и математические эксперты искали новые децентрализованные подходы к финансовым транзакциям, которые могли бы устранить ограничения традиционных банковских систем и обеспечить возможность прямых платежей и обмена ценностями. Майк Шварц сравнил мощь блокчейна со способностью машин к коммуникации и его влияние на мир – с такими устройствами, как двигатель внутреннего сгорания, телефон,

компьютер и интернет, которые радикально изменили наше представление о работе технологий [250, p.14].

Блокчейн, по сути, представляет собой базу данных, схожую с реестром, которая децентрализована и доступна многим компьютерам в сети. Хотя изначально он использовался для защиты криптовалютных транзакций, впоследствии эта технология нашла применение в различных сферах. Блокчейн может быть использован в разных отраслях для создания долгосрочных данных, которые невозможно изменить после записи, что соответствует принципу «целостности», изложенному в Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023 - 2029 годы [203].

Принцип функционирования блокчейна основан на ином подходе к хранению и обработке информации по сравнению с классическими базами данных. Если в традиционных системах данные структурируются в виде таблиц и централизованно управляются, то в блокчейне информация разбивается на отдельные технические блоки, которые последовательно связываются между собой в единую цепочку. Каждый такой блок содержит набор данных и программных элементов (алгоритмов, скриптов), обеспечивающих их обработку и доступ к ним.

После формирования блока содержащаяся в нем информация проходит процедуру криптографической обработки. В результате создается уникальный цифровой хеш, который зависит от всех входящих данных. Этот хеш включается в следующий блок, тем самым формируя непрерывную и логически связанную цепочку. Любое изменение информации в одном блоке автоматически приводит к изменению хеша, что делает вмешательство легко обнаружимым.

Особенностью блокчейна является распределённый характер хранения данных. Копии цепочки размещаются на множестве узлов сети, что исключает наличие единого центра управления и повышает устойчивость системы. Для внесения изменений требуется согласие большинства участников сети, иначе такие попытки блокируются. Если один из узлов фиксирует несоответствие данных, остальные участники сети не подтверждают изменение, что позволяет сохранить целостность и достоверность информации. Именно за счет этой распределённости и взаимного контроля блокчейн рассматривается как технология, обеспечивающая высокий уровень надежности и защищенности данных. Блокчейн гарантирует безопасность и стабильность за счет хранения новых блоков как в линейном, так и в хронологическом порядке. Если данные в блоке изменяются путем изменения хеша информации, это приведет к несоответствию всей цепочки, и изменения не будут приняты сетью, так как хеш окажется в неверном положении.

Благодаря способности хранить неизменяемую информацию и историю транзакций, данная технология позволяет фиксировать различные типы данных, включая юридические документы и сведения об инвентаризации.

Пользователи блокчейна могут в реальном времени получать доступ к биткойнам благодаря децентрализации транзакций в цепочке.

Хотя блокчейн не является полностью неуязвимой технологией и может содержать уязвимости в коде, атаки, такие как «51 %», требуют контроля над большинством сети и быстрых действий, что затруднено высокой скоростью хеширования в сетях. Например, в сети Биткойна скорость хеширования 21 апреля 2023 года составила 348,1 в секунду (с 18 нулями) [251].

Установление правового регулирования блокчейн-технологий в Республике Казахстан, как и в любой другой стране, является сложной задачей по нескольким причинам. Начнем с того, что это относительно новая технология, и многие аспекты все еще изучаются. Это означает, что законодательство должно быть достаточно гибким, чтобы адаптироваться к быстро меняющемуся технологическому ландшафту. Однако техническая сложность может вызвать еще больше трудностей, особенно когда не хватает потенциальных сотрудников, способных разобраться в технических деталях блокчейна. Это требует специальных знаний, которых может не хватать законодателям и регулирующим органам [252, p.139].

Развитие информационного общества в сочетании с расширением Интернета сопровождается проникновением в другие сферы человеческой деятельности. Всемирное сетевое покрытие и возможность мгновенного доступа практически из любой точки Земли, в сочетании с низкими эксплуатационными расходами, побуждают государственные организации, компании и частных лиц переводить свою повседневную деятельность в киберпространство [253, p.780].

Киберпространство становится виртуальным отражением физической реальности, и развитие научных сетей создаёт чувство анонимности, но также может использоваться для распространения фальсификаций, дезинформации и для незаконной деятельности преступников, террористов или некоторых государств.

Развитие информационных технологий значительно опережает развитие национального законодательства, создавая правовой вакуум в регулировании новых цифровых процессов. Законы не успевают за технологическими инновациями, что приводит к ряду проблем, включая отсутствие эффективных механизмов защиты данных, пробелы в регулировании цифровых платформ, а также сложности в обеспечении кибербезопасности. Быстрое внедрение искусственного интеллекта, блокчейна и других передовых технологий требует гибкой и оперативной законодательной реакции, однако текущие нормативные акты часто устаревают уже на этапе их принятия. Это создает вызовы как для государственных органов, так и для бизнеса и граждан, вынуждая их действовать в условиях правовой неопределенности. Для эффективного регулирования цифровой среды необходима системная модернизация законодательства с учетом международного опыта и передовых технологических тенденций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование правового регулирования обеспечения доступа к информации на национальном и международном уровнях позволило выявить ключевые тенденции, проблемы и перспективы развития данной сферы. В современном обществе доступ к информации является неотъемлемой частью демократического управления, инструментом обеспечения прозрачности деятельности государственных органов и гарантией реализации других фундаментальных прав человека.

В рамках проведённого исследования проанализированы правовые механизмы, регулирующие доступ к информации в Республике Казахстан, с выявлением их положительных аспектов и существующих проблем. Отдельное внимание было уделено вопросам правоприменительной практики, основаниям и пределам ограничения доступа к информации, а также эффективности действующих механизмов защиты нарушенного права. Существенное значение имел сравнительный анализ национального регулирования с международными стандартами и зарубежной практикой, что позволило выявить как точки сближения, так и проблемные расхождения.

По итогам исследования сформулированы выводы и практико-ориентированные рекомендации, направленные на совершенствование национального законодательства и его более последовательную гармонизацию с международными стандартами в сфере доступа к информации. Обобщённые результаты подтверждают, что развитие данной сферы требует не фрагментарных мер, а комплексного подхода, включающего обновление нормативной базы, институциональное укрепление механизмов контроля и активное вовлечение гражданского общества в процессы реализации и защиты права на доступ к информации.

В качестве основных выводов проведённого исследования следует отметить:

1. В ходе исследования обосновано, что понятие «информация» не может иметь универсального определения, поскольку ее содержание, свойства и правовая природа варьируются в зависимости от конкретной отрасли регулирования. В разных правовых сферах информация обладает специфическими характеристиками, что требует индивидуального подхода к ее определению и правовому регулированию. Так, в гражданском праве информация часто рассматривается как нематериальный объект, имеющий экономическую ценность, например, в случае коммерческой тайны или интеллектуальной собственности. В административном праве информация регулируется в контексте государственных данных, их хранения, использования и раскрытия, что проявляется, например, в законодательстве о доступе к информации. В уголовном праве информация может быть объектом преступного посягательства, включая распространение ложных сведений, киберпреступления или незаконное использование персональных данных. В медицинской сфере информация занимает особое место, поскольку затрагивает персональные данные пациентов, врачебную тайну и

сведения о состоянии здоровья, то есть наиболее чувствительные аспекты частной жизни человека. Именно поэтому такие сведения требуют усиленного и специально выстроенного правового режима защиты, исключающего произвольный доступ и неправомерное использование.

Подобный дифференцированный подход в целом позволяет сделать правоприменение более точным и взвешенным, учитывая специфику информации в разных сферах — от государственного управления и предпринимательской деятельности до защиты персональных данных и обеспечения национальной безопасности. Это дает возможность избегать формального регулирования и учитывать реальное содержание и значимость информации в каждом конкретном случае.

2. Признание информации самостоятельным объектом гражданских прав позволяет выстроить более взвешенный баланс между свободой оборота данных и необходимостью их правовой охраны, что в условиях цифровизации экономики приобретает особую значимость. Включение охраняемой и коммерчески значимой информации в систему объектов гражданских прав представляется логичным и востребованным шагом, направленным на устранение существующих пробелов и повышение уровня правовой определенности.

Такой подход создает реальные предпосылки для развития информационных правоотношений в гражданском обороте, обеспечивает более четкую защиту интересов правообладателей и формирует понятные механизмы правоприменения. В конечном счёте это способствует развитию правовой системы, способной адекватно реагировать на современные технологические и экономические вызовы.

3. Во-первых, предлагается внести изменения в пункт 4 статьи 8 Закона Республики Казахстан «О доступе к информации», изложив его в следующей редакции: «4) юридические и физические лица, получающие бюджетные средства, – в части раскрытия информации о расходовании средств, выделенных из государственного бюджета».

Во-вторых, следует обязать всех участников государственных закупок, а также иных получателей бюджетных средств, раскрывать данные о целевом использовании выделенных средств путем обязательного опубликования информации в средствах массовой информации или на официальных сайтах своих организаций. Это обеспечит гражданам доступ к информации о расходовании бюджетных ресурсов, повысит уровень прозрачности и ответственности получателей средств, а также снизит риски их нецелевого использования.

4. Обоснована необходимость внедрения искусственного интеллекта и технологии больших данных для автоматизированного анализа закупочных процедур и выявления коррупционных схем. Искусственный интеллект позволит выявлять аномалии в тендерах, такие как повторяющиеся победы одних и тех же компаний, резкие отклонения в стоимости контрактов и манипуляции на этапах исполнения договоров. Применение предиктивной аналитики позволит прогнозировать потенциальные нарушения и выявлять

недобросовестных подрядчиков еще до заключения контрактов. Использование блокчейн-технологий обеспечит защиту тендерных данных от изменений и манипуляций, а также создаст возможность аудита в режиме реального времени, автоматически выявляя несоответствия требованиям.

Примеры успешных внедрений подобных систем в других странах, таких как Украина (ProZorro), США (AI-аналитика GSA), показывают, что внедрение цифровых технологий в сферу госзакупок способствует снижению уровня коррупции, увеличению экономии бюджетных средств, повышению конкуренции среди участников тендеров и оптимизации процесса рассмотрения заявок. Опыт этих стран демонстрирует необходимость законодательного закрепления автоматизированных процедур закупок, включая обязательное участие квазигосударственного сектора в единой платформе, введение автоматизированной оценки тендеров без субъективного вмешательства, а также интеграцию закупочной системы с антикоррупционными органами для мониторинга в режиме реального времени.

Таким образом, создание единой цифровой платформы для госзакупок и закупок квазигоссектора с внедрением автоматизированного анализа с применением искусственного интеллекта позволит повысить прозрачность, эффективность и подотчетность расходования государственных средств. Эти меры будут способствовать укреплению доверия граждан к государственным институтам, снижению коррупционных рисков и обеспечению экономии бюджетных ресурсов.

5. Обязательное раскрытие информации о соглашениях с иностранными инвесторами соответствует законодательству Республики Казахстан и отвечает интересам общества в обеспечении прозрачности и подотчетности использования национальных ресурсов. Полагаем, что с учетом вышеуказанного, подлежит корректировке пункт 9) статьи 6 Закона «О доступе к информации» должен быть дополнен и изложен в следующей редакции – «о формировании и расходовании средств из республиканского и местного бюджетов, в том числе содержание соглашений с иностранными инвесторами за исключением сведений, содержащих государственные секреты».

6. Международная практика Великобритании, Канады, Австралии и Эстонии наглядно демонстрирует, что функционирование института информационного комиссара оказывает заметное влияние на повышение подотчётности государственных органов, сокращение нарушений в сфере предоставления информации и укрепление доверия граждан к публичной власти. Наличие независимого контролирующего органа позволяет перевести вопросы доступа к информации из формально-декларативной плоскости в сферу реального правоприменения.

Уполномоченный по доступу к информации в таком формате выполняет не только надзорные, но и превентивные функции. К числу его полномочий относятся рассмотрение жалоб граждан и организаций на отказы в предоставлении информации, проведение проверок и расследований при

выявлении нарушений, подготовка рекомендаций по совершенствованию законодательства, а также организация обучающих и разъяснительных мероприятий для государственных служащих и населения. Создание данного института обеспечивает независимый контроль за соблюдением законодательства, снижает нагрузку на судебную систему за счёт досудебного разрешения споров и повышает уровень прозрачности деятельности государственных органов.

Для практической реализации этой инициативы требуется внесение изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О доступе к информации», с чётким закреплением правового статуса, полномочий и гарантий независимости информационного комиссара. Введение данного института может стать важным этапом развития национальной правовой системы, способствующим более полной реализации конституционного права граждан на доступ к информации, укреплению принципов открытости и подотчётности власти, а также росту общественного доверия к государственным институтам.

7. В целях минимизации рисков злоупотреблений и обеспечения баланса между обеспечением национальной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан, представляется целесообразным пересмотреть статью 41-1 Закона «О связи». Внесение изменений должно предусматривать, что любые решения о приостановке сетей связи, предоставлении услуг или ограничении доступа к интернет-ресурсам могут приниматься исключительно на основании судебного решения, с обязательной оценкой необходимости, соразмерности и последствий таких ограничений. Данная мера будет соответствовать принципам верховенства права, международным стандартам и обязательствам Республики Казахстан в сфере прав человека.

Сформулированные выводы в целом укладываются в поставленные цель и задачи исследования и подтверждают необходимость комплексного анализа правового регулирования доступа к информации, выявления существующих пробелов и обращения к международному опыту. В работе обоснована потребность в обновлении национального законодательства с учётом международных стандартов и вызовов цифровой экономики, с акцентом на правовое понимание информации, поиск баланса между её открытостью и защитой, усиление подотчётности государственных органов и использование цифровых инструментов. Предложенные меры по устранению нормативных пробелов и совершенствованию правоприменения носят прикладной характер и могут способствовать укреплению гарантий права на доступ к информации, защите общественных интересов и росту доверия граждан к государственным институтам, обеспечивая тем самым сближение национальной правовой системы с международными подходами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&show_di=1 18.05.2024
- 2 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Единство народа и системные реформы - прочная основа процветания страны» (г. Нур-Султан, 1 сентября 2021 года). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33082373&pos=63;-10#pos=63;-10 17.10.2023
- 3 Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> 17.10.2023
- 4 Закон Республики Казахстан от 28 января 2025 года № 161-VIII «О ратификации Марракешского договора об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35925023 24.02.2025
- 5 Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> 17.10.2023
- 6 Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010760&pos=4;-106#pos=4;-106 17.10.2023
- 7 Мендель Т. Свобода информации: Сравнительное правовое исследование. <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/unesco/2008/ru/141073> 17.10.2023
- 8 Banisar D. Linking ICTs, the Right to Privacy, Freedom of Expression and Access to Information // East African Journal of Peace & Human Rights. – 2010. – Vol. 16, № 1. – P.124-154
- 9 Darbishire H. Ten Challenges for the Right to Information in the Era of Mega-Leaks. <https://www.access-info.org/wp-content/uploads/CriticalPerspectivesonRightofAccessstoInfoHelenDarbishire.pdf> 18.05.2024
- 10 Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 401-V «О доступе к информации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.). https://continent-online.com/document/?doc_id=39415981&mode=p&page=2 14.10.2024
- 11 Нестерова Е.В. Правовой режим информации и прав на нее по законодательству Республики Казахстан // <https://legalpro.kz/pravovoj-rezhim-informaczii-i-prav-na-nee-po-zakonodatelstvu-respubliki-kazahstan> 18.05.2024
- 12 Абдрасулова Г.Э. Актуальные вопросы международного сотрудничества Республики Казахстан в сфере гражданско-правового

оборота информации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2018. – №5(54). – С.77-82.

13Әміржан К.Ж. Доступ к информации как ключевой элемент проведения административной реформы в Казахстане // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – №2 (18). – С.154 -156

14Ережепқызы Р. Правовое регулирование доступа общественности к информации в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов (сравнительный анализ национального международного законодательства): дис. ... PhD / Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – Алматы, 2014. – 155 с. Инв. № 0618РК00476

15Жумабаева Г.А. Сөз еркіндігі мен ғаламтор желісіне ақпаратқа қол жеткізу құқығының конституциялық кепілдіктері: PhD ... дис. / Қазақ Орыс Халықаралық Университеті. – Ақтөбе, 2023. – 139 б. Инв. № 0623РК00050

16Жексембаева Н.Е. Қазақстан Республикасын цифрландыру жағдайында адамның ақпараттық құқықтары: PhD ... дис: 6D030100 – Алматы: 2024. – 154б.

17Шарафутдинов Д.Ф. Правовое регулирование участия общественных организаций в получении и распространении экологической информации: автореф. ... канд.юрид.наук.:12.00.06. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. - 24 с. Инв. №0407РК00498

18Шакенов М.А. Правовое регулирование информационного пространства: автореф. ... канд.юрид.наук.:12.00.01. – Астана: Казахский гуманитарный-юридический университет, 2009. – 30 с. Инв. №0409РК00372

19Ибрагимов А.Т. Конституционно-правовые основы обеспечения свободы доступа к информации о деятельности органов государственного управления Республики Казахстан: автореф. ... канд.юрид.наук. – Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2010. – 26 с. Инв. №0410РК00186

20Жатқанбаева А.Е. Теоретические проблемы конституционно-правового обеспечения информационной безопасности в Республике Казахстан: автореф. ... док.юрид.наук. – Алматы: Казахский национальный университет им.аль-Фараби, 2009. – 46 с. Инв. №0509РК00276

21Анализ проекта Закона Республики Казахстан «О доступе к информации» по индикаторам Глобального рейтинга свободы информации (RTI). - Алматы, 2015 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32387437&pos=1;-16#pos=1;-16 18.05.2024

22Правовой обзор. Особенности правового регулирования и правоприменительной практики права на свободу слова и выражения мнения в Республике Казахстан // <https://school.cabar.asia/ru/books/pravovoj-obzor-osobennosti-pravovogo->

[regulirovanija-i-pravoprimeritelnoj-praktiki-prava-na-svobodu-slova-i-vyrazhenija-mnenija-v-respublike-kazahstan/](#) 18.05.2024

23Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года № 567-III «О связи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.01.2025 г.). https://continent-online.com/Document/?doc_id=1049207&mode=p&page=5 18.02.2025

24Чернавский Д.С. Синергетика и информация. – М., 2001. // <https://gigabaza.ru/doc/147198.html> 18.05.2024

25Винер Н. Мое отношение к кибернетике, ее прошлое и будущее. – М.: Советское радио, 1969. – 24 с.

26Лысак И.В. Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению. // <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsiya-kak-obschenauchnoe-i-filosofskoe-ponyatie-osnovnye-podhody-k-opredeleniyu>) 18.05.2024

27Прокурин А.С. Понятие правовой информации как основы информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета, Юриспруденция. – 2016. – № 1(30). – С 51-57.

28Москвин С.С. Теоретические проблемы системы правовой информации в СССР: автореф. ... док.юрид.наук. – М., 1977. – 38 с.

29Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 21-е, перер. и доп. – М.: Рус. Яз., 1989. – 924 с.

30Викисловарь // <https://ru.wiktionary.org/> 18.05.2024

31Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Международное право и информационная безопасность государства: монография. – СПб.: СПбГИКиТ, 2016. – 396 с.

32Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=1776;-51#pos=1776;-51 18.05.2024

33Информация как объект гражданского права // <https://lex-pravo.ru/blog/informatsiya-kak-obekt-grazhdanskogo-prava/> 18.05.2024

34Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года № 435-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568&pos=1355;-47#pos=1355;-47 18.05.2024

35Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // https://continent-online.com/Document/?doc_id=30415161#pos=2591;-42 18.05.2024

36Модельный Гражданский кодекс для государств - участников СНГ (часть первая) (г. Санкт-Петербург, 29 октября 1994 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30073642&sub_id=230000&pos=457;-54#pos=457;-54 18.05.2024

- 37Самохвалов А.А. Информация как объект гражданских прав // Право: Теория и Практика». – 2003. – № 15. <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1503/4.html> 18.05.2024
- 38Городов О.А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. – 2013. – № 6. – С. 96–107
- 39Суханов Е.А. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии: интервью с Сухановым Е.А. <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/> 18.05.2024
- 40Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики/Под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2015. – С. 345
- 41Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. – 2018. – № 5. – С. 29–33.
- 42Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. – Астана, 2018. – 640 с.
- 43Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – №3 – С.5-16.
- 44Чеботарева, А.А. Информационное право: учеб.пособие / под ред. А.А. Чеботарева. — М.: Юридический институт МИИТа, 2014. — 160 с.
- 45Савельев Д.А. Информационное право и электронное государство. Вводный курс: учебное пособие. – СПб: НИУ ИТМО, 2012. – 71 с.
- 46Баранова Н.Б. Конституционное право граждан на информацию и его реализация в Российской Федерации: дис. ... канд.юрид.наук. – Пенза, 2005. – С. 141.
- 47Saba R. El derecho de la persona a acceder a la información en poder del gobierno // Derecho comparado de la información. – 2004. – Vol.(3). – P.145-185. (translation by Ackerman & Sandoval)
- 48Villanueva E. 2003. El derecho de acceso a la información pública en Latinoamérica. URL: <http://ru.juridicas.unam.mx/xmlui/handle/123456789/10111> 18.05.2024
- 49Bovens M. Information Rights: Citizenship in the Information Society // Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol.10(3). – 36 p.
- 50Kaufmann D., Vishwanath T. Toward transparency: New approaches and their application to financial markets // World Bank Research Observer. – 2001. – Vol.16(1). – P.41-57.
- 51Rose-Ackerman S., Palifka B.J. Corruption and government: Causes, consequences, and reform. Cambridge university press, 2016. URL: <http://surl.li/jfugkw> 18.05.2024
- 52Andre O.O. An Assessment of the Freedom of Information Act (2011) based on Article 19 Model of International Principles and Standards // Journal of Commercial and Property Law. – 2022. – Vol.9(2). – P.46-57.
- 53Пашенко И.Я. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации // <https://clck.ru/3EwR24> 18.05.2024
- 54Vleugels R. Overview of all FOIA laws. Center for Media Freedom and Responsibility. 2013 // URL: <https://ru.scribd.com> 18.05.2024

55 Шевердяев С.Н. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства // Актуальные проблемы обеспечения доступа к информации. – М.: Институт проблем информационного права, 2004. – С. 217-270.

56 Горбачев М.С. L'Humanité. 1986. 8 Закат цензуры в Советской Латвии 1985-1990 гг. // Проверено 20 октября 2014 года по <http://www.leidykla.eu/> 18.05.2024

57 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.03.2020 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30396131 18.05.2024

58 Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. Фонд №10050 // Путеводитель. Том 3. 1997 // http://gshdes.msarc.lives.ru/bshwse/gbfond.html?bid=203&fund_id=1162522 18.05.2024

59 Печковский П.В. Цензура в печати. История ограничения доступа к информации в советской России // Вестник БГУ. – 2015. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-v-pechati-istoriya-ogranicheniya-dostupa-k-informatsii-v-sovetskoj-rossii> 18.05.2024

60 Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики (Алма-Ата, 25 октября 1990 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000230&pos=5;-106#pos=5;-106 18.05.2024

61 Жолдыбай К. О свободе слова. // <https://mysl.kazgazeta.kz/news/13849> 18.05.2024

62 Указ Президента Республики Казахстан от 15 апреля 1992 г. № 717 О неотложных мерах по защите средств массовой информации органов государственной власти и управления, государственного книгоиздания в период перехода к рыночным отношениям (утратил силу) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001103&pos=3;-57#pos=3;-57 18.05.2024

63 Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І. «О средствах массовой информации» (утратил силу) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000451> 18.05.2024

64 Казахстанская журналистика: из века в век переходя // <https://kazpravda.kz/n/kazahstanskaya-zhurnalistika-iz-veka-v-vek-perehodya/> 18.05.2024

65 Закон Республики Казахстан от 08 мая 2003 года «Об информатизации» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1039543 18.05.2024

66 Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года «Об информатизации» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> 18.05.2024

67 Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 года. План нации - 100 конкретных шагов // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> 18.05.2024

68Открытое правительство // <https://www.nitec.kz/ru/proekty/otkrytoe-pravitelstvo> 18.05.2024

69Диденко О. Обзор закона Республики Казахстан «О доступе к информации» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35514157&pos=11;-43#pos=11;-43 18.05.2024

70Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 года № 145. Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000145> 18.05.2024

71Nurgalieva E.N., Syrlybaeva F.M. Informational legal relations in Kazakhstanian laborlaw // Science. – 2020. – Vol. 1, № 1. – P.25–29.

72Abdymomynov G. Prerequisites for the formation of information law in Kazakhstan // VI International Congress of Young Scientists, Eurasian Technological University. – Almaty, 2019. – P.34–36.

73Шаханов В.В. Границы действия правовых принципов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 360.

74Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 497 с.

75Закон Республики Казахстан от 13 января 2025 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации, общественного участия, государственных наград и исключения излишней законодательной регламентации» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31801041&pos=103;-49#pos=103;-49 18.05.2024

76Парламент Казахстана ратифицировал Марракешский договор ВОИС // https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=21&news_id=160747 18.05.2024

77Mendel T. Freedom of Information: A Comparative Legal Survey. – Second Ed., rev. and updated. – UNESCO, 2008. – P.167

78Jorgensen O., Access to Information in the Nordic Countries: A comparison of the laws of Sweden, Finland, Demark, Norway and Iceland and international rules. – trans Steve Harris. – Nordicon: University of Gothenburg, 2014. – 40 p.

79Нарушения свободы слова в Казахстане с 5 по 13 декабря 2024 г. // <https://adilsoz.kz/weekly-monitoring/narusheniya-svobody-slova-v-kazahstane-s-5-po-13-dekabrya-2024-g-.html> 18.05.2024

80Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2025 г.)

81Годовой отчет о состоянии сферы доступа к информации в Республике Казахстан // <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/documents/details/678995?lang=ru> 18.05.2024

82Riekkinen M., Suksi M. Access to information and documents as a human right. – Turku/Åbo: Åbo Akademi University, Institute for Human Rights, 2015. – 214p.

83Резолюция 59(I) Генеральной Ассамблеи ООН «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации». <https://medialaw.asia/document/-430> 18.05.2024

84Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007545 18.05.2024

85Окинавская Хартия глобального информационного общества (Принята 22 июля 2000 года лидерами стран G8, Окинава). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023802&pos=2;-86#pos=2;-86 18.05.2024

86Забара И.Н. Становление и развитие концепции права на информацию в науке и практике международного права // Информационное право. – 2013. – №5. – С. 3-6.

87Janssen K. Open Government Data and the Right to Information: Opportunities and Obstacles // The Journal of Community Informatics. – 2012. – Vol. 8, № 2. – 6p.

88Bishop Cheryl Ann. Internationalizing the right to know: conceptualizations of access to information in human rights law: a dissertation submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill. – Chapel Hill, 2009. – 268 p.

89Blanton T. The world's right to know // Foreign Policy. – 2002. – P.50-58.

90Bentham J. The Works of Jeremy Bentham. – Edinburgh: William Tait, 1843. – 1144 p.

91Spano R. Universality or diversity of human rights? Strasbourg in the age of subsidiarity // Human Rights Law Review. – 2014. – Vol.14(3). – P.487-502.

92Mitee L.E. The right of public access to legal information: a proposal for its universal recognition as a human right // German Law Journal. – 2017. – Vol.18(6). – P.1429-1496.

93Regina v. Chambers England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Oct 17, 2008 // <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b46f20c2c94e0775e7f14ea> 18.05.2024

94United Nations Convention Against Corruption, Oct. 31, 2003, 2349 U.N.T.S. 41, available at <http://www.unodc.org/pdf/crime/convention-corruption/signing/Convention-e.pdf> 18.05.2024

95The United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, June 3-14, 1992, Rio Declaration on Environment and Development, U.N. Doc. A/CONF.151/26 (Aug. 12, 1992), available at <http://www.un.org/documents/galconf151/aconfl5126-lannex1.htm>. 18.05.2024

96Convention on Access to Information, Public Participation in Decision Making and Access to Justice in Environmental Matters, June 25, 1998, 2161

U.N.T.S. 447 (entered into force Oct. 30, 2001), available at <http://www.unece.org/env/pp/documents/cep43e.pdf>. 18.05.2024

97Obama, B. (n.d.). Memorandum on transparency and open government. // http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment/ 18.05.2024

98The White House. 2009. Open government directive. // http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/assets/memoranda_2010/m10-06.pdf 18.05.2024

99Weinstein J. Transforming multilateralism: Innovation on a global stage // Stanford Social Innovation Review. – 2013. – p.3 –7.

100 OGP. (2012). Open Government Partnership: Articles of governance. // http://www.opengovpartnership.org/sites/default/files/attachments/OGP%20ArticlesGov%20March%2019%202014_1.pdf 18.05.2024

101 Vasani D. 2013. Improving the OGP experience. lessons from OGP member countries. OGP Civil Society Hub. <http://www.ogphub.org/media/ImprovingtheOGPExperience.pdf> 18.05.2024

102 Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. «Об утверждении Государственной программы "Цифровой Казахстан» (утратил силу) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> 18.05.2024

103 Peled R., Rabin Y. The constitutional right to information // Colum. Hum. Rts. L. Rev. – 2010. – Vol. 42. – P. 357.

104 Do Freedom of Information Laws Decrease Corruption? 7 (2007), <http://mpr.aub.unimuenchen.de/3560> 18.05.2024

105 Walker, K.L. International Law as a Tool of Constitutional Interpretation // SSRN Electronic Journal. – 2002. – 26p. 10.2139/ssrn.319921

106 Hussain A. UN. Commission on Human Rights. Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. <https://digitallibrary.un.org/record/250257?v=pdf> 18.05.2024

107 Walby K., Larsen M. Access to information and freedom of information requests: neglected means of data production in the social sciences // Qualitative Inquiry. – 2012. – Vol.18(1). – P.31-42.

108 Arendt H., May N. The origins of totalitarianism. – Boston: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1958. – 576p.

109 Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39605365&pos=16;-55#pos=16;-55 18.05.2024

110 Амиржан К.Ж. Институты гражданского общества в контексте обеспечения права граждан на доступ к информации // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2011. – №3. – С.23. <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-grazhdanskogo-obschestva-v-kontekste-obespecheniya-prava-grazhdan-na-dostup-k-informatsii>

111 Жанузакова Л.Т. Проблемы допустимости ограничений в регулировании и реализации политических прав и свобод личности в

Республике Казахстан // Российское право онлайн. – 2021. – №1. – С.68-76.
<https://doi.org/10.17803/2542-2472.2021.17.1.068-076>

112 Гайдаш А.В., Садырова Г.Н. Правовая природа соглашения о разделе продукции // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38649394&pos=6;-106#pos=6;-106 18.05.2024

113 Дьяченко С. Нефтяные концессионные соглашения // Нефть, газ, право. – 1996. – № 4 (10). – С. 52.

114 Мамышев Ж. В Казахстане потребовали раскрыть условия соглашений по Тенгизу, Карачагану и Кашагану. <https://kz.kursiv.media/2024-06-25/zhnb-moretengefromtengiz/> 18.05.2024

115 Трубачева Т. Есть ли фамилия Назарбаева в соглашениях с иностранными инвесторами, разрабатывающими нефтегазовые месторождения. <https://kz.kursiv.media/2024-07-25/print1044-ttr-sharingagreement/> 18.05.2024

116 На пути к прогрессу: действия стран по обеспечению прозрачности контрактов. <https://eiti.org/ru/blog-post/na-puti-k-progressu-deystviya-stran-po-obespecheniyu-prozrachnosti-kontraktov> 18.05.2024

117 Токаев поручил продлить СПП-контракты по энергоносителям на более выгодных условиях. <https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-poruchil-prodlit-srp-kontrakty-po-energonositelyam-na-bolee-vygodnykh-usloviyakh> 18.05.2024

118 Городов О.А. Информационное право: учебник. – М.: Проспект, 2009. – 256 с.

119 Копылов В.А. Информационное право. Вопросы теории и практики. – М: Юристъ, 2003. – 623 с.

120 Фатьянов А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды. // Государство и право. – 1998. – №6. – С. 5-14

121 Жатканбаева А.Е., Алибаева Г.А. К вопросу о квалификации информации с ограниченным доступом. // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2015. – Vol.1, №353 – P.147-153.

122 Digay, D., Nurmukhankyzy, D., Alzhankulova, S., Zhumagulov, T., Kamidenova, K. Ensuring the Right of Access to Information Due to the Need to Increase the Level of Information Security and Protect Public Interests // SDGsReview. – 2025. – Vol.5. – P.1-17

123 Жумагулова А.Б. Казахстанский фонд «Адил соз» о проблеме свободы слова // <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/142> 18.05.2024

124 Казахстан в международных рейтингах 2013 года // https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-international-rankings/25234486.html?utm_source=chatgpt.com 18.05.2024

125 Казахстан занял 134 место в рейтинге стран по уровню свободы прессы // www.nur.kz/politics/universe/2019231-kazakhstan-zanyal-134-mesto-v-reytinge-stran-po-urovnyu-svobody-pressy/ 18.05.2024

126 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 08.02.2025

- 127 Закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 93-VIII «О масс-медиа». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38665430 18.05.2024
- 128 Закон Республики Казахстан от 2 октября 2023 года № 30-VIII ЗРК «Об общественном контроле». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000030> 18.05.2024
- 129 Обзор о ситуации с правами человека в Республике Казахстан (Министерство юстиции Республики Казахстан, г. Астана, 2024 год). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38696898&pos=239;-38#pos=239;-38 18.05.2024
- 130 Конвенция о правах ребенка Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml 18.05.2024
- 131 Жумабаев Е.Ж. Международно-правовые стандарты в области гарантии судебной защиты прав человека // Известия ВУЗов (Кыргызстан). – 2011. – № 5. – С. 246-248
- 132 Малько А.В., Субочев В.В. Гарантии осуществления законных интересов. // Правоведение. – 2007. – №6. – С.146.
- 133 Жукенов А.С. Развитие и совершенствование информационных технологий в судебной системе. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36921454&pos=3;230#pos=3;230 18.05.2024
- 134 Идрышева С. К. Конституционный принцип судебной защиты и его реализация на практике. 2024. <chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpcgclefindmkaj/http://repository.kazguu.kz> 18.05.2024
- 135 Совместный приказ Министра финансов Республики Казахстан от 20 ноября 2015 года № 576, Министра юстиции Республики Казахстан от 25 января 2016 года № 34, Генерального Прокурора Республики Казахстан от 20 января 2016 года № 6, Министра иностранных дел Республики Казахстан от 30 ноября 2015 года № 11-1-2/539, Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 14 января 2016 года № 17 и Министра внутренних дел Республики Казахстан от 25 ноября 2015 года № 962. «Об утверждении Правил составления и доведения до государственных органов перечня организаций и лиц, связанных с финансированием терроризма и экстремизма» (утратил силу 21.09.2020 года) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500013007> 18.05.2024
- 136 Суд на вопрос «Почему?» просто ответил «Потому!» (ПРЕСС-РЕЛИЗ). https://bureau.kz/publ-all/sobstvennaya_informaciya/na_vopros_otvetil_potomu/ 18.05.2024
- 137 Определение Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны № 7119–18–00–2/11945 от 13.08.2018 г. // Архив Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны за 2018 г.

138 Абдрасулов Е.Б. Роль судебной системы Республики Казахстан в защите прав человека // <https://sud.gov.kz/kaz/node/347> 18.05.2024

139 Гражданское дело № 1138-20-00-2/227 от 12.03.2020 // <https://sb.prg.kz/lawsuits/2386137> 18.05.2024

140 Дмытро Котляр. Доступ к информации. Обзор законодательства стран ОЭСР // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31673372&pos=6;-106#pos=6;-106 18.05.2024

141 Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml 18.05.2024

142 Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 года N 92-II ЗРК «О ратификации Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000092> 18.05.2024

143 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml 18.05.2024

144 Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года N 31-IV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031> 18.05.2024

145 Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2001 года N 1733 «Об утверждении Соглашения об обмене информацией в сфере образования государств-участников Содружества Независимых Государств» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010001733> 18.05.2024

146 Digay D., Nurmukhankyzy D., Taubayev B. Comparative analysis of international legal regulation and practice of foreign countries in providing access to information: integration of regulatory and practical approaches. // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Law Series. –2024. - №1(146). – P. 223 -232.

147 Исмаилова Р., Баймуханов Т., Салманова Р. Открытое правительство как основное направление оценки эффективности взаимодействия государственного органа с гражданами // Вестник КазНУ. Серия Экономическая. – 2021. – Т. 136. – №. 2. – С. 94-107.

148 Peled A. When Transparency and Collaboration Collide: The USA Open Data Program // Journal of the American Society for Information Science and Technology. – 2011. – Vol.62(11). – P. 2085-2094. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/asi.21622>

149 Centre for Public Impact Building world-beating e-government in South Korea. – 2016. <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/building-a-world-leading-e-government/#nav-1> 18.05.2024

150 Исследование по открытости бюджета 2023 // <https://internationalbudget.org/ru/open-budget-survey/country-results/2023/kazakhstan> 18.05.2024

151 Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года. Казахстан в новой реальности: время действий // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000002020> 18.05.2024

152 Арапова С.Г., Качалкина К.Г., Котов Д.В., Куликов А.В., Мнайдарова Е.В., Нуртдинов Э.Р., Розе Н.Ш., Шуликова Л.С. Настольная книга организатора проекта «Бюджет народного участия». Научно-популярное издание. – Нур-Султан: LEM, 2021. – 112 с.

153 Бюджет народного участия: как граждане РК могут влиять на развитие своих городов и сёл? // <https://ranking.kz/reviews/socium/byudzheth-narodnogo-uchastiya-kak-grazhdane-rk-mogut-vliyat-na-razvitiie-svoih-gorodov-i-syol.html> 18.05.2024

154 Выяснилось, насколько популярен у казахстанцев проект «Бюджет народного участия» // <https://www.inbusiness.kz/ru/last/vyyasnilos-naskolko-populyaren-proekt-byudzheth-narodnogo-uchastiya> 18.05.2024

155 Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам (принята Комитетом Министров 27 ноября 2008 г. на заседании заместителей Министров иностранных дел № 1042-бис) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30931916&pos=6;-106#pos=6;-106 18.05.2024

156 Digay D.A., Tleshaliyev N.D., Persheyev A.S. International experience and national peculiarities of protection of the right to access to information: comparative legal analysis // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева Серия Право. –2024. - №1 (149). – С. 216 - 234.

157 Тазиева М.М. Анализ конституционно-правовых основ права граждан на доступ к информации о деятельности органов государственной власти в Соединенных штатах америки // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – Т.3. – С.175-180. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-3-175-180>

158 Hood, C. Transparency in historical perspective // The Proceedings of the British Academy. – 2006. – Vol.135. – P.3–23

159 Banisar, D. Freedom of information around the world 2006: A global survey of access to government information laws. London: Privacy International. http://www.right2info.org/resources/publications/publications/publications_banisar_freedom-of-information-around-the-world.-a-global-survey-of-access-to-government-information-laws. 18.05.2024

160 Bentham, J. On publicity // The works of Jeremy Bentham / J. Bowring (Ed.). – 1836. – Vol.6. – P.310–317

161 Bunyan T. Secrecy and openness in the European Union: The ongoing struggle for freedom of information. Freedominfo.org. 2002. Retrieved from <http://www.freedominfo.org/2002/09/case-study-secrecy-and-openness-in-the->

[european-union-the-ongoing-struggle-for-freedom-of-information-by-tony-bunyan-statewatch/](#) 18.05.2024

162 Michener G. FOI laws around the world // *Journal of Democracy*. – 2011. – Vol.22(2). – P.145–159.

163 Braman, S. *Change of state: Information, policy, and power*. Cambridge, MA: MIT Press, 2006. // https://www.researchgate.net/publication/353726474_Change_of_State_Information_Policy_and_Power 18.05.2024

164 Schudson M. *The Rise of the Right to Know: Politics and the Culture of Transparency, 1945–1975*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. – 368p.

165 Centre for Law and Democracy & Access Info Europe. RTI rating data analysis series: Overview of results and trends. 2013. Retrieved from <http://www.right2info.org/resources/publications/publications/rti-rating-data-analysis-series-cld-and-aie-2013> 18.05.2024

166 Middleton K.R., Less W.E. *The law of public communication* (8th ed.). – San Francisco: Pearson, 2012. – 656p.

167 U.S. Code § 552 - Public information; agency rules, opinions, orders, records, and proceedings // <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/552> 18.05.2024

168 Hazell R., Worthy B. Assessing the performance of freedom of information // *Government Information Quarterly*. – 2010. – Vol.27. – P.352–359.

169 Roberts A. Structural pluralism and the right to information // *University of Toronto Law Journal*. – 2001. – Vol.262. – P.243–271

170 Holsen S., Pasquier M. What's wrong with this picture? The case of access to information requests in two continental federal states—Germany and Switzerland // *Public Policy and Administration*. – 2012. – Vol.27. – P.283–302.

171 Darch C., Underwood P. *Freedom of information in the developing world: The citizen, the state and models of openness*. – Oxford: Chandos, 2010. – 336 p.

172 Mendoza M. *AP impact: Right-to-know laws often ignored*, Associated Press. 2011. Retrieved from <http://newsok.com/article/feed/318348> 18.05.2024

173 Access Info Europe. 6 question campaign. 2011. Retrieved from https://www.access-info.org/wp-content/uploads/6QC_Report_Publication_version_September_2011.pdf 18.05.2024

174 Mason M. Information disclosure and environmental rights: The Aarhus Convention // *Global Environmental Politics*. – 2010. – Vol.10(3). – P.10–31.

175 Access Info Europe. (2011). 6 question campaign. Retrieved from https://www.access-info.org/wp-content/uploads/6QC_Report_Publication_version_September_2011.pdf 18.05.2024

176 Media Rights Agenda. (2010). Ask and you may receive: Report from monitoring of access to information in West Africa, Africa FOI Centre. Retrieved from http://issuu.com/jenniferonyejekwe/docs/ask_and_you_may_receive 18.05.2024

177 Gill, J., Hughes, S. Bureaucratic compliance with Mexico's new access to information law // *Critical Studies in Media Communication*. – 2005. – Vol.22(2). – P.121–137.

178 Burt, J., Cagley, C. Access to information, access to justice: The challenges to accountability in Peru // *International Journal of Human Rights*. – 2013. – Vol.10(18). – P.75–96

179 Szekely, I. Central and Eastern Europe: Starting from scratch // *The right to know* / A. Florin (Ed.). – New York: Columbia University Press, 2007. – pp.116–142.

180 Camaj L. From “window dressing” to “door openers”? Freedom of information legislation, public demand, and state compliance in emerging democracies // 65th annual International Communication Association (ICA) conference “Communication Across the Life Span”. – San Juan, Puerto Rico: *Government Information Quarterly*, 2015. – P.346–357.

181 Roberts A. *Blacked out: Government secrecy in the information age*. New York: Cambridge University Press, 2006. – 336p.

182 Snell R. FOI and the delivery of diminishing returns, or how spin-doctors and journalists have mistreated a volatile reform // *The Drawing Board: An Australian Review of Public Affairs*. – 2002. – Vol.2(3). – P.187–207.

183 Sharma A. State transparency after the neoliberal turn: The politics, limits, and paradoxes of India's Right to Information Law // *PoLAR: Political and Legal Anthropology*. – 2013. – Vol.36(2). – P.308–325.

184 Webb M. Activating citizens, remaking brokerage: Transparency activism, ethical scenes, and the urban poor in Delhi // *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. – 2012. – Vol.35(2). – P.206–222.

185 Darch C., Underwood P.G. Freedom of information legislation, state compliance and the discourse of knowledge: The South African experience // *The International Information and Library Review*. – 2005. – Vol.37. – P.77–86.

186 Stubs R. Freedom of information and democracy in Australia and beyond // *Australian Journal of Political Science*. – 2008. – Vol.43(4). – P.667–684

187 Worthy B. More open but not more trusted? The effects of the Freedom of Information Act 2000 on the United Kingdom central government // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. – 2010. – Vol.23(4). – P.561–582

188 Julnes P., Holzer M. Promoting the utilization of performance measures in public organizations: An empirical study of factors affecting adoption and implementation // *Public Administration Review*. – 2001. – Vol.61(6). – P.693–708.

189 Административные барьеры как источник коррупционных правонарушений в сфере госслужбы / под ред. З. Турисбекова. – Алматы: Центр исследований Сандж, 2007. – 120 с.

190 Казаченко Г.Б., Самойленко Е.В. Некоторые административные барьеры в сфере осуществления предпринимательской деятельности: анализ судебной арбитражной практики и пути преодоления административных барьеров // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 11. – С. 17.

191 Воеводскова Е.Е. Процесс возникновения административных барьеров // Economics. – 2015. – №2(3). – С. 10-13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-vozniknoveniya-administrativnyh-barierov-1>

192 Закон РК «О связи» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207&pos=1360;-7#pos=1360;-7
18.05.2024

193 Первый казахстанский интернет-шатдаун // <https://vlast.kz/obsshestvo/49623-pervyj-kazahstanskij-internet-satdaun.html>
18.05.2024

194 Digay D. Legal regulation of information on internet resources in the Republic of Kazakhstan // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. – 2024. – Vol.111(3) – P. 24–32.

195 Никитенко С.В. Анализ законности процедуры онлайн-блокировки // Матер. V Междун. сравн.-правового конгресса «Право в информационном обществе: трансформация или модернизация?». – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 181-196.

196 Письмо Администрации Президента Республики Казахстан от 9 декабря 2024 года № ЖТ-2024-06109150 «О предоставлении Указа Президента РК от 25 сентября 2024 года № 658 «Общенациональный план мероприятий по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34562699&pos=5;-33#pos=5;-33
18.05.2024

197 Письмо Администрации Президента Республики Казахстан от 19 декабря 2024 года № ЖТ-2024-06296682 «Ознакомление физических лиц с текстом Указа Президента Республики Казахстан от 25 сентября 2024 года № 658, не предусмотрено» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39139141&pos=2;-52#pos=2;-52
18.05.2024

198 Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июня 2022 года № 429 «Об утверждении Правил отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения и работы с ней» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000429> 18.05.2024

199 Лоскутов И.Ю. Проблемы доступа к информации о деятельности государственных органов в РК и пути их законодательного решения (Лоскутов И.Ю., Генеральный директор ТОО «Компания «ЮрИнфо») // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31669923&pos=1;-8#pos=1;-8
18.05.2024

200 Ответы государственных органов // <https://gb.prg.kz/question-detail/551706> 18.05.2024

201 Ответы государственных органов // <https://gb.prg.kz/question-detail/693486> 18.05.2024

202 Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> 18.05.2024

203 Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023 - 2029 годы» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> 18.05.2024

204 Интернет в сельской местности: сравниваем казахстан и мир // ranking.kz/reviews/industries/internet-v-selskoy-mestnosti-sravnivaem-kazahstan-i-mir.html 18.05.2024

205 Закон Республики Казахстан от 12 ноября 2015 года «О саморегулировании» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000390> 18.05.2024

206 Maddison Project Database website. // <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison> 18.05.2024

207 Akilzhanova L.T. et al. Analysis of state management of regional information processes in the conditions of transition of the Republic of Kazakhstan to the digital economy // Bulletin of the Karaganda university Economy series. – 2023. – Vol.112, №. 4. – P. 26-33.

208 5 лет eGov Mobile: государственные услуги и сервисы в смартфоне

https://egov.kz/cms/ru/news/5years_of_eGovMobile#:~:text=%D0%92%20eGov%20Mobile%20%D1%83%D0%B6%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D1%8B,%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B6%D0%B5%2034%20%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8%20eGov%20Business 18.05.2024

209 Bremers J. Towards Faster Implementation and Uptake of Open Government: executive summary // Communications Networks, Content & Technology / Joan Bremers, Deleu Wouter. – European Commission, 2016. – №1-50. – P. 38-45 <https://data.europa.eu/doi/10.2759/143988>

210 Стырин Е.М. Электронное правительство: стратегии формирования и развития: дис. ... канд.социол.наук. – М., 2006. – 163 с.

211 Кушерев Н.С. Развитие «Электронного правительства» в Казахстане // Право и современные государства. – 2015. – №2. – С.98-102.

212 United Nations (2012). E-Government Survey 2014. // <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/reports/un-e-government-survey-2014> 18.05.2024

213 Shahjahan B. E-Government in Kazakhstan: Challenges and Its Role to Development // Public Organization Review. – Springer, 2010. – Vol.10(1). – P.31-47 <https://ideas.repec.org/a/kap/porgrv/v10y2010i1p31-47.html>

- 214 Role of Law in E-governance. URL: <http://www.legalserviceindia.com/article/I143-Role-of-Law-in-E-governance.Html> 18.05.2024
- 215 Тихомиров Ю.А., Намба С.Б., Гаунова Ж.А. Юридическая концепция роботизации: монография / под ред. Ю.А. Тихомирова, С.Б. Намба. – М.: Проспект. – 2019. – 240 с.
- 216 Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> 18.05.2024
- 217 Деревянченко В.П. Интеграция искусственного интеллекта в системы информационной безопасности // Научный лидер. 2024. – №5(155). – С.8-11 URL: <https://scilead.ru/article/5919-integratsiya-iskusstvennogo-intellekta-v-sist> 18.05.2024
- 218 Толкачев С.В. Применение систем искусственного интеллекта в защите информации // Актуальные исследования. – 2024. – №10 (192). – Ч.І.С. 66-69. URL: <https://apni.ru/article/8611-primenenie-sistem-iskusstvennogo-intellekta>
- 219 Буряков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказуемое правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. – 2019. – № 11. – С. 79–87
- 220 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании Правительства // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva-2801458> 18.05.2024
- 221 Umnova M.G., Lyu Y. Public procurement in China: the role of digital tools and platforms in supporting small and medium-sized businesses // Russian Journal of Innovation Economics. – 2022. – Vol.12(4). – P.2087-2102. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116845>
- 222 Аналитический отчет по развитию информационно-коммуникационных технологий в Сингапуре // chrome-extension://efaidnbmninnibpcajpcgclcfndmkaj/<https://russoft.org/wp-content/uploads/2021/02/ab4160ab2a42727242e4d89f132d71f7.pdf> 18.05.2024
- 223 Искусственный интеллект теперь в «ПроЗорро» // <https://reactlogic.com.ua/en/iskusstvennyi-intellekt-teper-v-prozorro-2/> 18.05.2024
- 224 Система ProZorro получила помощника в виде искусственного интеллекта DOZORRO // https://24tv.ua/tech/ru/sistema_prozorro_poluchila_pomoshhnik_v_vide_iskusstvennogo_intellekta_dozorro_n1001651 18.05.2024
- 225 How Would Generative AI Be Used in Procurement? // <https://www.bain.com/insights/generative-ai-procurement-interactive/> 18.05.2024
- 226 Кузнецова М. В. Коррупция в сфере государственных (муниципальных) закупок // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2016. – №1(3). – С. 34–39
- 227 Кравченко А.Г., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Воронцов С.А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия

коррупции // Административное и муниципальное право. – 2020. – №6. – С.52-63.

228 Цифра против коррупции // Гайдаровский форум URL: <https://gaidarforum.ru/news/tsifra-protiv-korrupsii/> 18.05.2024

229 The role of technology and anti-corruption measures in fighting COVID-19 // United Nations Development Programme URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/blog/2020/the-role-of-technology-and-anti-corruption-measures-in-fighting-.html> 18.05.2024

230 Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – №1(171). – С. 9-13.

231 Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000401> 18.05.2024

232 Постановление Правительства Республики Казахстан №972 от 8 декабря 2015 года «О реализации Закона Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2016-2018 годы». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000972> 18.05.2024

233 «Открытое и подотчетное правительство в Казахстане: тенденции позитивные или негативные?». URL: <http://www.zakon.kz/4863403-otkrytoe-i-podotchetnoe-pravitelstvo-v.html> 18.05.2024

234 Доступ к информации в Казахстане. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о доступе к информации в соответствии с международными стандартами и рекомендациями. – Алматы, 2017 – 70 с. // <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/06/Dostup-k-informaczii.pdf> 18.05.2024

235 Портал «Государственные закупки Республики Казахстан» <http://www.goszakup.gov.kz> 18.05.2024

236 Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2005 года №36 «О государственном социальном заказе, грантах премиях для <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000036> 18.05.2024

237 Digay D., Nurmukhankyzy D., Taubayev B. Problems of compliance with constitutional guarantees of the right of access to information on the Internet as a mechanism for the development of civil society // Scientific works of the Almaty Academy of The Ministry of Internal Affairs of The Republic of Kazakhstan. – 2024. – Vol.2(79). – P.183-190.

238 Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.01.2025 г.) [18.05.2024](#)

239 Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 88-V «О государственных услугах» (с изменениями дополнениями по состоянию на 22.07.2024 г.). [18.05.2024](#)

240 Toure H.I. Cyberspace and the Threat of Cyberwar in the Quest for Cyber Peace // International Telecommunication Union and World Federation of Scientists Conference 2020. – 2020. – P.62–67.

241 Nye J.S. Cyber power. – Cambridge : Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs, 2010. – P.1-24.

242 Ginters E. New trends towards digital technology sustainability assessment // 2020 fourth world conference on smart trends in systems, security and sustainability (worlds4). – IEEE, 2020. – P. 184-189.

243 Martemucci M.G. Unpunished insults-the looming cyber Barbary wars // Case W. Res. J. Int'l L. – 2015. – Vol. 47. – P. 53.

244 В рейтинге стран по национальному индексу кибербезопасности Казахстан занял 78-е место из 176 // <https://ranking.kz/rankings/industries-rankings/v-reytinge-stran-po-natsionalnomu-indeksu-kiberbezopasnosti-kazahstan-zanyal-78-e-mesto-iz-176.html> 18.05.2024

245 Каржаубаев С.С. К вопросу о совершенствовании информационно-цифрового законодательства в Республике Казахстан // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32075206&pos=25;-19#pos=25;-19 18.05.2024

246 Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – №2(254). – С.5-17 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-tsifrovizatsiya-novye-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 11.02.2025).

247 Cavelt M., Wenger A. Cybersecurity politics. Socio-technologica 1 transformations and political fragmentation. – New York: Routledge, 2022. – 286p.

248 Jekebayeva, M., Iztaeva, V., Anassova, K., Manapbayev, N. Cybersecurity: importance for Kazakhstan and international experiences // BULLETIN of Ablai Khan KazUIR and WL Series “International Relations and Regional Studies”. – 2023. – Vol.54(4). – P.80-93

249 Белгібаев Д.Т. Ақпараттық қоғам және мәдениет // ҚазҰУ хабаршысы. Философия сериясы. Мәдениеттану сериясы. Саясаттану сериясы. – 2011. – № 1(36). – 166 б.

250 Blockchain technologies and IP ecosystems: A WIPO white paper. — Switzerland: World Intellectual Property Organization, 2022. — 189 p.

251 Blockchain Facts: What Is It, How It Works, and How It Can Be Used. — [Electronic resource]. — Access mode: www.investopedia.com/terms/b/blockchain.asp 18.05.2024

252 Zhamburbayeva S., Ilyassova G. A. The realization of the “Concept of digital transformation, development of the information and communication technologies and cybersecurity industry for 2023–2029” by implementing blockchain in the technologies of the Republic of Kazakhstan and the prob // Bulletin of the Karaganda University “Law Series”. – 2024. – Vol.11629, №. 4. – P.137-145.

253 Berdykulova G.M. Cyber risk management in digital environment: Case of Kazakhstani bank // International Journal of Engineering and Advanced Technology. – 2019. – Vol. 8, №. 5. – P. 777-782.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Проект сравнительной таблицы

О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам доступа к информации

№ п/п	Пункт НПА	Действующая редакция	Предлагаемая редакция	Обоснование вносимых изменений
Гражданский кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 268-ХІІІ.				
1	П.2 ст. 115	2. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество.	2. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы, охраняемая информация и другое имущество.	Внесение изменений в пункт 2 статьи 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан необходимо для учета современных экономических реалий, в которых охраняемая информация стала ценным активом. Включение данного термина устранил правовую неопределенность, обеспечив защиту коммерческой тайны, баз данных и других нематериальных активов, имеющих экономическую ценность. Это соответствует международной практике, где информация признается объектом имущественных прав, подлежащих обороту и

				защите. Учитывая развитие цифровой экономики, правовое закрепление охраняемой информации в составе имущества обеспечит дополнительные гарантии ее владельцам, в том числе возможность защиты от незаконного использования. Таким образом, данное изменение позволит усилить правовую защиту нематериальных активов и повысит уровень правовой определенности в хозяйственной деятельности.
О связи Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года N 567.				
2	П.1-2 ст. 41-1	В случаях, не терпящих отлагательств и могущих привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, подготавливаемых и совершаемых преступной группой, Председатель Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, его заместители или начальники территориальных органов Комитета национальной безопасности Республики Казахстан либо лица, их замещающие, вправе приостанавливать работу сетей и (или) средств связи, оказание услуг связи, доступ к интернет-ресурсам и (или)	В случаях, не терпящих отлагательств и могущих привести к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, подготавливаемых и совершаемых преступной группой, Председатель Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, его заместители или начальники территориальных органов Комитета национальной безопасности Республики Казахстан либо лица, их замещающие, вправе приостанавливать работу сетей и (или) средств связи, оказание услуг связи, доступ к интернет-ресурсам и	Внесение изменений в статью 41-1 Закона о связи необходимо для усиления правовых гарантий и предотвращения злоупотреблений при ограничении доступа к сетям и интернет-ресурсам. Требование предварительной санкции суда обеспечит соблюдение принципов законности и защиты прав граждан, исключая возможность необоснованного

		<p>размещенной на них информации в интересах всех субъектов оперативно-розыскной деятельности с последующим уведомлением уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа и Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в течение двадцати четырех часов.</p> <p>Порядок приостановления работы сетей и (или) средств связи, оказания услуг связи, доступа к интернет-ресурсам и (или) размещенной на них информации определяется совместным нормативным правовым актом субъектов оперативно-розыскной деятельности и уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа по согласованию с Генеральной прокуратурой Республики Казахстан.</p>	<p>(или) размещенной на них информации только на основании предварительно полученной санкции суда в интересах всех субъектов оперативно-розыскной деятельности с последующим уведомлением уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа и Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в течение двадцати четырех часов.</p> <p>Порядок приостановления работы сетей и (или) средств связи, оказания услуг связи, доступа к интернет-ресурсам и (или) размещенной на них информации определяется совместным нормативным правовым актом субъектов оперативно-розыскной деятельности и уполномоченных органов в областях связи, масс-медиа по согласованию с Генеральной прокуратурой Республики Казахстан.</p>	<p>ограничения свободы информации. Это соответствует международным стандартам прав человека, где вмешательство в цифровую среду допускается только по решению независимого судебного органа. Введение судебного контроля также повысит прозрачность решений силовых структур и снизит риски неправомерного ограничения доступа к информации. Таким образом, предлагаемая поправка обеспечит баланс между обеспечением национальной безопасности и защитой конституционных прав граждан.</p>
<p>О доступе к информации Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 401-V ЗРК.</p>				
3	П.13 ст.1	отсутствует	<p>13) Информационный комиссар (омбудсмен по информации) — это независимый государственный орган или должностное лицо, наделенное полномочиями по контролю за соблюдением законодательства о доступе к информации и защите персональных данных. В разных</p>	<p>Включение информационного комиссара в Закон о доступе к информации необходимо для обеспечения независимого контроля за соблюдением права граждан на получение информации и защиту персональных данных. Данный</p>

			<p>странах он выполняет функции надзора за информационной прозрачностью государственных органов и частных компаний, обеспечения защиты прав граждан в сфере информации.</p>	<p>институт способствует повышению прозрачности деятельности государственных органов и частных компаний, а также эффективному рассмотрению жалоб на нарушения информационного законодательства. Международный опыт показывает, что наличие информационного омбудсмана способствует снижению бюрократических барьеров и обеспечивает гражданам реальный механизм защиты их прав. Кроме того, независимый комиссар сможет содействовать совершенствованию законодательства и формированию культуры открытости в государственном управлении. Таким образом, его введение усилит гарантию реализации права на доступ к информации и повысит доверие общества к государственным институтам.</p>
4	П.9 ст. 6	9) о формировании и расходовании средств из республиканского и местного бюджетов, за исключением сведений, содержащих государственные секреты;	9) о формировании и расходовании средств из республиканского и местного бюджетов, в том числе содержание соглашений с иностранными инвесторами за	Включение в закон требования раскрытия информации о содержании соглашений с иностранными инвесторами повышает прозрачность

			исключением сведений, содержащих государственные секреты;	расходования бюджетных средств и снижает риски коррупции. Это позволит гражданам и экспертному сообществу контролировать условия привлечения иностранных инвестиций и их влияние на экономику страны. Кроме того, такая мера соответствует международной практике обеспечения открытости государственных финансов и защиты национальных интересов.
5	Ст. 6-3	отсутствует	<p>Статья 6-3. Компетенции информационного комиссара</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. рассмотрение жалоб на отказ в предоставлении информации; 2. мониторинг исполнения закона государственными органами; 3. представление ежегодного отчёта об уровне информационной открытости в стране. 	<p>Введение компетенций информационного комиссара обеспечит эффективный механизм контроля за соблюдением законодательства о доступе к информации и защитой прав граждан. Мониторинг исполнения закона и рассмотрение жалоб позволят оперативно выявлять нарушения, а ежегодный отчет повысит прозрачность работы государственных органов. Такая практика соответствует международным стандартам и способствует укреплению доверия общества к государственным институтам.</p>

6	П. 4 ст. 8	4) юридические лица, являющиеся получателями бюджетных средств, – в части информации, касающейся использования средств, выделенных из государственного бюджета;	4) юридические и физические лица, являющиеся получателями бюджетных средств, – в части информации, касающейся использования средств, выделенных из государственного бюджета;	Расширение круга субъектов, обязанных раскрывать информацию о расходовании бюджетных средств, на физических лиц (индивидуальных предпринимателей) усилит прозрачность и контроль за государственным финансированием. Это позволит предотвратить возможные злоупотребления при предоставлении субсидий, грантов, государственных закупок и других форм бюджетной поддержки. Обеспечение доступа к таким данным соответствует принципам открытого управления и международным стандартам финансовой отчетности. В результате общество получит дополнительные механизмы контроля за целевым использованием государственных средств.
О государственных закупках Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года № 106-VIII ЗРК.				

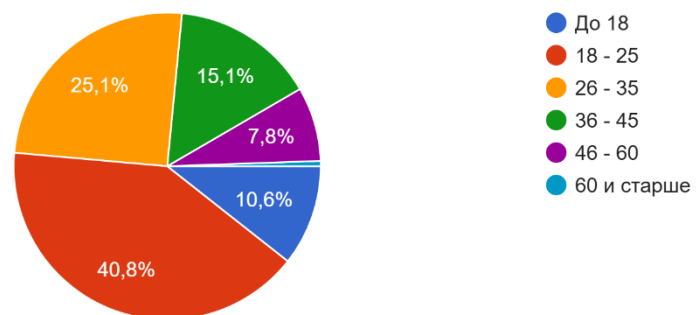
7	Пп.6 п.1 ст. 11	отсутствует	б) иметь информационный ресурс (личный сайт, интернет страница) или договор с СМИ для публикации информации о расходовании бюджетных средств	Обязательное наличие информационного ресурса или договора с СМИ для публикации данных о расходовании бюджетных средств обеспечит прозрачность и подотчетность государственных закупок. Это позволит гражданам, бизнесу и общественным организациям контролировать эффективность использования бюджетных средств и предотвращать коррупционные риски. Публичное освещение государственных расходов соответствует международным стандартам открытого управления и повышает доверие к государственным институтам. Кроме того, такой механизм упрощает доступ к информации и способствует развитию конкурентной среды в сфере государственных закупок. В результате увеличится эффективность бюджетных расходов и снизятся риски непрозрачных сделок.
---	-----------------------	-------------	--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты социологического опроса

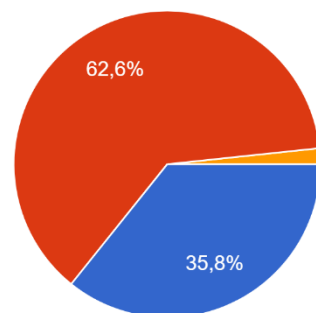
Ваш возраст:

179 ответов

Ваш пол:

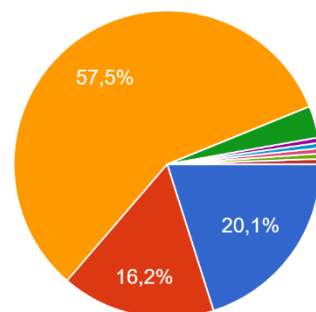
179 ответов

- Мужской
- Женский
- Предпочитаю не указывать

Ваш уровень образования:

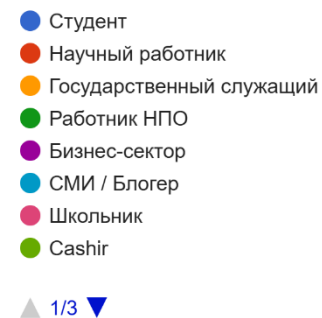
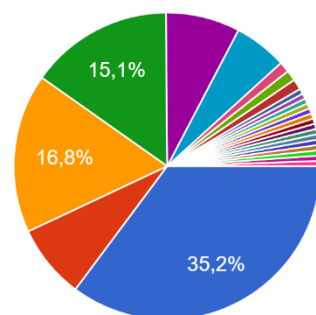
179 ответов

- Среднее
- Среднее специальное
- Высшее
- Научная степень
- Школьник
- Высшее не оконченное
- Неоконченное высшее
- В процессе обучения на высшее
- Учу высшую

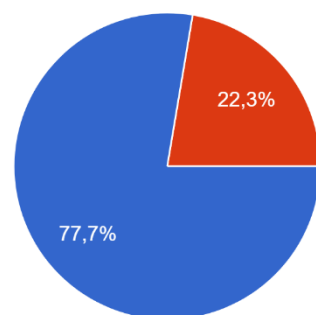
Ваша основная деятельность:

179 ответов

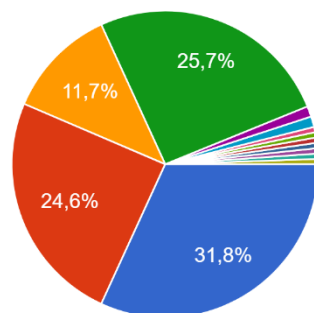
Знаете ли вы о существовании закона, регулирующего доступ к информации в вашей стране?

179 ответов

Как вы узнали об этом праве?

179 ответов

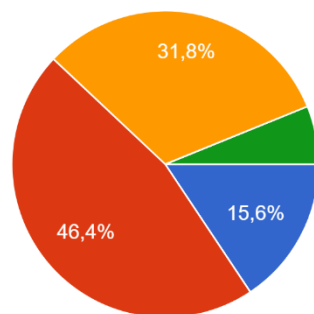

- Через СМИ
- Из образовательных материалов
- Через личный опыт
- От друзей / коллег
- Не знала
- Не знаю
- Не знал
- Из данного опросника

▲ 1/2 ▼

Насколько вы считаете себя информированным о своем праве на доступ к информации?

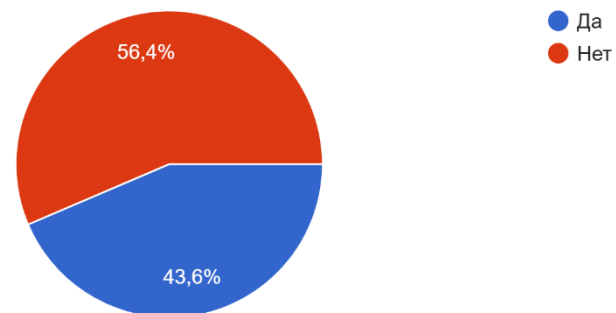
179 ответов

- Очень хорошо осведомлен
- Достаточно осведомлен
- Не очень осведомлен
- Не осведомлен

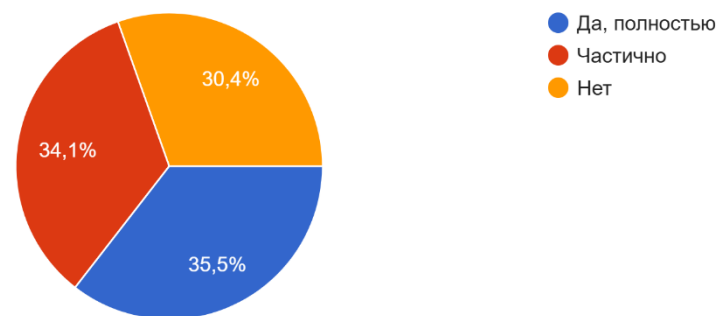
Обращались ли вы за информацией к государственным органам?

179 ответов

Если да, был ли ваш запрос удовлетворен?

138 ответов

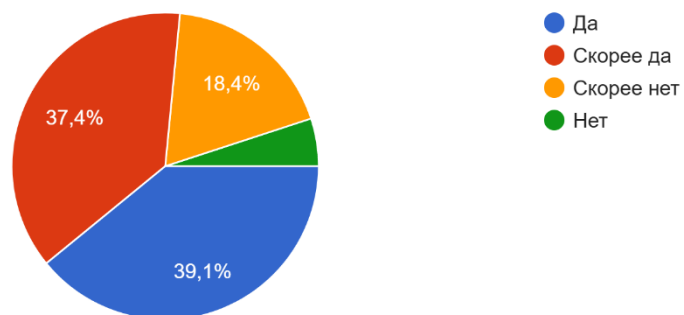
С какими трудностями вы столкнулись при запросе информации?

179 ответов

Считаете ли вы, что доступ к информации способствует прозрачности государственной власти?

179 ответов

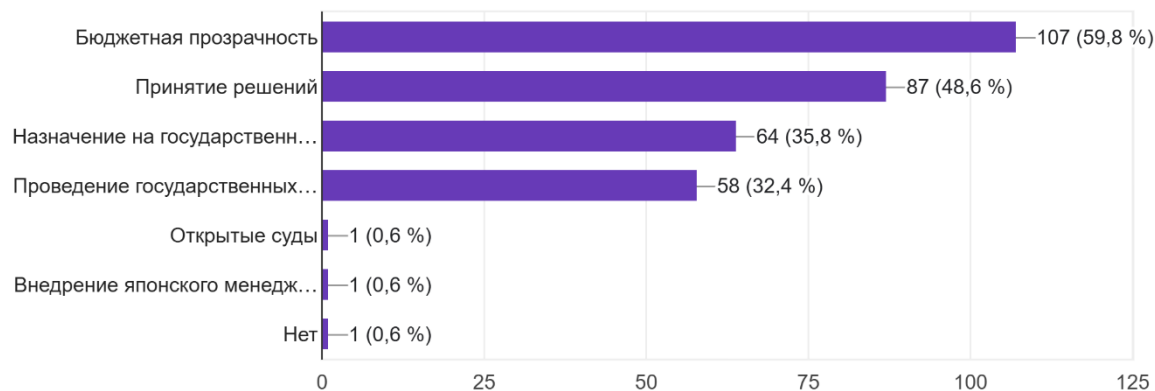

Какие аспекты государственной прозрачности, на ваш взгляд, можно улучшить за счет доступа к информации?

- А. Бюджетная прозрачность – 59,8%
- Б. Принятие решений – 48,6%
- В. Назначение на государственные должности – 35,8%
- Г. Проведение государственных закупок – 32,4%
- Д. Открытые суды – 0,6%
- Е. Внедрение японского менеджмента – 0,6%
- Ж. Нет – 0,6%

Какие аспекты государственной прозрачности, на ваш взгляд, можно улучшить за счет доступа к информации?

179 ответов

Какие источники информации вы используете для получения данных о деятельности государственных органов?

А. Официальные сайты – 71,5%

Б. Запросы через порталы (например, «Открытое правительство») – 20,1%

В. Публикации в СМИ – 40,2%

Г. Личные обращения – 9,5%

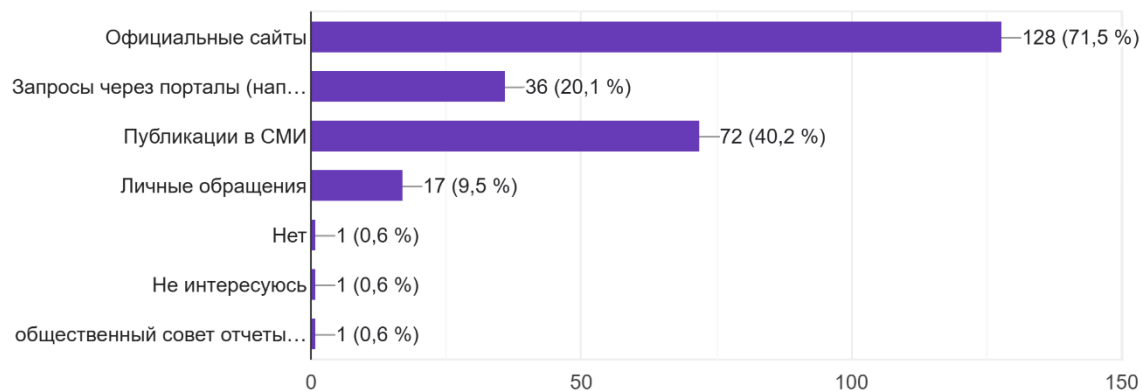
Д. Нет – 0,6%

Е. Не интересуюсь – 0,6%

Ж. Общественный совет, отчеты акимов – 0,6%

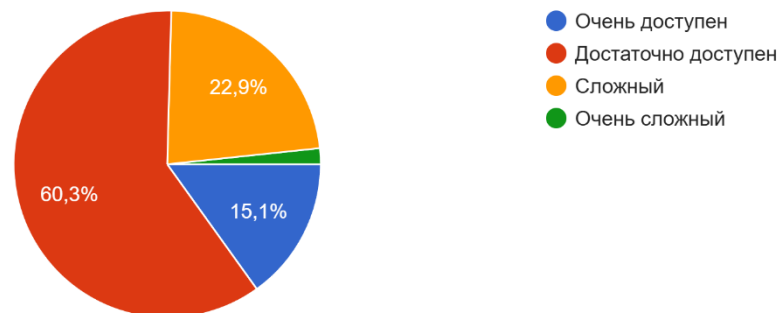
Какие источники информации вы используете для получения данных о деятельности государственных органов?

179 ответов

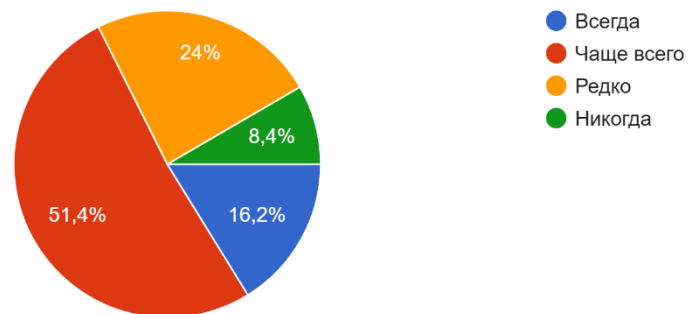
Насколько доступен и удобен процесс подачи запросов на информацию?

179 ответов

Как часто ваш запрос на доступ к информации был удовлетворен?

179 ответов

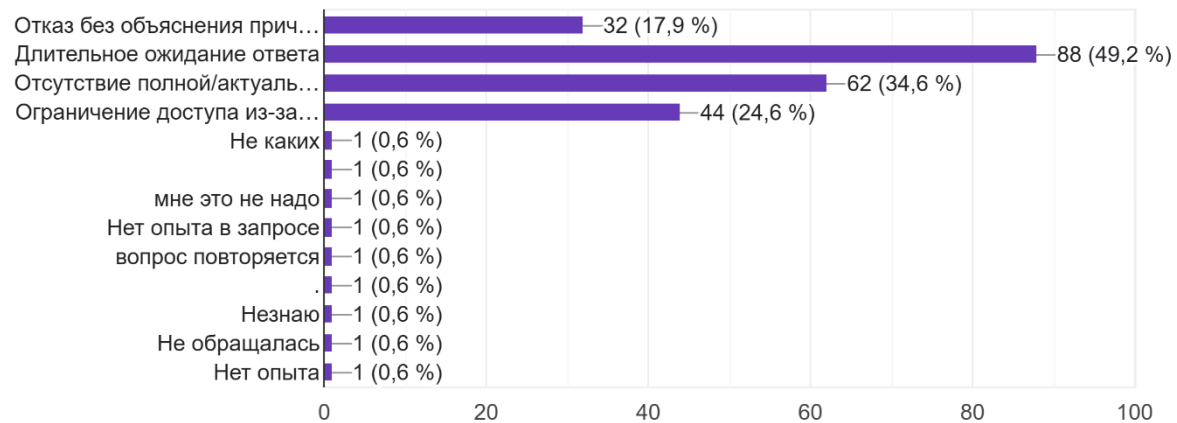

Укажите основные препятствия, с которыми вы столкнулись при запросе информации:

- А. Отказ без объяснения причин – 17,9%
- Б. Длительное ожидание ответа – 49,2%
- В. Отсутствие полной/актуальной информации – 34,6%
- Г. Ограничение доступа из-за конфиденциальности – 24,6%
- Д. Не каких – 0,6%
- Е. Мне это не надо – 0,6%
- Ж. Нет опыта в запросе – 0,6%
- З. Вопрос повторяется – 0,6%
- И. Не знаю – 0,6%
- К. Не обращалась – 0,6%
- Л. Нет опыта – 0,6%

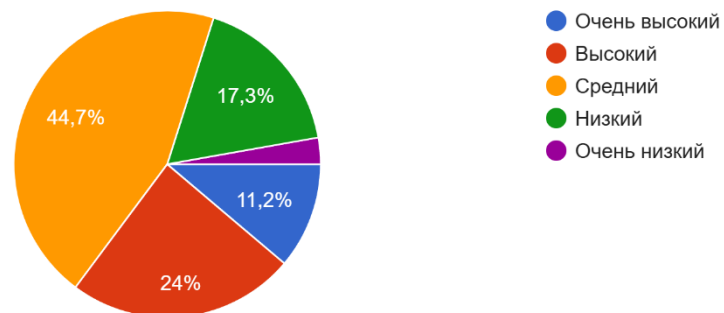
Укажите основные препятствия, с которыми вы столкнулись при запросе информации:

179 ответов

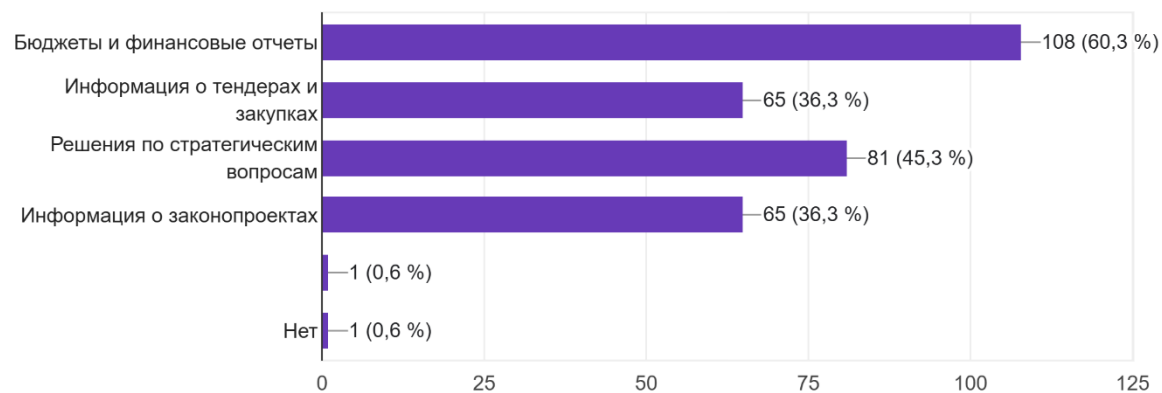
Как вы оцениваете текущий уровень доступности государственной информации?

179 ответов

Какие виды информации, по вашему мнению, недостаточно доступны?

179 ответов

Какие изменения, на ваш взгляд, необходимо внести для улучшения доступа к информации?

- А. Упростить процедуры подачи запроса – 45,3%
- Б. Повысить ответственность за отказ в предоставлении информации – 34,1%
- В. Расширить перечень данных, доступных онлайн – 54,2%
- Г. Создать специализированные центры по предоставлению информации – 29,1%
- Д. Нет – 0,6%

Какие изменения, на ваш взгляд, необходимо внести для улучшения доступа к информации?
179 ответов

